

Андрей Дикий

Евреи в России и в СССР

Исторический очерк

Издание 2-е (первое в России), Новосибирск, «Благовест» - 1994

Библиография — не приводится, ибо в тексте приведены пространные выдержки из различных книг, журналов и статей с точными данными, когда и где это напечатано и кем написано. Перечислять же многие сотни источников нет никакого смысла. Это бы только увеличило объём книги на много страниц, ничего не изменивши по существу.

* * *

«Причину антисемитизма следует искать в самих евреях»...

«Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и, по возможности, содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям». (Из книги «Антисемитизм в древнем мире»).

Соломон Лурье

(проф. Университета, Петроград),
Петроград 1922 год.

«Боязливые и двоедушные — евреи и не-евреи — рекомендуют об этом не говорить, из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам религии, расы, цвета кожи только способствуют усилению и распространению самой диффамации и дискриминации»...

Марк Вишняк

(Бывший секретарь Всероссийского Учредительного Собрания),
Нью-Йорк, 1944 г.

«Русский не скажет еврею того, что скажет русский русскому».

Соломон Шварц

(журналист-«Бундовец»),
Нью-Йорк, 1952 г.

«В СССР для евреев никаких ограничений не существует».

Соломон Рабинович

(редактор еврейской газеты «Айникайт»),
Москва, 1966 г.

Содержание

Часть I.....	2	Результаты и итоги ассимиляционной и ограничительной	
Предисловие.....	2	политики.....	28
Евреи.....	9	Как создавался еврейский капитал в России.....	34
Евреи на землях Киевской Руси и Московского		Социальная структура русского еврейства.....	34
государства.....	10	Участие и роль евреев в культурной жизни России.....	35
Евреи в Киеве.....	10	Евреи в русской литературе и критике.....	43
Евреи на северо-востоке.....	10	Евреи — русские адвокаты.....	44
«Жидовствующие».....	10	Русское еврейство в начале XX века.....	46
Очищение Левобережья.....	13	Дело Бейлиса.....	51
Сейм.....	16	Еврейский вопрос от февраля до октября 1917 года.....	54
Трибунал.....	16	Евреи в СССР.....	64
Первые евреи в России.....	17	Национально-персональная автономия.....	90
Дальнейший рост числа евреев в России.....	18	Землеустроительная деятельность.....	96
Политика русского правительства в еврейском вопросе.....	19	30-летние итоги.....	99

Годы войны.....	104
Послевоенный период.....	108
Часть 2.....	117
Приложение 1. В.Н. Татищев.....	117

Приложение 2. Правящий класс СССР перед 2-й мировой войной 1936-1939 гг.....	118
Послесловие	128

Часть I

Предисловие

Как указывает заглавие настоящего очерка, он ограничен и временем, и территорией. Временем — только теми тремя периодами, когда еврейская этническая группа жила на территории русского государства: периодом Киевской Руси; периодом, когда Западная и Юго-Западная Русь находилась под властью Польши; и третьим периодом — Российской Империей, переименованной в СССР.

Территория — только земли русского народа и, созданного им, Государства Российского.

Всё, что вне этих территориальных и временных границ, находится и вне границ настоящего очерка.

За две тысячи лет своего пребывания в рассеянии, различные численно группы евреев жили в различных странах и среди различных народов, в различные периоды времени.

И неизменно всюду, где появлялись евреи, вместе с ними появлялся конфликт между ними и коренным населением.

Появлялся «еврейский вопрос» или «юдофобия» — то, что, начиная с половины XIX века, называется «антисемитизм».

Название, это, очевидно, неправильно, ибо семиты — не только евреи.

Но теперь слово «антисемитизм» употребляется только применительно к евреям, заменивши, веками существовавшее, точное определение — «юдофобия» для обозначения отрицательного к еврейскому племени отношения и «юдофилия» — для обозначения к евреям отношения дружественного, положительного.

Причины «юдофобии», существовавшей и существующей, как в эру дохристианскую, так и в последующие эпохи, вплоть до настоящего времени, выходят за границы настоящего исторического очерка, а потому и рассматривать их подробно не приходится.

Тем более, что существующие мнения на причины известного взаимного отталкивания евреев и не-евреев у разных исследователей — диаметрально противоположны.

Одни считают, что виноваты в этом народы, среди которых евреи жили и живут в рассеянии; другие причину «юдофобии» ищут в самих евреях, которые, как сказал ещё **Спиноза**, «несут её с собой».

На протяжении веков, очень много писалось о наличии «юдофобии» и её проявлениях по отношению к евреям. Гораздо меньше писалось о причинах «юдофобии», хотя, как известно с античных времён, «ничего не бывает без причины» («*Нигул сине кау-*

за» — сокр. *N.S.C.*).

Объём и характер настоящего очерка не решает подробнее остановиться на причинах. Но и обойти их молчанием нельзя.

Поэтому мы позволяем себе порекомендовать читателю ознакомиться с исследованием этого вопроса, помещённым во II части книги: «Антисемитизм в древнем мире» проф. **Соломона Лурье**, в котором автор рассматривает те причины, которые порождали (и порождают и теперь - *А.Д.*) явление, которое раньше называлось «юдофобия», а теперь — «антисемитизм».

В ходе изложения, конечно, косвенно будет упоминаться и о причинах дисгармонии в русско-еврейских отношениях, которые нельзя ни отрицать, ни замалчивать.

Эта дисгармония или взаимное недоверие и отталкивание существовало, с самого появления евреев среди коренного русского населения (всех трех ветвей Руси: великороссов, малороссов-украинцев и белорусов), существует оно и ныне.

И не только между русскими (в широком смысле этого слова) и еврейской этнической группой, но и между всем населением СССР и евреями, рассеянными по всей территории этой страны.

Эту дисгармонию и взаимное недоверие, и отталкивание, применительно не только к русскому народу, но и ко всему населению СССР, называют «антисемитизмом», приписывая инициативу всем не-евреям в СССР, и изображая евреев стороной страдающей.

Виноваты все, но только не евреи, которые всегда и во всём правы...

Согласиться с этим стереотипным объяснением евреями всех причин их конфликтов с коренным населением во все времена и во всех странах их рассеяния, конечно, ни один серьёзный исследователь не может.

А пытаться установить причину, как это сделал в своём исследовании Соломон Лурье, мало кто пытается. А потому, предпочитают молчать о причинах и говорить только о следствиях — внешних проявлениях того, что называется «антисемитизм».

«Боязливые и двоедушные — евреи и не-евреи — рекомендуют об этом не говорить, из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам расы и цвета кожи только способствуют усилению и распространению самой диффамации и дискриминации» — так говорит бывший секретарь Всероссийского Учредительного Собрания **Марк Вишняк** в своём очерке «Международная конвенция против антисемитизма», напечатанном в

сборнике II «Еврейский Мир», стр. 98, Н.Йорк, 1939.

И, в то же время, он сам является инициатором этой конвенции, но нигде не уточняет, что надлежит понимать, как «антисемитизм». Ведь, не может же он не понимать, что, кроме расы и цвета кожи, существует и ещё нечто, что отличает евреев от не-евреев.

Это «нечто» формулировал ещё за 30 лет до того, когда М. Вишняк возбудил этот вопрос в масштабе интернациональном, профессор Соломон Лурье, сказавший, что «внутренний облик» — это то, что отличает всех евреев от всех не-евреев, независимо от цвета кожи, окраски волос и происхождения.

Вот это то «нечто», этот «внутренний облик» и объясняет наличие конфликта между семитами евреями и арабами, чего никак нельзя объяснить, если принять формулировку г. Вишняка.

Ведь и раса, и цвет кожи у них одинаковы... Чем же оба эти народа отличаются один от другого? Не «внутренним ли обликом»?

Этот «внутренний облик» порождает известную настороженность и недоверие всех не-евреев (русских в том числе) ко всем евреям.

Полной откровенности между ними не бывает, что правильно подметил известный исследователь «антисемитизма», автор ряда книг, **Соломон Шварц**. «То, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет» — читаем мы на стр. 41 книги С. Шварца «Антисемитизм в Советском Союзе» (Н.-Йорк, 1952 г.).

То, что подметил г. Шварц отвечает действительности. Но С. Шварц не счёл нужным сказать и то, «что скажет еврей еврею, русскому еврей не скажет». И не попытался даже объяснить причину, правильно подмеченного им, явления.

Что причина — недоверие, объяснять не надо.

Приведенные выше высказывания трёх евреев, родившихся в России, получивших высшее образование в русских университетах и занимавших видные посты в русской культурной и политической жизни, заслуживают особого внимания, свидетельствуя о наличии известного недоверия между русскими и евреями.

Недоверие, это, как известно, нередко выливалось во взаимное пренебрежительно-презрительное отношение, создававшее предпосылки для всякого рода конфликтов.

Явление это не является специфическим для русско-еврейских взаимоотношений или для отношений между евреями и всем остальным населением многоплеменной России — СССР.

Оно наблюдалось во все времена еврейского рассеяния и во всех странах их пребывания.

Иногда эти взаимно пренебрежительно-презрительные отношения между евреями и коренным населением обострялись и выливались в погромы, изгнания из страны и разного рода преследования, до сжигания евреев включительно.

Иногда наступала «оттепель», каковую евреи использовали для улучшения своего положения в

стране, как в области материального преуспевания, так и в вопросе участия в политической жизни страны,

А бывали и такие случаи, когда евреи, воспользовавшись особым к ним благоволением правителя страны, получали от него разрешение истребить всех тех из коренных жителей страны, которые, по мнению евреев, враждебно к ним настроены, что и осуществляли, как это описано в Библии — «Книга Эсфирь».

История знает и такой случай, когда еврейская этническая группа истребила своих единоплеменников-ренегатов, получивши на это разрешение правителя страны, которому они сумели внушить, что ренегатам, сменившим свою иудейскую религию на культ римских богов, ради личных выгод, доверять нельзя и что эти ренегаты так же легко изменят императору (Птоломею), как изменили Иегове.

Но все эти конфликты и колебания во взаимоотношениях евреев с коренным населением носили характер местный, не выходя за границы одного государства. Одно государство их изгоняло, другое принимало, одни правители им благоволили, другие их только «терпели»...

И поэтому, так называемый, «еврейский вопрос», появившийся везде, где появлялись евреи, особенно большого значения в жизни государств и народов не имел, тем более, что численно группы евреев, пребывавших в разных государствах, были незначительны, редко превышая несколько десятков тысяч.

Иначе обстоит вопрос с евреями в России и в СССР.

Во-первых, к началу текущего столетия, в пределах России оказалось больше шести миллионов евреев — подавляющее большинство всех евреев мира.

Эта многомиллионная еврейская масса в быту жила по законам своей иудейской религии, обособленно от остального населения страны, причём, это обособление не было принудительным гетто, а было, своего рода, самоизоляцией в быту.

Но, в то же время, евреи в России стремились, по всем возможным каналам, к участию во всех отраслях жизни страны, в чём и преуспевали в значительной степени.

Во-вторых, русское еврейство в начале XX века было тем центром еврейской религиозной жизни и еврейского народного сознания, который давал направление жизни и деятельности всей еврейской диаспоры, создавал чисто еврейские идеологические течения и политические партии масштаба общееврейского, давал из своих рядов политических деятелей и лидеров всего еврейства.

В-третьих, к концу второго десятилетия нынешнего века с русским еврейством произошло неслыханное за всю историю человечества превращение из незначительного, всего четырёхпроцентного меньшинства, к тому же, частично ограниченного в правах, в правящий класс, заполнивший чуть ли не все руководящие посты во всех отраслях жизни России.

Явление, не имеющее прецедента в истории.

В-четвёртых, наконец, заслуживающая особого внимания реакция всего свободного мира и его печати и общественного мнения на перемену социального положения евреев в России в конце второго десятилетия XX века и реакции на эту перемену, определившуюся через 30 лет, в конце сороковых годов, после окончания второй мировой войны.

Когда меньше чем через один год после падения царского режима в России еврейская этническая группа превратилась в правящий класс страны, в которой она была только численно ничтожным меньшинством, чужим и чуждым коренному населению — тогда мировое общественное мнение и подавляющая часть его периодической печати и общественных и политических деятелей попросту обходили молчанием этот беспрецедентный в истории человечества случай.

И то, что *четыре еврея, от имени России, заключили Брест-Литовский мир*, и то, что все делегаты России в Лиге Наций были евреи, и то, что во всех отраслях жизни России евреи играли руководящую роль, занимая ключевые позиции.

Только в малочисленных и мало влиятельных иностранных печатных органах, изредка и робко, обращалось внимание на необычайную перемену положения еврейства в России.

Писалось об этом гораздо больше в эмигрантской печати правого направления, но с ней мало кто считался, ибо она вся огульно квалифицировалась, как «антисемитская и реакционная».

Эмигрантские периодические издания, так называемого, «демократического» направления все были в руках русских евреев-эмигрантов и писали о чём угодно, но только не о захвате в России руководящего положения их единоплеменниками.

Только отдельные представители «демократического» лагеря русской эмиграции, наблюдая всё происходящее в России, рискнули «вложить персты в рану» и коснуться «еврейского вопроса» в СССР.

Известная политическая деятельница **Е. Кукова** и не менее известный лидер и создатель партии «Крестьянская Россия» **С. Маслов** высказались в печати по этому «щекотливому вопросу», указавши на обратную пропорциональность (евреев и не-евреев) в правящем классе России, создающую предпосылки для юдофобии во всём населении страны.

Писали по этому вопросу также и известная общественная деятельница **А. Тыркова-Вильямс**, равно, как и один из лидеров солидаристов (НТС) **А. Столыпин**, сообщавший на страницах иностранной печати о племенном составе делегации СССР в Лиге Наций в июле 1937 г.

Но их голос никем не был услышан и поддержан. «Щекотливый вопрос» на страницах демократической эмигрантской печати не поднимался и не обсуждался.

Была также и попытка группы евреев-эмигрантов затронуть на страницах печати и на собраниях этот вопрос.

В начале 20-х годов, в Берлине была создана организация «Отечественное Объединение русских

евреев за границей», выступившая с призывом ко всему еврейству отмежеваться от действий их единоплеменников в России, имея в виду их чрезмерное участие в проведении красного террора, не без основания указывая, что отрицательное отношение населения к евреям — осуществителям красного террора, может распространиться и на всех евреев в стране.

Но их голос не только не был принят во внимание, но вызвал резкое осуждение всего еврейства. И замолк...

Хотя, по существу, требования отмежевания были весьма ограничены. Призывалось отмежеваться только от единоплеменников, активно проводящих красный террор, но ничего не говорилось о том переполнении евреями всех учреждений России, которое не могло быть неизвестно призывающим к отмежеванию.

Надо полагать, что возражений против монопольного положения евреев в России во всех других областях деятельности, кроме красного террора, у авторов призыва не было.

Но и этот, более чем скромный, призыв вызвал взрыв негодования у всех эмигрантов-евреев, каковые считали, что нельзя вообще касаться этого вопроса, а надо его замалчивать, если уже нельзя оправдать или опровергнуть.

В результате всего изложенного, на полных 30 лет над вопросом о превращении евреев в СССР в его правящий класс был опущен непроницаемый занавес и воцарился заговор молчания, нарушить который никто не решался из боязни прослыть «антисемитом», со всеми отсюда вытекающими последствиями.

После второй мировой войны всё резко изменилось. «Еврейский вопрос» в СССР появился на страницах мировой печати и русских эмигрантских газет и журналов и о нём стали писать.

Примерно то самое, что писалось до 1917 года: о притеснениях, угнетениях, преследованиях еврейской этнической группы в СССР, прибавляя к этому и нечто новое — обвинение правительства и народа СССР в «Культурном геноциде», применении к своим гражданам - евреям.

Насколько серьёзны и обоснованы эти обвинения, читатель вынесет сам своё суждение после того, как внимательно прочтёт всё, что написано в настоящем очерке, в котором приведены факты и события, наличие которых не оспаривается и теми, кто выступают, как обвинители.

А поэтому, здесь, в предисловии, мы не будем заниматься выяснением подлинных причин возрождения старых, дореволюционных обвинений России в антиеврейской политике.

Причины эти отчётливо видны при внимательном и объективном рассмотрении этого «щекотливого» вопроса.

Заключаются они в недовольстве евреев постепенной потерей того привилегированного положения в земле русского народа и созданном им государстве, каковое они имели в течение тридцати лет.

В атмосфере холодной войны обвинения эти приобретают особое значение, выходя за пределы одного государства и получают международный характер, создавая предпосылки для враждебного отношения всего мира к стране и народу, где происходит «культурный геноцид» и разного рода дискриминация по отношению к евреям.

Последние два десятилетия (1947-1967 годы) написано множество книг и статей, посвящённых этому вопросу, состоялось бесконечное число митингов протеста против «преследования евреев» в СССР...

За редчайшими исключениями, всегда и везде русский народ и его нынешнее правительство безоговорочно осуждаются за «антисемитизм», как теперь упрощенно называют любое проявление недоверия и отталкивания к отдельному лицу или группе лиц еврейского племени, не считая нужным поискать причины этих настроений и явлений.

А, между тем, ведь, общеизвестно, что ничего на свете не бывает без причины.

Логично бы было ожидать, что, установивши наличие известных настроений и явлений, вызванных этими настроениями, те, кто выступают в роли обвинителей, должны бы были попробовать установить и причины это вызывающие. Однако, никто этого не делает.

Самая мысль о том, что причину, так называемого, «антисемитизма», может быть, следовало бы поискать в самих евреях и в их отличии от всех других народов и племён, была бы квалифицирована, как проявление «антисемитизма» самого автора, а поэтому, этот «щекотливый» вопрос и остаётся без ответа.

Как уже упомянуто выше, только очень немногие авторы пытаются затронуть этот вопрос, оправдать или объяснить извечный конфликт между евреями и народами, среди которых они жили или живут.

Одним из таких авторов является профессор Соломон Лурье, обширные выдержки из труда которого («Антисемитизм в древнем мире») приведены в части II настоящей книги.

Вторым автором, рассматривающим вопрос роли евреев в жизни тех народов, где они находятся, является известный еврейский деятель **Яков Клацкин**, написавший книгу «Проблемы современного еврейства», вышедшую в Берлине в 1930 году.

Рассматривая роль евреев в культурной жизни народов, участие в каковой возможно только при известной ассимиляции (овладение языком, принятие внешнего облика окружающей среды), Яков Клацкин об этих ассимилянтах пишет следующее:

«Они, в первых стадиях ассимиляции, вредны не только для своего еврейского народа, от которого они окончательно не отошли, но они вредны и тому народу, в который они хотят войти для властвования над ним.

Они часто мутят источники чужой культуры, опошляя её, хотя кажется, что они проникают в её глубины. Этим они оскорбляют её основы. Они остаются большею частью поверхностными или

делаются разрушителями и злостными насмешниками.

Их сила — издевательство и ирония. Самовлюбленное мудрствование, всезнайство. Обо всём... Всегда около, без проникновения в сущность...

Они, еврейские ассимилянты, очень любят быть космополитами. Беспочвенные, они не чувствуют тайных сил народного гения. Они очень любят быть посредниками между многогранными национальными культурами.

Они мутят — ибо презирают — силу организованного общества. Соглашательские души, не понимающие святости понятий самобытности и неповторяемости. Они всезнайки. Они нигде и всюду дома.

Они очень любят быть радикалами и самыми передовыми среди передовых. Они очень любят быть нигилистами, обесценивателями и разрушителями.

Нагие души, банкроты, потерявшие свое национальное имущество — они не находят покоя, оторванные звенья исторической цепи.

Их идеализм — в подозрении. Легко этим людям без корня быть апостолами свободы и работать против того, что свободно.

Даже их добродетели носят печать зла.

Если, в известном смысле, они ещё связаны с еврейством, то и тем они, кроме беспорядка, ничего не делают. Они приспособливаются и находят общее среди чуждых элементов.

Они сводни еврейства с германской культурой, еврейства с французской культурой и т.д. — и этим они наносят ущерб обоим сторонам, калечат тех и других.

Еврейские ассимилянты будут отвечать не только перед еврейскими, но и перед другими народами.

Они грешат перед национальной структурой чужого культурного целого, фальсифицируют его историческую подлинность, его национальную душу, посредством фальсифицированного еврейского отступничества.

Они — вдвойне фальсификаторы. Они стирают границы, потому что в их душе все границы стёрты.

Поэтому — святая обязанность народов стоять на страже своей национальной индивидуальности» (стр. 196 и 197 немецкого издания).

Клацкин объясняет приведённое выше тем, что евреи происходят от «духовной элиты», интеллектуально высоко развиты и богаты, как творческими, так и разрушительными способностями, а потому не могут рабски воспринимать чужую культуру и растворяться в ней бесследно.

Высказывания эти перекликаются с высказываниями многих авторов, как евреев, так и не-евреев, которые пытались проникнуть в совершенно исключительную способность евреев сохранять своё еврейство при всех внешних признаках полной ассимиляции.

А эта способность неизбежно вела к конфликтам с коренным населением, причём, эти конфликты бывали всегда тем ощутительнее, чем сильнее и крепче были национальные чувства и сознание своего единства у народа, среди которого жили евреи.

В дореволюционной России патриотизм, чувство национальной гордости, в результате влияния либерально-социалистических идей, находился в упадке, особенно среди интеллигенции и молодёжи.

А старшие поколения или сходили со сцены, или теряли свой авторитет у поколений более молодых и активных.

Этим обстоятельством, вероятно, и можно объяснить ту лёгкость, с которой, к концу 1917 года, еврейская этническая группа фактически превратилась в правящий класс, занявши руководящие посты и создавши каркас новой власти, не встретивши при этом надлежащего противодействия коренного населения.

Борьба с новой властью имела подкладку больше экономическую, чем отчётливо выраженное нежелание, чтобы иноплеменики правили страной.

Русский народ тогда ещё не осознал себя национально, а новая власть с ожесточением повела борьбу за искоренение из памяти народа его прошлого, за уничтожение всех памятников его культуры, чем гордится и что бережно хранит каждый народ.

Русская национальная элита была уничтожена физически, а те, что уцелели, были запуганы и приведены в молчание.

Но вскоре, казалось уничтоженный с корнем, русский патриотизм, национальная гордость, проснулись и начали своё медленное, но твёрдое и уверенное движение, направленное к ликвидации той «обратной пропорциональности» коренного населения и евреев в правящем классе страны, которая установилась в России к концу 1917 года и просуществовала до конца второй мировой войны.

Движение это шло неуклонно без каких-либо эксцессов, погромов, насилий. На смену, уничтоженной культурной элиты дореволюционной России, пришла новая, молодая интеллигенция и, как хозяин своей страны и законный наследник её исторического прошлого, предъявила свои права...

И отказать ей в этом никто не посмел... А это значило потерю еврейской этнической группой того положения, которое она монопольно занимала больше четверти столетия.

Вряд ли мы ошибёмся, если скажем, что именно в этом и лежит причина той кампании в печати всего мира, обвиняющей русский народ и его правительство в активной антиеврейской деятельности.

До конца сороковых годов всё было в порядке и весь мир молчал, наблюдая, как Россией правят и от её имени выступают евреи.

Из поля зрения всех лиц и учреждений, занятых изучением «русского вопроса» ускользало то, единственное в истории, явление, что двухсотмиллионной страной монопольно управляют предста-

вители всего трёхмиллионной этнической группы, чуждой коренному населению по расе, миропониманию и правосознанию.

Но, надо надеяться, это не ускользнет от внимания тех, кто в будущем займётся исследованием этого вопроса в спокойной обстановке, а не в атмосфере ведущейся холодной войны, в которой обвинение русского народа в «антисемитизме» является одним из главных козырей в этой пропагандной войне.

Не легка будет задача этих исследователей. Горы книг, тысячи статей и разного рода «свидетельств» о проявлениях «антисемитизма» русского народа и о «преследовании» евреев в России и СССР найдут эти исследователи.

И ничего или почти ничего опровергающего эти утверждения и объективно излагающего природу и сущность русско-еврейских взаимоотношений и подлинные причины, породившие обвинения русского народа в «преследовании» евреев.

Кроме, разве, сравнительно малочисленной литературы, в которой русско-еврейские взаимоотношения освещаются, с точки зрения религиозно-мистической, больше затемняющей, чем освещающей этот вопрос.

Учитывая изложенное выше, само собою напрашивается вывод, что нам, современникам, в интересах истины и исторической правды, надлежит объективно и правдиво осветить этот вопрос и сказать ту правду о русско-еврейских взаимоотношениях, которая систематически замалчивается или искажается и извращается.

И не только для будущего надо сказать эту правду, но и для настоящего. Ведь, ни для кого не секрет, какую огромную роль играет «еврейский вопрос» в деле создания и культивирования антирусских настроений во всём мире.

А эти антирусские настроения питают, обостряют и подогревают «холодную войну» и создают для всего мира угрозу превращения её в войну горячую, которая может закончиться мировой катастрофой и гибелью многих миллионов людей.

Вот почему так важно объективное и своевременное освещение русско-еврейских взаимоотношений.

Не долг ли это всех нас — тех, кто родился и вырос в России, независимо от расы, вероисповедания, политических взглядов и партийной принадлежности?

И русских, и не-русских, в том числе и русских евреев, которые лучше, чем кто-либо, осведомлены о том, что происходит с СССР...

Но, увы, все молчат и своим молчанием косвенно подтверждают лживую пропаганду, порождающую и питающую русофобию во всём мире.

Характерно и заслуживает особого внимания при анализе этой пропаганды одно обстоятельство.

Обвиняется во всех смертных грехах против евреев только великорусская ветвь русского народа, и только она посажена на скамью подсудимых, в то время как малороссов-украинцев на этой скамье мы не видим, хотя и общеизвестно, что именно на тер-

ритории Украины происходили все эксцессы на почве юдофобии в прошлом, и что в настоящем украинцы по происхождению занимают ответственные положения в стране и принимают активное участие в проведении той, по отношению к евреям, политики, которую безответственная пропаганда называет «культурным геноцидом».

Отсутствие украинцев на скамье подсудимых объяснить нетрудно, если известна конечная цель тех, кто обвиняет русский народ в «преследовании» евреев.

Цель эта — ликвидация единого государства, созданного русским народом и называющегося сейчас СССР.

А после ликвидации — создание из её территории ряда суверенных государств, в том числе и Украины.

А, так как, к этому стремятся украинские сепаратисты — они являются желанными союзниками тех сил, которые, под видом борьбы за свободу и борьбы с коммунизмом, ведут пропаганду за расчленение России.

В этой пропаганде самым сильнодействующим лозунгом, находящим отклик в печати всего мира, есть призыв спасти евреев от «культурного геноцида», проводимого по отношению к ним русским народом, русским правительством, русским коммунизмом — слово «русский» везде подчёркивается и выпячивается.

Конечно, сознательно и намеренно, для создания соответствующих антирусских настроений.

Здесь будет уместно отметить, что всего двадцать с небольшим лет тому назад печать свободного мира, в частности, еврейская эмигрантская, далеко не одобрительно писала о роли украинцев в деле уничтожения евреев немцами во время последней войны.

Вот, что читаем мы в «Еврейском Мире» за 1944 год на страницах 235 и 236:

«Особенно выдающаяся роль в антисемитской кампании была немцами предназначена украинцам. В статье, посвящённой украинскому народу, «Дер Штурмер» не только включил украинцев в «северно-динарский» расовый тип, но и специально выделял их за выдающиеся антиеврейские достижения в прошлом».

Газета с удовлетворением напоминала об истреблении 400 000 евреев во время восстания Хмельницкого в 1648 году и 70 000 евреев, вырезанных петлюровцами и другими украинскими бандами в 1918-19 годах. Статья заканчивалась выражением «твёрдой надежды, что украинцы окажутся на высоте положения и отомстят евреям».

«Все 60 газет, выходящие на украинском языке в занятой немцами Украине, ведут ожесточённую антиеврейскую травлю».

«В канун 1942 года в Варшаве состоялось совещание бывших офицеров и солдат, сражавшихся в 1918-1919 годах в рядах Петлюровской армии. На этом совещании был дан обет помогать нацистской Германии в ликвидации советской власти и в истреблении евреев».

А в мае 1966 года в Нью-Йорке происходит братание сионистов и петлюровцев и тоже даётся обет уничтожения «русского» коммунизма, но уже без упоминания об евреях. (Подробности этого братания напечатаны в украинском еженедельнике «Наша Батьківщина» в номере от 31 мая 1966 года.)

Сопоставление этих двух обетов, данных теми же самыми петлюровцами, превратившимися из истребителей евреев в их союзников в деле ликвидации единого государства — СССР, заслуживает особого внимания.

Пока евреи в СССР были правящим классом — еврейство всего мира единство этого государства всячески поддерживало.

Когда же оно перестало быть таковым — начались братания и союзы еврейства с разного рода сепаратистами, стремящимися к уничтожению России-СССР.

Ибо еврейство всего мира отлично понимает, что возврата к прежнему, к положению правящего класса, у евреев в СССР нет.

Когда-нибудь, когда придут исторические сроки, вопросом этим займутся исследователи нашей бурной эпохи. Нам же, современникам, только можно и должно обратить внимание на это явление.

Я принадлежу к «уходящему» поколению. Тому поколению, которое получило «аттестат зрелости» перед первой мировой войной, а созревало в годы совершенно исключительного экономического и культурного подъёма России, в период от конца первой революции до рокового 1914 года — начала мировой войны.

Поколения, на долю которого выпало быть свидетелями и участниками бурных событий первой половины текущего, XX столетия. Поколения, которое не только слышало или читало об этих событиях, но их видело и переживало.

Видело и хорошее, видело и плохое, видело всё происходившее таким, каким оно было на самом деле, а не таким, каким его представляют уже теперь многие хроникёры, замалчивая одно и выпячивая другое, и тем искажая историческую правду.

Родился я и вырос в сердце Малороссии — Украины, недалеко от бывшей столицы — Батурина, образование получил в Киеве, где ещё в мирное время одел фуражку с голубым околышем — студента Университета.

Затем — мировая война и последующие за ней годы «переворотов, возмущений», во время которых пришлось немало пережить и понаблюдать...

Проведя всю мою сознательную жизнь на Украине, где жили больше половины всех евреев России, особое моё внимание всегда привлекал, так называемый, «еврейский вопрос», как до революции, так и способ его решения после революции.

И теперь, после второй мировой войны, когда этот вопрос перестал быть вопросом внутрисоветским и стал одним из основных факторов мировой политики, постоянные и бесчисленные его извращения и искажения на страницах мировой печати породили во мне потребность внести и свой скром-

ный вклад в дело правдивого освещения этого вопроса — написать настоящий, далеко не совершенный и не полный, но правдивый очерк «Евреи в России и в СССР», каковой предлагаю вниманию читателей.

Очерк, основанный на фактах, в котором приведено то, что действительно имело место, а не является пропагандной шелухой, которой можно найти так много во всём, что напечатано на всех языках мира в связи с «еврейским вопросом» в России и в СССР.

Работая над настоящим очерком, я перечитал сотни книг, брошюр, статей, очерков, высказываний и исследований разных авторов на разных языках.

Как авторов, причисляемых к «юдофобам — антисемитам», так и авторов, стоящих на диаметрально противоположной точке зрения — «юдофилов», каковых неизмеримо больше, чем первых. Авторы-евреев и авторов-не-евреев.

И пришёл к твёрдому убеждению, что все попытки решить или объяснить наличие «еврейского вопроса» во все времена и у всех народов с позиций религиозно-мистических не только не содействуют нахождению правильного ответа на этот, волнующий весь мир, вопрос, но его решение затрудняют, усложняют и делают невозможным.

Ни «тёмные силы» или «Мудрецы Сиона», неизменно фигурирующие у одних авторов, ни «избранность» и особая «благодать» еврейского племени, признаваемая другими авторами — делу уяснения природы и сущности извечного взаимного отталкивания и конфликта никак не содействуют.

Тем более, что и одна, и другая точка зрения приводят, в конечном результате, к противоречию с христианским учением, с одной стороны, и понятием демократии, в широком смысле этого слова, с другой.

Истинно верующий христианин не может отказать в полном и безоговорочном равноправии еврею, принявшему христианство, хотя и видит, что, с принятием христианства, — далеко не сразу и далеко не все — исчезают те особенности внутреннего облика еврея, которые порождают взаимное отталкивание евреев и не-евреев.

Точно также и последовательный демократ, исходящий из положения, что все люди всегда и во всех отношениях равны, не может не признать и евреям все политические и культурные права, хотя и видит, что евреи, пользуясь всеми этими правами, сохраняют свою самобытность, своё еврейское миропонимание и правосознание, не всегда соответствующее окружающей среде, что ведёт к взаимному недоверию и отталкиванию.

Устранить всё это — значит решить еврейский вопрос, который существует, несмотря на все законы против дискриминации и на все попытки его замолчать.

Как это осуществить и какие сроки для этого понадобятся, равно и какие меры надо предпринимать — нашему поколению вряд ли удастся решить и осуществить. Слишком уж глубоко ушли в прошлое корни того, что вызывает «еврейский вопрос».

Пока же, что мы были и, вероятно, ещё долго будем свидетелями неудачных попыток разрешить этот больной и извечный вопрос.

Все разговоры об «антисемитизме» без конкретных предложений, как его изжить, ни к чему не привели в прошлом и не приведут в будущем. Ни строгие меры наказания в СССР, ни его замалчивание в свободном демократическом мире.

Объективное изучение этого вопроса и логика подсказывают три возможных решения:

I. Путь ассимиляции, полной и окончательной с коренным населением. Но это возможно, только при отказе евреев от иудейской религии, неразрывно связанной с расой, племенем, и нескольких поколений смешанных браков... Но самое высказывание такой мысли уже считается проявлением «антисемитизма» и всё еврейство — и верующие и атеисты — единодушно восстают против такого решения.

II. Создание еврейских территориальных единиц, суверенных или автономных, в границах которых еврейская народность могла бы жить по своим законам и развивать свою, еврейскую культуру. Пример Биробиджана показывает, что евреи такое решение рассматривают, как дискриминацию.

III. Третье возможное решение — это статус «иностранцев» для еврейской этнической группы в данной стране, что автоматически лишает их права участия в культурной жизни страны и возможности влиять на её политику.

Но ни одно из приведённых выше решений евреев не удовлетворяет. А четвёртого решения они не предлагают. Вопрос остаётся открытым, точнее, замолчанным.

Надо надеяться, что он сможет быть окончательно решён только в отдалённом будущем, когда время возьмёт своё и многие предубеждения и вековые предрассудки исчезнут.

Тогда, после нескольких поколений смешанных браков, сам собою исчезнет и еврейский вопрос. И это произойдёт тем скорее, чем скорее люди поймут, что нельзя неразрывно связывать религию и расу.

* * *

В обширной литературе, посвящённой еврейскому вопросу, как юдофильской, так, в особенности, в юдофобской, неизменно фигурируют указания на «тёмные силы». Протоколы Мудрецов Сиона, «каббалу», «сатанизм» и прочие «объяснения» еврейского вопроса.

Не имея достаточной эрудиции, чтобы выносить своё суждение по этим вопросам, я и не пытаюсь на них дать исчерпывающий ответ или их всесторонне и объективно изложить в настоящем очерке. Ограничиваюсь только описанием фактов и событий, имевших место.

Исходя из положения, что внешние факторы оказывают огромное влияние на духовный облик человека, вырабатывая те или иные свойства его характера, мне кажется, что над этим вопросом стоит серьёзно задуматься при попытке объяснения некоторых свойств евреев, препятствующих их со-

существованию с другими народами.

Вопрос этот научно разработан в книге профессора Соломона Лурье «Антисемитизм в древнем мире», которая даёт ответы на многие недоумённые вопросы и объясняет многое то, что, на первый взгляд, кажется таинственным и непонятным.

Внимательно и вдумчиво прочитавши обширную выдержку из его книги, напечатанную в части II настоящего очерка, многое из того, что ранее приписывалось «тёмным силам» и «Мудрецам Сиона», станет ясным и легко объяснимым.

Всё то, что есть в «Протоколах Мудрецов Сиона» — рецепт для преуспевания в жизни, в среде других народов — читатель найдет в книге С. Лурье с объяснениями, что побуждает евреев прибегать к той или иной тактике в борьбе за преуспевание, как личное, так и всего еврейского народа.

На этом я позволю себе закончить моё несколько затянувшееся вступление, предоставляя читателю вынести своё мнение о правильности и целесообразности всего, изложенного в настоящем очерке.

Евреи

Как свидетельствует Библия, являющаяся историей еврейского народа, евреи — прямые потомки одной семьи азиатских кочевников — семитов, выросшей в многочисленную народность — племя, объединённое и крепко спаянное единством религии и происхождения.

Будучи рассеяны среди других народов в течение двух тысячелетий, евреи не имели своей территории и пользовались языком тех народов, среди которых они жили, но, тем не менее, сохранили своё племенное единство, не смешиваясь с другими народами, и живя среди них своей обособленной жизнью, строго придерживаясь своей религии, которая у евреев, в отличие от других народов, неотделима от расы, происхождения.

Кроме того, еврейская религия учит, что евреи — народ избранный, отличный ото всех других народов и племён, и находится под особым покровительством Бога.

В свою избранность евреи верят, и это возвышает их в собственных глазах и содействует сознанию собственного превосходства.

Благодаря этим особенностям еврейской религии и быта, они всегда оставались чужеродным телом в тех государствах, в которых жили, несмотря на то, что говорили на их языке, забывши язык своих предков и сохранивши его только в религиозном обиходе, и принимали самое активное участие в экономической (хозяйственной) жизни этих государств и наций.

Свою активность евреи проявляли почти исключительно в области торговли, посредничества и ремёсел, избегая той части хозяйственной деятельности, которая производит предметы потребления или нужное для них сырьё.

Ни земледелие, ни скотоводство, ни пионерская деятельность по освоению и культивированию

новых земель и недр земли евреев не привлекала в странах рассеяния.

Участие евреев в культурной жизни тех народов, среди которых они жили, было весьма незначительно до рубежа 18 и 19 столетий по той причине, что и христиане, и евреи приходили в конфликт со своими религиями, если они знали и общались между собою, что было неизбежно, при участии в культурной жизни.

К приобщению к своей религии иноплеменников евреи не стремились, ибо принять их, как равноправных членов своих религиозных общин, они не могли.

По точному смыслу норм еврейской религии, евреем надо родиться и нельзя евреем стать, путём принятия еврейской (иудейской) религии.

Считая свой народ — племя избранным, евреи ревниво оберегали чистоту своего племени и стремились к самоизоляции в быту и обыденной жизни, что естественно препятствовало ассимиляции с окружающим населением.

Характер хозяйственно-экономической деятельности евреев предопределил и время их появления в разных государствах, как античного мира, так и в государствах, образовавшихся после его распада.

Появлялись они там, где уже был известный правопорядок и твёрдая власть, без чего немислима торговля и посредническая деятельность.

Так было в эпоху господства эллинской культуры древней Греции и её процветания; так было и в эпоху Римской империи, когда её легионы завоевывали Северную Африку и Западную Европу и устанавливали там законность.

Не с легионами, а вслед за легионами появлялись евреи и оседали в нынешней Испании, Англии, Франции, Германии и сразу же приступали к своей торгово-посреднической деятельности, каковая благосклонно встречалась властями предрержащими, а евреям давала возможность жить и богатеть.

Характер их хозяйственно-экономической деятельности, а также племенные и религиозные особенности евреев на протяжении почти двух тысяч лет пребывания в рассеянии вызывали бесконечные конфликты с народами, среди которых они жили замкнутыми обособленными общинами, особенно после того, как христианство стало господствующей религией в странах рассеяния — «диаспоре».

Кроме мотивов и поводов бытового и экономического характера, немалую роль стали играть и мотивы религиозные.

Как результат этих конфликтов, периодически обострявшихся по разным поводам и причинам, вся история двухтысячелетнего пребывания евреев в рассеянии изобилует описаниями разных ограничений, изгнаний, погромов, жертвами которых были евреи диаспоры. Как в эру дохристианскую, так и в средние века и в новейшее время.

Конфликты эти и их результаты старательно регистрировались летописцами и историками, в особенности евреями.

Анализ и подробное изучение этих конфлик-

тов и их причин, и поводов не входит в задачу настоящего труда, который ограничивается, как показывает его название («Евреи в России и в СССР»), только пребыванием евреев в границах Российской Империи и СССР, т.е., сравнительно коротким историческим периодом около двух столетий, когда еврейская этническая группа была или «подданными России иудейского вероисповедания» (до 1917 года), или «гражданами СССР еврейской национальности» (после 1917 года).

(Интересующихся этим вопросом — причинами конфликтов — я отсылаю к книге проф. Соломона Лурье «Антисемитизм в древнем мире», изданной в 1922 году в Петрограде. Обширные выдержки из этой книги помещены в части II настоящего труда, как отдельное приложение).

Евреи на землях Киевской Руси и Московского государства

До конца 18-го столетия, когда многочисленная еврейская этническая группа, в результате исторических событий, стала «подданными России иудейского вероисповедания», русские летописцы о евреях почти не упоминают или упоминают только вскользь, в связи с другими событиями: погромом в Киеве во второй половине 11-го столетия, убийством князя **Андрея Боголюбского** (1174 год), ересью «жидовствующих» (конец 15-го и начало 16-го столетий).

Для полноты нашего очерка, остановимся на самом кратком описании этих событий.

Евреи в Киеве

В эпоху расцвета культуры и мощи Киевской Руси и оживлённой торговли с Византией и Западом, в Киеве появляются евреи — купцы и торговцы, выходцы из Византии и византийских греческих колоний Таврического полуострова.

Поселившись в Киеве, они быстро разбогатели, и их дома по богатству не уступали палатам и хоромам богачей и бояр, приближённых Великого Князя.

Часто сменявшиеся Великие Князья никакой враждебности по отношению к евреям не проявляли, а некоторые им даже и открыто покровительствовали (например, в.к. Ярополк), чем вызывали недовольство остального населения.

Торгово-предпринимательская деятельность евреев была выгодна для великокняжеской казны, а во все остальные стороны жизни народа и государства евреи не вмешивались, живя замкнуто своей религиозно-расовой общиной.

Так продолжалось до второй половины 11-го столетия, до еврейского погрома в Киеве, в 1069 году, во время которого погибли все еврейские дома и еврейская богатая колония в Киеве перестала существовать.

Были ли при этом евреи и физически уничтожены — об этом летопись не говорит¹.

¹ См. Приложение 1 в конце 1 части.

То обстоятельство, что, по свидетельству летописца, наряду с еврейскими домами и имуществом, происходили разрушения и грабежи хоромов и богачей не-евреев, даёт основание предполагать, что основной причиной недовольства были мотивы экономические, а не религиозные, каковыми обычно историки объясняют все конфликты местного населения с евреями на протяжении всей их многовековой жизни в диаспоре среди других народов. Конфликты, приводившие к разным ограничениям, преследованиям, погромам и изгнаниям из многих государств.

Конфликт между местным населением и евреями, окончившийся погромом в Киеве, надо полагать, не ограничился одним Киевом, а был явлением типичным и в других городах княжеств, входивших в состав единой тогда Киевской Руси.

Косвенным доказательством этого может служить одно из решений на съезде князей в Любече (в самом начале 12-го столетия) о недопущении пребывания евреев на землях, входящих в состав Киевской Руси.

Евреи на северо-востоке

О пребывании евреев на северо-востоке, во Владимирско-Суздальской Руси, сведения ещё более скудны и отрывочны, чем о Киеве.

В летописях есть указание, что ближайшими приближёнными Вел. Кн. Андрея Боголюбского были евреи, каковые и были организаторами заговора на жизнь Князя, закончившегося его убийством в селе Боголюбове, в 1074 г.

Есть предположение, что это были евреи из Хозарского царства на Волге, правящий класс которого принял иудейскую религию.

Летописец, конечно, не входил в рассмотрение вопроса, были ли это настоящие евреи или хозары, принявшие иудейство. Для населения это были евреи, как записал летописец.

Пришедшие вскоре татары (первая половина 13-го столетия) опустошили и разорили всю Киевскую Русь, в результате чего, исчезла какая-либо возможность для торговой деятельности.

Исчезло в летописях и какое-либо упоминание о евреях на русской земле больше чем на три столетия. И только в самом конце 15-го столетия слово «еврей» появляется в летописях.

На этот раз, не в связи с какими бы то ни было конфликтами евреев с местным населением, а в связи с явлением, известным в истории, как «ересь жидовствующих», возникшая на северо-западе, в Новгороде.

«Жидовствующие»

Известный историк **Соловьёв** об этой ереси пишет: «В половине 15-го века, а может быть и раньше, в Киеве (бывшем уже под властью польско-литовского государства) появилась ересь, как видно, смесь иудейства с христианским рационализмом.

Глава или один из членов общины этих еретиков был еврей **Захария**. Он приехал в Новгород и, как говорит летопись, «с помощью пятерых сообщников, тоже евреев, насадил в Новгороде ересь».

В результате умелой пропаганды, эта ересь получила довольно широкое распространение сначала в Новгороде, а вскоре перекинулась и в Москву, где нашла немало приверженцев, главным образом, среди высшего духовенства и высших слоёв тогдашнего московского общества, включая и невестку Великого Князя, мать тогдашнего наследника престола, княгиню **Елену**.

Расширившаяся ересь стала угрозой для православия. И его иерархи, во главе с игуменом Иосифом Волоколамским повели ожесточённую борьбу с «жидовствующими», которые энергично защищались, отстаивая на диспутах правоту своего вероучения.

После долгой борьбы, противники «жидовствующих» победили и, на специально созванном по этому вопросу соборе (в Москве, в 1504 году), еретики были осуждены. Часть их была казнена, часть бежала в Литву (Польшу), а княгиня Елена очутилась в монастыре.

Ересь выдохлась и заглохла, но память о ней ещё долго оставалась у верных православных людей. Они рассматривали её, как неудавшуюся попытку иудейства, путём ереси, разрушить единство православной церкви.

И полвека спустя (в 1550 году) между Великим Князем Литовским и Великим Князем Московским произошёл следующий диалог.

Вел. Кн. Литовский и Король Польский, через своего посла **Станислава Едровского**, сказал Московскому Великому Князю:

«Докупают нам наши подданные, жида, купцы государства нашего, что прежде изначала, при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать; и теперь не позволяешь ты жидам с товарами в государство твоё въезжать».

На это Вел. Кн. Московский **Иоанн** ответил:

«Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов. Как они наших людей от христианства отводили, отравное зелье к нам привозили и пакости многим нашим людям делали. Так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела...»

А ещё раньше этого диалога все евреи из Бреста, жившие и торговавшие в Москве, были изгнаны из Москвы и товары их сожжены.

А в 1563 году, когда Полоцк, во время ливонской войны, был занят русскими, все евреи Полоцка были потоплены в реке по приказанию **Иоанна Грозного**, которому местные жители — русские половчане — пожаловались на притеснения и лихие дела евреев, бывших доверенными и арендаторами польских властей и магнатов.

После этого события, больше двух столетий, до конца 18 века, евреи вообще не допускались, даже временно, на территорию России, как Москов-

ского царства, так и Российской Империи.

Иначе дело обстояло с пребыванием евреев на русских землях, попавших под власть Польско-Литовского государства, после распада Киевской Руси.

Обезлюдившие было, в течение почти трёх столетий, богатые и плодородные земли по обеим сторонам среднего течения Днепра, равно, как и земли на запад от них, начали быстро заселяться и оживать, после ослабления татарской опасности, и на них укрепились правопорядок и, хотя бы, относительная безопасность и возможность для хозяйственной деятельности без опасения постоянных татарских набегов, разорений и увода населения в рабство.

Эти, уже заселённые земли, стали собственностью государства («Короны») и польско-литовских магнатов, владельцев огромных латифундий, городов, местечек, сёл и хуторов; а население было превращено в бесправных рабов-крепостных («**посполитых**»).

Эксплуатация этих земель, при бесплатном принудительном труде «посполитых», давала огромные доходы владельцам.

Трудолюбивые и энергичные земледельцы, в надежде на свободную жизнь, которая им была обещана на вновь заселяемых землях, устремились на восток, спасаясь от гнёта крепостного права, принявшего в Польше особо тяжёлые формы.

Но крепостное право пришло вскоре вслед за ними, как только они обосновались и устроились.

На них начали накладывать всё новые и новые повинности, целью которых было превращение их в рабов — «посполитых», имуществом, трудом и даже жизнями которых распоряжались их «владельцы», польские паны и магнаты.

Положение ещё ухудшалось наличием целой армии посредников между владельцами и его «подданными».

Обычно это были евреи, которые брали от владельца на откуп разные статьи его доходов: шинки, пошлины в городах при внутренней торговле («мито»), мельницы, право рыбной ловли, право пользования мостами через реки, плотинами (созданные трудом тех же крепостных), даже православными церквями, расположенными в границах пожалованных земель.

А нередко владельцы сдавали в аренду и целиком всё поместье со всеми «доходными статьями».

Посредники, желая выколотить из всех «доходных статей», изошрялись в их взыскании, учтивая, конечно, по своему усмотрению и свой посреднический «заработок».

В случае же малейшего неповиновения, к их услугам стоял весь полицейско-административный аппарат Польского правительства.

Не имея непосредственного сношения со своими «панами», «посполитые» имели дело обычно с посредниками-евреями, а потому их гнев, возмущение и негодование против всяких невыносимо тяжёлых поборов обрушивался на евреев и вызывал

резкие антиеврейские настроения.

Украинский народ создал целый цикл «дум» — сказаний о еврейском угнетении, о которых подробно пишет украинский историк **Грушевский**, которого, как социалиста (Украинский эсер) и как сотрудника большевиков, покаявшегося в своих шовинистическо-самостийнических заблуждениях и приехавшего из эмиграции им служить, заподозрить в антисемитизме нельзя.

В главе «Антисемитские мотивы в объяснениях Хмельниччины» («Початки Хмельниччины» стр. 123) Грушевский пишет:

«Евреи-арендаторы заарендовали все шляхи казацкие и заставили их своими шинками — на одной миле по три шинка ставили, вынуждая казаков к покупке у них водки и мёда, и не позволяя им самим изготовление этих напитков для собственного потребления. Об этом «дума» говорит:

**“Як иде український козак та й корчму минає,
А жид выбігає, та українського казака за чуб хва-
тає,
Та ще його двома кулаками по потыльци затыняє:
Що ты мймо корчмы идеш та й корчму минаеш...”**

Заарендовали евреи все казацкие торги и брали «мыто-перемыто» от пешего и конного проезжего, от всякой клади, даже от выпрошенной нищими их милостыни. Ото всех забирали, что лучшее, а кроме того, говорит «дума»:

**“И ще ж то жыды-рендари у тому не перестали —
На славний України вси козацьки церкви зааренду-
вали:
Которому б то козаку аль бо мужыку дав Бог дыты-
ну появыты
То не иды до попа благословытыся; — да пиды, до
жыда-рендаря,
То положи бытый талер щобы жид дозволив
Церкву одчыныты, твою дытыну охрестыты”.**

О поборах с разных промыслов известная «дума про поневоления козаччины жидами» говорит:

**“Который бы то козак альбо мужик схотив рыбы
наловыты,
Жинку свою з дитьмы покормыты,
То не йде до попа благословытыся.
Да пиде до жыда-рендаря, до поступы йому часть
оддать
Щоб позволыв на ричци рыбы наловыты
Жинку з дитьмы покормыты”.**

Из той же «думы» Грушевский приводит длинное описание, как казак взял мушкет и проходил мимо шинка. Еврей-шинкарь его увидел и вот «жид з шынку выбігає — казака за патлы хватає», и ругает, как это он задумал «утя вбыты». А потом казак должен просить и «жыда мылостывым паном называє»...

Насколько точно эти «думы» изображают историческую правду, установить трудно, но что они являются отображением народных настроений того времени — не подлежит сомнению.

В частности, вопрос об арендовании евреями православных церквей многими оспаривается на том основании, что не сохранилось ни одного арендного договора об аренде церквей.

Сторонники же мнения, что евреи действительно были арендаторами церквей, приводят сохранившийся договор 1596 года, по которому было заложено село Слуца совместно шляхтичу Миклашевскому и еврею Песаху, причём, в числе доходных статей упоминаются «церкви и их подаваньє», то есть, с приходами от церкви.

Известный историк Костомаров полностью разделяет мнение, что факт аренды церквей евреями имел место.

Грушевский склонен считать это недоказанным, а некоторые авторы, например, **Галант** (в журнале «Еврейская старина» за 1909 г.) это мнение оспаривает.

Так как этот вопрос из плоскости исторической объективности был перенесён в плоскость политическую — оправдание антисемитизма среди украинцев, то надлежащим образом он окончательно не выяснен и до настоящего времени, и ждёт своего объективного исследования.

Зато вопрос о роли и деятельности посредников-евреев вообще (выключая вопрос об аренде церквей), и об оценке этой деятельности современниками, освещён достаточно полно неопровержимыми документами того времени.

Из сохранившегося письма полковника **Кривоноса**, одного из главных сподвижников **Хмельницкого**, к князю Заславскому видно, что Кривонос считает деятельность евреев главной причиной восстания.

Он пишет Заславскому: «Жыдив зволь Ваша мылость до Вислы завернуты, бо та вийна вид жыдив зачалася — воны то и Вас з розуму звели».

Московский купец **Кунаков**, проехавший Украину зимой 1648-49 г., то есть, непосредственно после начала восстания, разбирая его причины, говорит:

«жиды Черкасов (то есть, украинцев) грабили и издевались над ними: как только который черкас выкурит водки или сварит пиво, не сказавши жиду и не снимет перед жидом шапку, жиды придирались к нему, грабили и уничтожали, а его имущество отбирали, жён и детей насильно забирали на работу».

Львовский каноник **Юзефович** пишет:

«Господство поляков дошло до такого невыносимого утеснения, что даже над Церквами давали они власть роду жидовскому. Священник казацкий, попросту называемый поп, не мог в своей церкви совершить таинства крещения, венчания и других, если наперёд не заплатит жиду за ключи установленной паном платы и должен был каждый раз от дверей церковных относить их и отдавать жиду. По заслугам претерпела ты беды свои, Польша».

Так пишет поляк, католический священник, современник событий.

В сохранившихся письмах Хмельницкого указывается, как на доказательство крайнего угнетения народа, тот факт, что он должен был терпеть разные кривды от евреев.

То же самое мы находим в мемуарах современников событий — поляков Каховского и Грондского.

Последний, описывая подробно все тяжелые повинности крестьян, говорит, что они «росли из дня в день, по большей части, потому, что отдавались на откуп евреям, а те — не только выдумывали разные доходы, весьма несправедливые для крестьян, но и суды над ними присваивали себе».

Волинский еврей **Натан Ганновер** в своих мемуарах пишет о крепостных, что они «работали барщину у магнатов и шляхты, которые отягощали их тяжёлыми работами в доме и на поле».

Шляхта накладывала на них большие повинности, а некоторые шляхтичи страшными способами вынуждали их переходить в господствующую веру.

И был народ русский в такой степени унижен, что все народы, даже из всех народов самый униженный — жида, также господствовали над ними».

Из всех приведённых выше выдержек из аутентичных исторических документов видно, в каком невыносимо тяжёлом положении находились широкие народные массы Украины — Руси.

Видны также и причины, породившие ненависть к евреям, характерную для настроений масс того времени.

Были ли в этом виноваты евреи или польское правительство и стоявшие за его спиной иезуиты, создавшие такие условия, что евреи, для того, чтобы существовать, вынуждены были эксплуатировать народ — дела не меняет.

Очищение Левобережья

Крупнейший магнат Левобережья, **Вишневецкий**, узнавши о восстании Хмельницкого, собрал большое войско, чтобы двинуться на помощь Потоцкому усмирять восстание.

Но, подойдя к Днепру, нашёл все паромы уничтоженными и, не решаясь задерживаться на Днепре для переправы своего войска, двинулся на север, на Черниговщину, и только севернее Любеча, ему удалось переправиться через Днепр и повести свое войско на Воынь, куда он прибыл уже после разгрома под Жёлтыми Водами и Корсунем.

Его резиденция - Дубны, была захвачена повстанцами, которые вырезали всех находившихся там католиков и евреев, не успевших уйти своевременно с Вишневецким.

Об отступлении Вишневецкого с Левобережья, где он, будучи отрезан Днепром от Польши, чувствовал себя, по мемуарам современника, «как в клетке», сохранилось много документов, из которых видно, что это было не только отступление войска, но и эвакуация всего Левобережья.

Всё, что, так или иначе, было связано с Польшей и её социальным строем, спасалось от повстанцев и уходило с Вишневецким: шляхта, арендаторы-евреи, католики, униаты. Они знали, что если только попадут в руки повстанцев, то им пощады не будет.

Весьма подробно, красочным библейским стилем, описывает современник событий раввин Ганновер этот «исход» евреев с Левобережья, сов-

местно с поляками, которые к евреям относились очень хорошо и всячески оберегали и защищали, чтобы они не попали в руки казаков.

О судьбе же тех, которые не успели присоединиться к Вишневецкому, Ганновер пишет: «много общин, которые лежали за Днепром, близ мест войны, как Переяслав, Барышевка, Пирятин, Лубны, Лохвица, не успели бежать и были уничтожены во имя Божие и погибли среди мук страшных и горьких».

С одних содрана кожа, а тело выкинуто на съедение псам; другим отрублены руки и ноги, а тела брошены на дорогу и через них проходили возы и топтали их кони... Не иначе поступали и с поляками, особенно с ксендзами. Поубивали на Заднепровьи тысячи еврейских душ»...

Сведения, которые даёт Ганновер полностью совпадают с описаниями событий другими современниками, которые дают и число погибших.

Грушевский в своей книге «Хмельниччина в розквिति» говорит о двух тысячах евреев, убитых в Чернигове, 800 в Гомеле, нескольких сотнях в Соснице, Батурине, Носовке и в других городах и местечках.

Сохранилось и приводимое Грушевским описание, как производились эти погромы: «одних порубили, другим приказали выкопать ямы и потом туда побросали еврейских жён и детей и засыпали землёй, а потом евреям дали мушкеты и приказали одним убивать других»...

В результате этого стихийного погрома, на Левобережье, в несколько недель лета 1648 года, исчезли все поляки, евреи, католики, а также и те из немногочисленной православной шляхты, которые симпатизировали и сотрудничали с ними.

А народ сложил песню, которая сохранилась до последнего времени:

**«Нема краще як у нас на України,
Нема ляха, нема пана, нема жиди,
Нема ни проклятой унії»...**

Но это относилось только к Левобережной Украине — Малороссии (дореволюционным Полтавской и Черниговской губерниям). Большая часть Малороссии по «Вечному миру» с Польшей (1686 г.) осталась за Польшей. Днепр был границей.

Весь правый берег (за исключением г. Киева) снова стал составной частью Речи Посполитой Польской с тем социальным и политическим строем, который вызвал восстание Хмельницкого, кровавую борьбу с поляками, окончившуюся их изгнанием, причём погибло немало и евреев, тесно сотрудничавших с поляками и только частично успевших спастись во время резни, сопровождавшей очищение Левобережья от власти Польши.

В дальнейшем, вплоть до распада Польши и воссоединения с Россией земель бывшей Киевской Руси, несколько столетий находившихся под властью Польши, постоянное проживание евреев на территории России не допускалось.

Но временное пребывание с торговыми целями не возбранялось. Когда гетман **Даниил Апостол** (1727-1734 годы) просил о запрещении евреям даже

временного пребывания в Малороссии, ему было из Санкт-Петербурга отвечено:

«евреям дозволяется торговать в Малороссии на ярмарках, но только оптом и не разрешается увозить золота, серебра и меди, но закупать на свои деньги товары. Жительство же им в Малороссии запрещается».

Торговая деятельность евреев была выгодна для казны Российской Империи, что и было сказано в представлении имп. **Елизавете** о допущении евреев в Россию.

Елизавета ответила коротко и категорически: «не желаю иметь никакой корысти от врагов Господа моего Иисуса Христа».

После этого, вопрос о допущении евреев в Россию больше не поднимался до тех пор, когда многочисленная еврейская этническая группа автоматически очутилась на территории России и стала подданными Российской империи.

Произошло это в самом конце 18 столетия, когда, после трёх, так называемых, «разделов Польши», с Россией были воссоединены русские земли с густо вкрапленным еврейским населением, какового там не было до захвата Литовско-Польским государством.

* * *

Евреи Речи Посполитой Польской до того, как стали подданными России, жили в Польше обособленной жизнью, не смешиваясь с коренным населением, представляя собою, как бы, государство в государстве, по своим, еврейским, законам, признаваемым Польшей, которая в эти законы и особенности быта не только не вмешивалась, но их санкционировала рядом актов — «статутов», подписанных королями.

Краткий очерк правового положения евреев в Польше, снабжённый весьма благожелательным предисловием Главного Раввина Британской Империи Доктора **Герцца**, издан отдельной брошюрой во время последней войны в Лондоне (в 1942 г.). Издатель — «Польское Министерство Информации».

(Польша тогда была оккупирована немцами; её правительство бежало и находилось в Лондоне).

Брошюра озаглавлена «Легальное положение евреев в Польше».

В первой части этой брошюры систематически изложены все нормы и привилегии, определявшие права и обязанности, как отдельных евреев, так и их общин — «кагалов», за время их жизни на землях подвластных Польше, а, после её «разделов», вошедших в состав Российской Империи.

Поэтому, для того чтобы уяснить всю сложность проблемы, вставшей перед Россией, когда она неожиданно получила, вместе с воссоединёнными землями быв. Киевской Руси и почти миллионную массу евреев, необходимо ознакомиться, хотя бы, в самых кратких чертах, с особенностями жизни и быта массы — еврейской этнической группы до того, как она стала «русскими подданными иудейского вероисповедания».

Разделы брошюры, описывающие жизнь и

права евреев на тех территориях Польши, которые отошли к Германии (Пруссия) и Австрии не относятся к содержанию настоящего труда, а потому их содержание не излагается.

Не излагается также и раздел «Равноправие в независимой Польше» (1918-1939 г.), в розовых красках изображающий польско-еврейские взаимоотношения, опуская и замалчивая очень многие факты, имевшие место в «Демократической Польше», которые свидетельствуют о противном.

Чтобы не быть голословным, достаточно вспомнить о нежелании студентов высших учебных заведений Польши сидеть на одних скамьях с евреями или о недопущении студентов-евреев анатомировать не-еврейские трупы, в результате чего, в университетах Польши происходили ожесточённые столкновения и борьба за «национальные трупы».

Об этом, в своё время, немало писалось в печати Польши, но в брошюре об этом характерном факте вообще нет ни слова.

Писалось это и в советских изданиях того времени. Так, например, в брошюре **Д. Заславского** «Евреи в СССР», Издательство «ЭМЕС», Москва, 1932 г., говорится о том, что в Польше «в медицинских Институтах и поликлиниках идёт бой за национальные трупы» (стр. 44).

Но, поскольку эта «война за национальные трупы» происходила вне пределов России или СССР, мы на ней не останавливаемся, упоминая только вскользь, обращая при этом внимание читателя на то обстоятельство, что ничего подобного никогда не было ни в дореволюционной России, ни в СССР, хотя весь мир и обвиняет их в «антисемитизме».

Главная масса евреев прибыла в Польшу с запада. Причиной еврейской миграции было преследование евреев в других странах, и с тех пор они нашли прибежище в Польше, благодаря её терпимости.

Эта веротерпимость, благодаря которой, Польша в 16-м и 17-м веках получила латинское наименование «азилиум херетикорум», также повлекло за собой то, что Польшу называли «азилиум юдеорум».

Кроме преследований, согласно еврейским историкам, было и другое побуждение: желание преуспевать в более благоприятных экономических условиях в новой стране, каковой была Польша 11-го и последующих веков; но первопричиной было жестокое преследование евреев в германских землях в течение периода крестоносцев и позже, во времена «Чёрной Смерти» (чумы).

Процесс еврейского проникновения с запада был очень медленным. Но временами, когда жестокость западных преследований увеличивалась, поток становился стихийным и тогда прибывало в Польшу огромное число переселенцев.

Всего было четыре таких волны массовой иммиграции в Польшу.

Одна была в 1096 г., в результате преследований евреев крестоносцами.

Вторая — когда в германских городах воз-

ники беспорядки, в связи с походами крестоносцев в 13-ом веке.

Третья — самая большая из всех волн, была в течение 1348-1349, во времена «Чёрной Смерти» в западной Европе, в правление короля **Казимира Велико**.

Наконец, последняя волна еврейской иммиграции с запада была в конце 15-го века, во дни Инквизиции в Германии, Франции и Испании.

Еврейские пришельцы занялись преимущественно финансовыми операциями. Получили на откуп сбор налогов с населения и чеканку монеты, а также, включились в торговлю.

Из тех времён сохранились польские монеты времен **Миешко 1-го**, иногда с еврейскими надписями, а иной раз — с польскими надписями на еврейском алфавите.

* * *

В начале не было нужды вводить особых правовых норм для евреев в Польше, ибо их было немного и они пользовались полной свободой на польской территории.

Но, с течением времени, когда, с одной стороны, количество евреев в Польше увеличилось, а с другой, тенденции нетерпимости проникли в Польшу из западной Европы, стало необходимо установить специальные нормы, регулирующие жизнь евреев в Польше.

В 1264 году **Болеслав Набожный** даровал евреям в общинах Познани и Калиша привилегии, известные под именем «Калишский Статут». С присоединением других районов, «Калишский Статут» стал обязательным и для всего государства.

В 1334 г., согласно «Статуту Висилицы», король **Казимир Великий** подтвердил применение «Калишского Статута» во всём государстве, а позднее, в 1364 г., - и в Червонной Руси, которая, к тому времени, была присоединена к Польше.

Впоследствии «Калишский Статут» подтверждался почти всеми королями-наследниками Казимира и был широко известен, как «Общие Привилегии» или «Еврейский Статут» (Статута Юдеорум), в отличие от особых привилегий, дарованных различными королями или правителями отдельным еврейским общинам.

Последним королём, подтвердившим «Еврейский Статут», был король польский **Станислав Август Понятовский** в 1765 г.

С течением времени, «Калишский Статут» становится частью «Волумина Легум», официального сборника законов, обязательных в Польше.

По «Калишскому Статуту» еврей считался, как «сервус» (слуга, раб, служащий) «короны» (казны). То есть, по существу, самого короля.

Евреи были обязаны платить в казну налоги, а король был обязан их защищать и судить их, или непосредственно, или через специально на это уполномоченных лиц.

Суд над евреями должен был быть в синагоге. Споры же евреев между собою были в юрисдикции еврейской общины.

За убийство еврея полагалась смертная казнь для убийцы и конфискация всего его имущества.

«Калишский Статут» содержит также запрещение возводить на евреев обвинение в ритуальном убийстве, каковое обвинение жестоко каралось.

В области экономической деятельности евреям была гарантирована полная свобода торговли, а также разрешалось давать деньги в займы, как под обязательства, так и под залог личного имущества.

Как мы уже сказали, «Калишский Статут» стал основой юридического существования евреев на протяжении всего периода польской независимости, т.е., вплоть до 1792 года, за исключением коротких периодов, когда антиеврейские элементы брали верх.

Но, устанавливаемые тогда ограничения долго не оставались в силе, и «Общие Привилегии» подтверждались снова.

Так, например, во время правления **Казимира Ягеллона**, в 1453 г. евреи добились королевской подписи под их привилегиями. В тот же самый год знаменитый «бич Божий», **Ян Капистрано**, прибыл в Краков и произносил пламенные проповеди против евреев на торговой площади в Кракове.

Но усилия Капистрано и его польского покровителя кардинала **Збигнева Олесницкого** остались безрезультатными, ибо король категорически отказался взять назад свою подпись.

Однако, Олесницкий получил поддержку польских дворян, и, под влиянием этого движения, король был принужден даровать дворянству (шляхетству) «Ниешавский Статут» (в 1454 году), который расширил и умножил их привилегии.

Одновременно, по требованию Олесницкого, поддержанного шляхтой, он отобрал привилегии, дарованные евреям.

Однако, этот король не позволял никакого преследования евреев. И когда произошли еврейские погромы в Кракове и Познани (в 1463 и 64 гг.), он стал на сторону евреев и наложил тяжёлый штраф на эти города, приказав им возместить все убытки евреев.

В 1507 году, наследник Казимира Ягеллона **Сигизмунд 1-й**, снова утвердил «Калишский Статут», который после этого оставался нерушимо в силе.

В 1539 году по «Пиотрковскому Статуту» король отказался от права юрисдикции над евреями, живущими в частных деревнях и городах, и передал их под опеку тех владельцев, которым принадлежали эти города и деревни.

С тех пор евреи в Польше были разделены на «евреев Короны», т.е., живущих в городах, управляемых Магдебургским законом, и «частных евреев», проживающих в городах и сёлах, которые были собственностью аристократии или шляхты.

«Общая Привилегия» предоставила значительную автономию еврейским общинам, называемым по-еврейски «кагалами».

В сферу действий этих общин входили, главным образом, вопросы религиозные, юрисдикция в спорах между евреями, вопросы общественные, благотворительность, организационные, обложение

еврейскими налогами, и, наконец, бюджет самой общины.

Широкая автономия, которую получили еврейские общины, привела к созданию органов управления по фискальным и религиозным вопросам. Эти органы именовались «земствами» или «провинциальными советами».

В момент их возникновения, в 16-м веке, было четыре таких «земства». Но позже они расширились и, к началу 18-го столетия, их было свыше двенадцати.

Наиболее значительные «земства» были: «Восточно-Польское» с большими общинами в Познани и Калише; «Краково-Сандомирское», «Рутенское» (Русское — в Галиции) и «Люблинское».

Дела, касающиеся «земств», велись «земским конгрессом», который устанавливал собственную администрацию и выбирал «земского раввина», который одновременно являлся и судьёй всего «земства».

Помимо внутренних вопросов каждого «земства» были также вопросы общие для всех «земств». Один из таких общих вопросов была необходимость распределения налогов.

Так возникла необходимость создания центрального аппарата, который, действуя от имени всех еврейских общин, взял бы на себя собирание всех еврейских налогов по республике.

Кроме того, возникла необходимость учредить трибунал, который бы действовал, как кассационный суд для всех «земских» судов и, как высший суд, для первого разбирательства особо важных случаев.

В завершение этой организации в 1591 году возник орган представительства польских евреев, известный под именем «Конгресс Четырёх Земель» или «Еврейский Сейм в Короне».

Этот представительный орган, который просуществовал вплоть до 1764 г., имел две центральные институции: **сейм** и **трибунал**.

Сейм

Сейм, собиравшийся ежегодно или два раза в год в Люблине и Ярославле, состоял из делегатов «земств» и свободных городов.

Сейм избирал из своей среды председателя, который носил титул «Маршала Коронных Евреев», а также, одного или более казначеев общего собрания сейма и одного или более секретаря, «Маршал Коронных Евреев» был обычно член общины не духовного звания, секретарь должен был быть раввином.

«Маршал Коронных Евреев» был обычно наиболее выдающийся человек среди польских евреев и представлял евреев перед королём и Сеймом Польского Государства.

В компетенцию Еврейского Сейма входили дела фискальные, экономические, административные и дела образования и воспитания.

Дела Фискальные

Еврейский Сейм занимался распределением еврейских податей. Он действовал, как агент государства по еврейским налогам, был ответственен за таковые в целом и распределял доли налогов между соответствующими земствами и большими общинами.

При сейме была создана особая комиссия для распределения налогов, члены которой именовались «Симплерами». Эта комиссия заседала даже тогда, когда Сейм не собирался.

Дела экономические

Сейм регулировал ряд вопросов, влияющих на промышленность и торговлю: издавал правила в связи с выдачей кредитов между евреями, о формах векселей и их употреблении и, наконец, в 1624 г. — закон о банкротстве, на основании которого, всё имущество должника поступало в собственность истца-кредитора.

Даже наследство или приданое должны быть зачислены в имущество должника, если они были завещаны в течение трёх месяцев до дня банкротства.

Дела административные

Сейм выносил инструкции о выборах в «кагалах», определял сроки полномочий старост «кагалов», издавал запрещения женитьбы юношей до двадцати лет без родительского согласия, запрещал выдачу векселей несовершеннолетними и т.п.

Дела воспитания и образования

Воспитание было одной из главных забот Сейма. Он руководил делами открытия и содержания духовных школ, печатания книг, принимал участие в издании книг.

Трибунал

Второе учреждение еврейского представительства был «Трибунал». Зачаток сеймских трибуналов можно усмотреть в торговых судах.

Ибо, начиная с 15-го столетия, существовал обычай, чтобы большие еврейские общины посылали бы своих лучших судей на большие рынки Люблина, чтобы судить в самых важных процессах и принимать участие в обсуждении особенно важных юридических проблем.

Когда был создан сейм, эти рыночные суды стали постоянными и санкционированными учреждениями и были превращены в «сеймский трибунал».

Трибунал избирал маршала, который обычно бывал одним из знаменитых раввинов страны.

Трибунал был уполномочен обсуждать вопросы, переданные ему сеймом, как, например, спорные вопросы между общинами и их отдельными членами, между общинами и земствами, между двумя общинами по поводу главенства над «подобщинами» и т.д.

Кроме того, трибунал занимался и вопросами теоретическими, толкуя и разъясняя юридические

проблемы современной жизни.

Как видно из всего изложенного выше, организация евреев в Польше была осуществлением извечной цели евреев в рассеянии — быть «нацией без территории» и жить и управляться по своим собственным законам, как строго централизованное целое с твёрдой иерархией внутри и резкой обособленностью от окружающей, не-еврейской, массы населения. К тому же, не нести воинской повинности, заменяя её денежными взносами.

С начала 18-го столетия, в результате междоусобиц в Польше и падения авторитета её правительства, стал падать и авторитет Еврейского Сейма. А в 1764 году, решением Сейма Польши, был вообще распущен Еврейский Сейм.

Однако, вся организация общин-«кагалов» сохранилась неизменной и их авторитет и власть над отдельными евреями остались непоколебленными.

В том же году Польский Сейм постановил обложить всех евреев налогом в два злотых с головы ежегодно.

В связи с этим налогом, особо назначенные чиновники произвели перепись всех евреев, проживающих на территории Речи Посполитой Польской и установили, что всего евреев было **577 889**.

Вскоре после переписи, начались «разделы» Польши, затем было создано «Герцогство Варшавское», а после Венского Конгресса (1815 г.) — «Царство Польское», вошедшее в состав Российской Империи.

После 1815 г. границы разделённых частей Польши не менялись больше ста лет — вплоть до конца 1-й Мировой войны и возрождения Польского Государства.

Большая часть еврейства Польши осталась на землях, вошедших в состав России, как в этнографической Польше, так и в Белоруссии и Малороссии, отошедших к России по первым трём «разделам» Польши.

Напомним, в самых кратких чертах, об этих «разделах» Польши.

В действительности, по всем трём «разделам», Россия не получила ни пяди этнографической Польши, а только вернула земли Киевской Руси, долго бывшие под властью Польши.

Да и то не все: Червонная Русь (Галиция), Северная Буковина и Закарпатье были захвачены Австро-Венгрией, этнографическая же Польша была поделена между Пруссией и Австрией.

К России отошла Белоруссия (Полесье, Волынь) и Правобережная Украина — Малороссия.

Пруссия захватила львиную долю этнографической Польши. В Варшаве был Прусский Губернатор. Белосток входил в состав Королевства Пруссии.

Таково было положение до Наполеоновской войны и создания Наполеоном из земель этнографической Польши «Герцогства Варшавского», просуществовавшего до падения Наполеона в 1814 году.

«Венский Конгресс» (1815 г.) перекроил карту Европы, а «Герцогство Варшавское», с небольшими территориальными изменениями, превратил в «Царство Польское». Наследственным «Царём Польским» был провозглашён Император **Александр 1**.

По существу, это была персональная уния Российской Империи и Царства Польского.

Так, под властью России, точнее, Императора Всероссийского, Царя Польского, после Венского Конгресса оказались земли бывшей Речи Посполитой Польской, населённые поляками, с большим процентом евреев, пользовавшихся в Польше самым широким самоуправлением.

«Царство Польское» имело свою конституцию, свой парламент-сейм, своё войско, свою монетную единицу (злотый), таможенные границы с Россией.

Только впоследствии, после двух польских восстаний (1830 и 1863 гг.) вся территория «Царства Польского» стала называться «Привисленским Краем».

Первые евреи в России

После многих столетий категорического воспреещения пребывания евреев в России, подтверждённого в последний раз в царствование императрицы Елизаветы, в 1764 году, в царствование императрицы **Екатерины II**, легально прибыли в Россию первые евреи — иммигранты на постоянное жительство.

Екатерина II, вскоре после восшествия на престол, решила вызвать в Россию колонистов, в особенности для южных губерний, с целью оживления торговли, промышленности и земледелия.

Для этого, именным указом от 22 июня 1763 года была создана «Канцелярия Опекунства Иностранных», во главе которой императрица поставила наиболее близкого ей человека **Григория Орлова**.

И вот, наперекор всем существовавшим в её время предрассудкам, она решила включить в число этих «иностранных» также евреев.

Однако, открыто это высказать она опасалась, зная культурную отсталость той среды, которая её окружала.

Вследствие этого, она только гораздо позже, в ноябре 1769 года, в указе киевскому генерал-губернатору Воейкову официально разрешила евреям поселиться во вновь созданной Новороссийской губернии.

До этого же, намерение императрицы пустить евреев в Россию выразилось, так сказать, в заговоре её с приближёнными лицами, отразившимся в переписке с рижским генерал-губернатором **Брауном**, в коей всему этому делу был придан конспиративный характер.

В письме, доставленном Брауну секунд-майором **Ртищевым**, значилось: «когда от Канцелярии Опекунства будут рекомендованы некоторые иностранные купцы Новороссийской губернии, то им разрешить проживание в Риге для производства

торговли на таких же основаниях, как это дозволено законом купцам других русских губерний в Риге.

Ежели, далее, эти купцы отправят для поселения в Новороссию своих приказчиков, уполномоченных и рабочих, то выдавать им для безопасного пути, независимо от их вероисповедания, надлежащие паспорта и давать им провожатых.

Ежели, наконец, из Митавы придут три или четыре человека, которые пожелают отправиться в Петербург из-за требований к казне, то выдавать им паспорта, без указания их национальности и не наводя справок об их вероисповедании, а обозначать в паспортах только их имена.

Для удостоверения своей личности эти люди предъявят письмо, находящегося в Петербурге, купца **Левина Вульфа**.

Таким-то таинственным образом было начато водворение евреев в Россию.

Как видно, самодержавие Екатерины II не освобождало её от необходимости очень и очень считаться с мнением и вкусами окружающих её лиц и даже широких масс русского народа, для которого все «жиды» оставались «врагами Христовыми». Поэтому-то в письме тщательно избегается слово «еврей».

Однако, Браун, очевидно, понял желание Екатерины или же ему объяснил его на словах Ртищев, Последний был немедленно командирован в Митаву к русскому посланнику при герцогском дворе **фон Смолину** с секретным поручением, и 7 мая 1764 года он вернулся от Смолина с семью евреями.

Евреи, которые водворялись в Новороссию были митавские купцы — **Давид Леви, Моисей Арон, Израиль Лазарь** и рабочий **Яков Маркус**, к которым заботливая Екатерина не преминула присоединить раввина **Израиля Хаима** и его помощника **Натана Аврама** из Бирзена, и даже «мозля» **Лазаря Израиля**, очевидно, в видах устройства религиозных потребностей будущей еврейской общины.

9 мая эти евреи, в сопровождении Ртищева, были отправлены в Петербург, причём, генерал-губернатор в сопроводительном докладе заявил, что он «не ручается за то, чтобы в этом деле удалось сохранить тайну, так как евреи прибыли в Ригу открыто и их отъезд, насколько он знает эту нацию, тоже едва ли будет сохранён в тайне».

Если вспомнить, при этом, что в то время, и ещё много позже, до сороковых годов 19-го столетия, рижско-немецкое бюргерство, имевшее европейский облик, вело борьбу за недопущение поселения евреев в Риге и за разрешение приезжающим на время евреям проживать только в одном заезжем дворе, в Московском форштате, то можно оценить, насколько Екатерина II, по широте взглядов и гуманности, опередила своё время.

И евреи того времени это поняли и оценили. В 1780 году, когда Екатерина посетила Шклов, они её приветствовали специально написанной одой на еврейском языке, с переводом на языки русский и немецкий.

Заключительная строфа этой оды гласит: «*Ты дозволила нам проживать в твоей стране в мире и*

безопасности, под сенью твоего благоволения и под охраной твоего скипетра, в согласии с природными жителями. Как и они, мы восхищаемся твоим величием, как и они, мы счастливы тем, что мы твои подданные».

Такою же одою встретили Екатерину и Могилёвские евреи, и Полоцкие. Последние, в её честь, устроили на Двине блестящую иллюминацию.

Теперь это событие забыто, а, между тем, оно заслуживает особого внимания, особенно в наше время, когда, в результате длительной и целенаправленной пропаганды, во всём мире существует мнение, что евреи в России всегда и во все времена были преследуемы, лишены элементарных гражданских прав и подвергались гонениям.

Забыты и **указ Екатерины II 1791 года**, уравнивающий евреев в правах с купцами, ремесленниками и мещанами тех городов и местечек, в которых они проживали в момент, когда эти города и местечки, бывшие раньше польскими или литовскими, стали городами и местечками России.

Забыт и **указ императора Александра 1**, который в 1804 году открыл свободный доступ евреям к образованию, гласящий: «*все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах*».

Забыты и **стипендии еврейским мальчикам**, обучавшимся в светских училищах, в то время, как не-еврейские мальчики таковых стипендий не имели.

Зато, обо всех ограничениях не забывается и постоянно напоминает, чем создаётся картина России, как страны еврейского бесправия и страданий.

Обо всём этом будет более подробно сказано в дальнейшем. Как о мероприятиях Правительства России, уравнивающих евреев с остальным населением, так и о ряде ограничений, равно, как и о причинах, эти ограничения, в своё время, вызывавших.

Дальнейший рост числа евреев в России

Содействуя и способствуя поселению евреев в России, Екатерина II вряд ли предполагала, что вскоре исторические события сами приведут в подданство Российских императоров не отдельные маленькие группки евреев, как это было в 60-х годах 18 столетия, а сотни тысяч.

Как уже упомянуто выше, в результате территориальных изменений конца 18 и самого начала 19 столетий, Россия получила не только русские земли бывшей Киевской Руси, много веков находившиеся под властью Польши, с коренным русским (малорусским-украинским и белорусским) населением, но и прочно обосновавшихся на этих землях, за время польского владычества, евреев.

Так появились в России, до того времени, как правило, не допускавшей на свою территорию евреев, больше **миллиона** подданных — евреев.

Общее число евреев — русских подданных в 1815 году (по завершении всех территориальных

изменений) доходило до **1 200 000**.

Все они жили до 1772 года (до первого «раздела» Польши) вне пределов государства российского, будучи отлично организованы, как некое государство в государстве, имели своё очень широкое самоуправление, подчиняясь не законам общегосударственным, а своим собственным — еврейским.

Ровно через сто лет, в 1915 году, в России насчитывалось **5 500 000 евреев**.

Кроме того, начиная с 80-х годов 19 столетия из России эмигрировало в Америку свыше **1 500 000** евреев. Всего — **7 000 000**, не учитывая нормального прироста полутора миллиона эмигрировавших.

Значит, что, за сто лет, число русских евреев возросло в **6 раз**.

За этот же период общее число народонаселения всей России возросло всего в **4 раза**. В 1815 году было **45 000 000**; в 1915 г. — **180 000 000**.

Как видно из этих цифр, рост еврейского населения в России шёл гораздо быстрее, чем рост всего населения государства.

Не делая отсюда никаких выводов, мы только отмечаем этот факт, считая его чрезвычайно интересным и показательным.

В точности же приведённых цифр вряд ли можно сомневаться, ибо они взяты из книги известного еврейского демографа **Я. Лещинского** («Еврейский народ в цифрах». Берлин, 1922 год), каковые цифры, поскольку это было возможно, проверены и сравнены с данными других демографов.

Политика русского правительства в еврейском вопросе

Перед русским правительством, после получения более миллиона подданных «иудейского вероисповедания» встал вопрос, какой политики придерживаться по отношению к этой этнической группе, чуждой основной массе населения не только по религии, но и по языку, быту, даже одежде.

Массовое переселение или выселение многочисленных этнических групп в те времена не считалось возможным. До этого люди додумались только через полтора столетия, во время и после II мировой войны.

Да и куда было выселить или переселить больше миллиона человек? Западная Европа, откуда евреи пришли, вряд ли согласилась бы их принять обратно, даже, если бы они сами захотели или были выселены принудительно. Этот вопрос Россия и не поднимала.

Оставалось примириться со свершившимся фактом и искать путей для установления модус вивенди с новыми подданными.

Путь этот был предначертан мероприятиями начала царствования императрицы Екатерины II.

Конечная цель этого пути было разрушение той самоизоляции евреев, каковая прочно установилась за время их жизни в Польше и ревниво оберегалась самими евреями, ибо находилась в соответствии с религиозно-бытовыми понятиями и взглядами на сосуществование с иноплеменниками.

Понимая это, русское правительство, уже в 1791 году, предприняло шаги для уравнивания евреев с не-евреями во вновь присоединённых областях.

В ту эпоху все русские подданные, принадлежавшие к, так называемым, «податным сословиям», т.е., крестьяне, мещане, ремесленники и купцы — не имели права повсеместного поселения и свободного передвижения, в нынешнем смысле этих понятий.

Каждый был «приписан» к местному «обществу» и мог заниматься своим делом лишь в данном месте.

В соответствии с этим порядком, евреи, оказавшиеся русскими подданными после «разделов» Польши, были приписаны к мещанским и купеческим обществам тех местностей Юго-Западного и Северо-Западного края, в которых они проживали при переходе к России этих областей.

Указом, изданным в 1791 году, Екатерина II подтвердила этот порядок и даже распространила его — право поселения евреев — на территории вновь образованных Екатеринославского наместничества и Таврической области.

Известный русский историк Милюков отмечает и подчёркивает, что основная цель указа состояла именно в том, чтобы подтвердить для евреев равные с остальным населением присоединённых земель права.

Приводя это мнение Милюкова в своём очерке «Правовое положение евреев в России», напечатанном в «Книге о русском еврействе» (Н. Йорк, 1960 г.), знаток этого вопроса, сам еврей, **А. Гольденвейзер**, добавляет:

«но, вместе с тем, по специальному ходатайству, боявшихся еврейской конкуренции, московских купцов, в этом же указе было сказано, что евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние российские города и порты».

Этим дополнением к указу фактически было положено начало «черте оседлости», каковая являлась мерой не уравнительной, а ограничительной, просуществовавшей до самой революции 1917 года.

Правда, эта «черта» легко преступалась, ибо было не мало способов её перешагнуть, не вступая в конфликт с буквой закона, но всё же, она существовала и вызывала острое недовольство всех евреев, а также и значительной части общероссийской общности.

Ограничения «черты оседлости» не распространялись на следующие категории евреев: евреев неиудейского вероисповедания (не обязательно православных); на евреев купцов первой гильдии (т.е. наиболее состоятельных); евреев, окончивших высшие учебные заведения; на дантистов, провизоров, фельдшеров, евреев-механиков, винокуров, пивоваров и, как сказано в указе, «вообще мастеров и ремесленников».

Кроме того, ограничения «черты оседлости» не распространялись также и на «приказчиков» евреев — купцов I гильдии.

Благодаря наличию этих многочисленных ис-

ключений и умелому их использованию евреями, к началу 20 столетия в России не было ни одного города без, более или менее, многочисленной еврейской колонии.

Причём, в этих колониях не было той многочисленной еврейской бедноты, которой было очень много в «черте оседлости».

Наличие богатейших еврейских колоний в Петербурге и Москве, строивших такие роскошные здания, как синагога в Москве — лучшее доказательство, что «черта» преступалась довольно легко.

Оставаясь не упразднённой, она имела значение не столько практическое, сколько психологическое, создавая и питая, среди евреев, антиправительственные настроения, находившие живой отклик, как в либеральной русской общественности, так и в печати всего мира.

Ко всему вышесказанному надо добавить и то, что всё больше и больше образованных евреев, относившихся индифферентно к вопросам религии, смотрели на перемену религии, как на маловажную формальность, выполнение которой освобождало их от всех ограничений, в том числе и в первую очередь — от ограничений «черты оседлости».

А потому, легко переходили в какую-либо христианскую религию, не обязательно в православие (в большинстве — в протестантские разветвления).

Даже в среду, наиболее замкнутую — офицерскую, всё больше и больше проникало евреев, сменивших свою иудейскую религию на одну из христианских.

А. Деникин в своей книге «Пути русского офицера» (Н. Йорк, 1955 г.) говорит, что в 1914 году в рядах русской армии были не только офицеры низшие, но и генералы, чисто еврейского происхождения.

То же самое сообщает в своих мемуарах и генерал Ген. штаба **М. Грулев**, еврей, достигший высших должностей и даже бывший кандидатом в военные министры Российской Империи.

Были евреи и среди воспитанников привилегированных военных учебных заведений, как, например, **Кауфман**, окончивший Пажеский Корпус.

Вскоре после указа 1791 года, носившего, как указано выше, характер для евреев уравнивательный, но отнюдь не ограничительный, последовал указ императора Александра I (1804 год), который говорит:

«все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах».

Насколько известно, ни в одном государстве мира, в то время, не существовало такого или подобного правительственного распоряжения.

Ведь, по существу, это — ничто иное, как то равноправие или «десегрегация», за которое и сейчас, во второй половине 20-го столетия, ведётся ожесточенная борьба не только в отсталых странах, но и в передовых, демократических (США).

Причём, инициатива исходила сверху, от самодержавной монархической власти.

По чьей вине, и по каким причинам, впоследствии, через 80 с лишком лет, в 1887 году, в России была введена «процентная норма», ограничивающая число евреев в учебных заведениях — об этом более подробно будет сказано в дальнейшем изложении.

Но, что желание и стремление русского правительства приобщить евреев к общероссийской культуре, притом, без отказа от иудейства, существовало — это несомненно.

Однако, почему-то существовавшая и осуществлявшаяся больше 80 лет, «десегрегация» стационально замалчивается.

А просуществовавшая всего 27 лет (1887-1916 гг.) «процентная норма» выпячивается и подчёркивается, как доказательство «правительственного антисемитизма» в России.

* * *

Почти полтора столетия длилась жизнь еврейской этнической группы в границах Российской Империи: с 1772 года — первого «раздела» Польши — до 1917 года — провозглашения полного равноправия евреев в России.

За этот период правительством и отдельными его представителями было издано много «дополнений» и «разъяснений», имевших тенденцию и характер ограничительный, в отличие от первых двух, приведённых выше указов 1791 и 1804 г. г., имевших характер уравнивательный, «десегрегационный».

Знаток этого вопроса, адвокат А. Гольденвейзер, в своём очерке «Правовое положение евреев в России» перечисляет все, действовавшие в России до начала первой мировой войны (1914 г.), ограничения для евреев (понимая под таковыми лиц иудейского вероисповедания и исключая евреев-христиан, на которых ограничения не распространялись).

Ограничения были в следующих областях:

- 1) право жительства и свободы передвижения;
- 2) приём в учебные заведения;
- 3) занятия торговлей и промышленностью;
- 4) поступление на государственную службу и участие в органах самоуправления;
- 5) порядок отбывания воинской повинности;
- 6) приём евреев в адвокатуру.

Рассмотрим все эти ограничения по порядку, указывая одновременно и их практические результаты.

1. Право жительства и свобода передвижений. Черта оседлости.

О «черте оседлости» уже сказано выше, а потому повторять всё, что о ней сказано, нет смысла. Нас интересуют практические её результаты и во что вылились благие намерения русского правительства, желавшего уравнивать евреев с окружающим населением.

Результаты эти, надо признать, были отрицательные. Многочисленные исключения из общего правила открыли настолько широкие возможности для обхода закона, что практически евреи не только

богатые, но и просто состоятельные и предприимчивые, это ограничение легко избегали.

Приказчики евреев-купцов 1 гильдии могли жить повсеместно, а их число не было законом ограничено. Винокуры, механики, мастера, ремесленники — то же самое.

Страдала от «черты оседлости» только еврейская беднота, не имевшая возможности использовать все возможности для обхода закона.

Магнаты сахарной промышленности, железнодорожного строительства, мукомольного и лесного дела, пароходства, банковского дела, торговли чаем, добычи золота — евреи, не меняя религии, пользовались всеми правами и на них «черта оседлости» не распространялась.

А они, согласно букве закона, могли иметь и «приказчиков», и «мастеров», и «винокуров», разумеется, с их многочисленными семьями.

Поляковы, Златопольские, Высоцкие — в Москве; **Рубинштейны, Гинзбурги** — в Петербурге; **Бродские, Марголины, Добрые, Гинсбурги, Ширманы, Зороховичи** — в Киеве жили в особняках и дворцах, хотя по паспортам и числились русскими подданными «иудейского вероисповедания».

А на принадлежащих им предприятиях работали русские, нередко, в таких невыносимо тяжёлых условиях, которые вызывали недовольство и бунты рабочих, жестоко подавлявшиеся русским правительством.

Вся дореволюционная Россия была взволнована и возмущена известием о кровавом подавлении забастовки рабочих на Ленских золотых приисках в Сибири в 1912 году.

Забастовка эта была вызвана бесчеловечной эксплуатацией рабочих и требованием администрации приисков, чтобы рабочие снабжались в приисковых продуктовых магазинах, в которых и качество, и цены продуктов совершенно произвольно определялись администрацией.

Частная торговля на территории приисков не допускалась. Когда рабочие, доведённые до отчаяния, отказались покупать в приисковых магазинах недоброкачественные продукты по вздутой цене, а также получать часть заработка не наличными, а бонами на продукты из тех же магазинов, администрация усмотрела в этом бунт.

Бунт был подавлен, причём, было много убитых и раненых рабочих, оказавших сопротивление войскам. Немало пострадало и чинов полиции, и солдат при усмирении бунта.

В связи с этим, по всей России прокатилась волна демонстраций против действий правительства, в особенности, в высших учебных заведениях, где «Ленские события» отмечались традиционно из года в год митингами и забастовками.

Но, никогда и нигде не было сказано ни слова осуждения одному из главных акционеров «Ленских приисков» — **Гинсбургу**, который, во время подавления бунта, пребывал в своём особняке-дворце в Петербурге (на Морской улице), и от которого зависело изменение условий, вызвавших этот бунт.

Приведенный случай — далеко не единственный, когда русское правительство оружием подавляло забастовки русских рабочих на еврейских предприятиях, где распоряжались «приказчики» владельца «иудейского вероисповедания», сами — тоже евреи.

Правительство стояло на страже законности и порядка, не входя в рассмотрение вопроса, что вызвало беспорядки и от кого зависело создать такие условия труда, чтобы для беспорядков не было причин.

Но и русское общественное мнение, и мировое, виновником всего всегда считало только правительство и широко раздувало всякий случай, когда органы власти были вынуждаемы обстановкой прибегнуть к оружию.

2. Прием в учебные заведения. Процентная норма.

Либеральный указ 1804 года о допущении евреев во все учебные заведения России не только не вызвал энтузиазма среди евреев, но и натолкнулся на ожесточённое противодействие всего русского еврейства.

Не без основания опасаясь, что светское образование может отвлечь евреев от религии и предписаний Талмуда, раввины и еврейские общины-«кагалы» строго осуждали самую мысль о возможности и допустимости для правоверного еврея светского образования, считая это грехом, и всячески противились поступлению евреев в светские учебные заведения.

Существовавшие еврейские школы «хедеры» с их учителями — «меламедами» — начётчиками Талмуда — и школы высшей ступени — «эшиботы», по мнению раввинов и «кагалов», были совершенно достаточны.

Школы же светские, даже с преподаванием на еврейском языке, нарушали веками установившийся быт замкнутого круга расово-религиозных общин-«кагалов», руководимых раввинами, которые понимали, насколько может быть опасно для их авторитета это новшество.

Пока евреи жили строго изолированными от окружающего мира своими общинами, основанными на единстве не только религии, но и расы и крови, до тех пор раввины и общины могли быть спокойны, что еврей останется верен религии и Талмуду и слово раввина будет для него закон.

И в начале еврейство ответило на разрешение — призыв русского правительства приобщиться к русской культуре не только молчанием, но и пассивным сопротивлением. Учиться в светские школы евреи не шли.

И не только учиться в школах, но даже изучать язык того государства, подданными которого они были, считалось занятием нечестивым и грехом.

Каждое новое слово иностранного языка, усвоенное евреем, неизбежно должно было вытеснить одно еврейское слово, ибо Иегова определил точно количество слов, которое должен и может

знать еврей. — Так поучали приверженцы старины в еврейских массах.

Древнееврейский язык, язык священного писания, знали только немногие, специально его изучавшие. В быту же, массы пользовались языком, который теперь называется *«идиш»*, а до начала 20 века назывался *«жаргон»*.

Вот, что пишет по этому вопросу, почитаемый всеми евреями, культурно-просветительный деятель еврейства первой половины 19 столетия **Исаак Беер Левинсон**, родившийся в 1788 году и скончавшийся в 1860 году, всю свою жизнь борющийся за приобщение еврейства к светскому образованию:

«жаргон не есть язык, а безобразная смесь изуродованных, исковерканных библейских, русских, польских, немецких и др. слов; это — удивительная смесь разных наречий, по бедности и необработанности своей непригодная для выражения тонких чувств и абстрактной серьёзной мысли. К чему нам эта тарабарщина? Говорите или на чистом немецком, или на русском языке».

Ссылками на Талмуд и на историю, Левинсон доказывает, что евреи говорили обыкновенно на языке того народа, среди которого они жили.

Он приводит целый ряд имён великих еврейских учёных, которые не только изучали иностранные языки, но и писали на них свои сочинения.

Философ Филон, Иосиф Флавий, Саадий Гаон, Иегуда Галеви, Маймонид, Бахья-Ибн-Пекуда — эти столпы еврейской богословской литературы писали свои произведения, как философские, так и религиозные, на греческом, арабском, испанском и итальянском языках, в зависимости от того, в какой стране они жили.

Приведённые выше мысли Левинсона были написаны в начале 19 столетия, когда евреи только начали приобщаться к светскому образованию и культуре отдельных европейских народов.

Теперь, через полтора столетия, перечисление евреев, писавших и пишущих свои произведения на языках тех народов, среди которых они живут, заняло бы целые страницы.

По-немецки писали Гейне, Маркс, Лассаль, Вассерман, Шнитцлер, Эйнштейн, Фейхтвангер и многие другие. Но это не значит, что они — немцы.

Немало евреев писало свои произведения и по-английски, начиная с Давида Рикардо и кончая нынешним американским драматургом Артуром Миллером.

По-французски писали Бергсон, Жиль Ромэн, Андре Моруа, Адольф Кремье и много других.

Георг Брандес писал по-шведски. Ламброзо — по-итальянски. Моше Пияде (Михаил Поробич) писал по-сербски. Анна Паукер — по-румынски, Сланский — по-чешски, Ракоши — по-венгерски. Но все они были евреи.

Но больше всего было евреев, писавших и пишущих свои произведения по-русски, как под своими еврейскими именами, так и прикрываясь чисто русскими псевдонимами, вроде «Кольцов», «Никулин», «Рязанов»... «Алданов», «Седых»...

Марк Слоним, русский еврей, которого многие считают знатоком русской литературы и который много пишет и читает лекции о русской литературе, в своём очерке «Писатели-евреи в русской литературе», напечатанном в сборнике «Еврейский Мир»², пишет следующие строки:

«Никакой особой “русско-еврейской” литературы в Советском Союзе нет и быть не может. Для историка и исследователя искусства может возникнуть только один вопрос: какое влияние оказали писатели-евреи на русскую литературу? В какой мере они принесли в неё свой собственный дух и оригинальные темы?»...

В зависимости от этой степени влияния и внесения в русскую литературу своей еврейской тематики и «духа», Марк Слоним делит евреев, писавших на русском языке, на три категории:

I. В первую категорию Слоним зачисляет еврейских писателей и поэтов, писавших свои произведения на русском языке, настолько ассимилировавшихся, что М. Слоним не замечает в их произведениях «еврейского духа» и в своём очерке приводит слова критика Львова-Рогачевского, назвавшего эту категорию «евреями лишь по паспорту», соглашаясь с этим определением.

«Ничего специфически еврейского — ни по духу ни по теме своего творчества», по мнению М. Слонима, в произведениях этих писателей нет.

Некоторые писатели из этой категории «скрыли своё настоящее имя под псевдонимом и даже в автобиографиях своих не указывают, что они — евреи», — говорит М. Слоним.

К этой категории Слоним причисляет Пастернака, Мандельштама, Веру Инбер, Ефрема Зозулю, Никулина, Лидина, Кирсанова, Лифшица, Маршака и множество других.

II. Вторую категорию составляют авторы, у которых, как говорит М. Слоним, «несмотря на их совершенно очевидное растворение в русской стихии, прорываются иногда еврейские темы и мотивы».

Эта категория своего еврейского происхождения не скрывает, а иногда его даже выпячивает и подчёркивает. Эренбург, например, свою автобиографию начинает словами: «Родился в 1891 году. Иудей».

Елизавета Полонская в одном из своих стихотворений говорит: «то кровь моя в жилах твоих поёт, чужим языком говорит»... (при встрече поэтессы с еврейкой-нищей, узнавшей в ней еврейку).

Во вторую категорию, кроме Эренбурга и Полонской, Слоним зачисляет также Андрея Соболя, Лунца.

III. К третьей категории М. Слоним причисляет тех евреев-писателей, которые почти исключительно пишут на еврейские темы.

Во главе этой категории стоит Исаак Бабель, о котором Слоним пишет, что он, Бабель, «один из так часто встречающихся в действительности тип

² Издание «Союза Русских Евреев» в Нью-Йорке, 1944 год.

еврея-коммуниста, фанатически верившего в учение Ленина и странным образом сочетавшего заветы Библии или Талмуда с требованиями и доктриной коммунистической церкви».

Кроме Бабеля, в эту категорию можно включить Козакова, Бройде, Бергельсона, Хаита и много других евреев-писателей, из которых многие писали не только на русском, но и на еврейском языке.

По этому же вопросу — вопросу о существовании «русско-еврейской» литературы, высказываются и Ю. Марголин, журналист, статьи которого часто появляются на страницах периодической печати, выходящей на русском языке в эмиграции.

В газете «Новое Русское Слово» от 11 января 1962 г. Марголин написал следующее: «Бабель — еврейский писатель эпохи крушения. К русской литературе он относится, как перстень с дорогим камнем на пальце.

Перстень можно снять, отложить на 20 лет и снова одеть — он не составляет части тела. В еврейскую литературу своего времени он входит органически — всем смыслом, всей патетикой и тематикой своего писательства.

Еврейская литература вообще многоязычна: греческий язык Иосифа Флавия и Деяний Апостольских, арабский язык Маймонида, латынь Спинозы и немецкий язык Гейне — всё это ответвления от одного ствола».

О еврейской литературе, к каковой, как изложено выше, сами евреи относят всё написанное лицами еврейской расы на самых различных языках в разные времена и эпохи, известный историк этой литературы С. Л. Цинберг пишет:

«в еврейской литературе отдельная личность была всегда подчинена коллективу и растворена в нём: все духовные богатства, создающиеся и собираемые в народе, принадлежат всему народу. Они носят только его имя, они знают только одного творца — это весь еврейский народ»³.

Еврейская литература на русском языке проявилась только тогда, когда значительное число евреев, использовавшие возможности, предоставленные евреям десегрегационной политикой русского правительства, выучили русский язык, получивши образование в русских учебных заведениях.

Произошло это только в последней четверти 19 столетия, а, к началу нынешнего века, число евреев, включившихся в русскую литературу и культурную жизнь, возросло чрезвычайно.

Включение же это было не слияние, растворение, ассимиляция до конца, подобно химическому соединению разнородных элементов, а только механическая смесь или, по меткому определению Ю. Марголина, «перстни с дорогим камнем», надетые на пальцы чужеродного тела.

«Перстней» этих становилось всё больше и больше, особенно в областях журналистики, публицистики, критики, в адвокатуре...

Явление это не осталось незамеченным. И с 80-х годов прошлого столетия русское правитель-

ство, которое в начале столетия так широко открыло для своих подданных евреев двери всех учебных заведений, стало на путь ограничений, о которых так много и часто пишется теперь, забывая тот, больше чем восьмидесятилетний, период, когда не только не было никаких ограничений (1804-1888 гг.), но русское правительство всячески содействовало приобщению евреев к общерусской культуре, путём получения образования в русских учебных заведениях.

Преимущества светского образования и сопряжённые с ним открывавшиеся возможности материального преуспеяния были настолько очевидны и сильны, что значительная часть евреев, не считаясь с неудовольствием раввинов, устремилась в русские учебные заведения.

Процесс приобщения евреев к числу российских подданных, окончивших средние и высшие учебные заведения России, стремительно и неуклонно рос.

И, к середине 80-х годов, одна треть всех студентов университетов Харьковского и Новороссийского (Одесского), обучавшихся на медицинском и юридическом факультетах, были евреи.

Получивши дипломы средних и высших учебных заведений России, евреи, тем самым, проникали в среду российской интеллигенции, особенно в свободные профессии: врачи, адвокаты, журналисты, и начали, всё больше и больше, оказывать влияние и на всю культурную жизнь России.

Но это не была, как указано выше, та ассимиляция, к которой стремилось русское правительство, содействуя и поощряя обучение евреев в светских учебных заведениях, в надежде приобщить их к русской культуре и «переварить их в общероссийском котле», как это происходит сейчас в США со всеми этническими группами граждан США, где постепенно создаётся «американская нация» и «американский патриотизм», путём не только образования на государственном английском языке, но и смешанных браков, одного быта, общности интересов материальных и политических.

Ничего этого в России не было. Еврей, несмотря на окончание русского учебного заведения, на замену традиционного «лапсердака» обыкновенной одеждой, на то, что он срезал «пейсы», покинул замкнутый круг еврейской общины-«кагала», перешагнул «черту оседлости» и даже (иногда) переменил религию и получил все без исключения права, наравне с остальным населением — он, всё же, оставался, прежде всего, евреем.

Со своей, еврейской, точки зрения он оценивал все события, прежде всего, имея в виду их полезность и выгодность для еврейства. Не только многомиллионного еврейства России, но и всего еврейства диаспоры. Это не значит, что они не были лояльными гражданами России.

Но им было чуждо и непонятно то чувство, которое свойственно и присуще тем, кто корнями своими уходил в далёкое прошлое своего народа, а своё будущее видел неразрывно связанным с будущностью своего народа и государства, созданного их предками — России.

³ «Еврейский Мир», сборн. II, 1944 год, Нью-Йорк.

У евреев же, и прошлое, и будущее было связано не с Россией и русским народом, а с еврейством всего мира, его прошлым и его будущим.

Россия для них была только временный этап их тысячелетнего пребывания в изгнании, как когда-то были Римская Империя, Испания, Западная Европа.

Как не стали они римлянами, греками, испанцами, немцами — так не стали они и русскими, хотя и изучили русский язык, и сами стремились принимать живейшее участие в общественной и политической жизни России.

Стремление это находило всемерную поддержку среди русских культурных людей, особенно, передовой и либеральной интеллигенции.

И евреи приобщались к русской культурной жизни, как равноправные и даже желанные члены всевозможных обществ и профессиональных объединений, и культурных начинаний.

Но, при этом, они сохраняли и свято оберегали то, что проф. Лурье называет «внутренним обликом еврея», присущим только евреям, в какую бы эпоху и в какой бы стране они ни жили и на каком бы языке ни говорили.

Этот «внутренний облик», отличающий еврея ото всех других народов, племён, рас, сами евреи не замечали или не хотели замечать, а тем менее, о нём говорить и писать.

А не-евреи, принявшие евреев в свою среду, самую мысль о возможности обсуждения и наличия этого «внутреннего облика» считали проявлением «юдофобии» или «антисемитизма».

Но, подспудно и невысказанно, уже с 80-х годов прошлого столетия, начинал ощущаться известный конфликт между вошедшими в русскую культурную жизнь евреями и русской интеллигенцией, уходящей своими корнями в далёкое прошлое русского народа.

Это не была «юдофобия» или агрессивный «антисемитизм» — в массе своей русская интеллигенция — культурный слой — его не знала и не одобряла.

Но это было невысказанное и неформулированное признание, что десегрегационная и ассимиляционная политика не увенчалась успехом, несмотря на то, что огромный процент евреев внешне полностью стал схож с не-евреями, русскими подданными.

Заполняя собой ряды свободных профессий, куда евреи и стремились сами, не только потому, что другие профессии были для них закрыты или затруднены, но и по своему врождённому отталкиванию от чисто чиновничьей, бюрократической деятельности — они вносили с собой и своё специфическое еврейское, чуждое и малопонятное для окружающей среды.

Начали раздаваться, правда, очень робкие, голоса о «еврейском духе» в свободных профессиях, прежде всего, в адвокатуре и газетном деле.

Всё это создало предпосылки для пересмотра русским правительством правильности и целесообразности политики в еврейском вопросе.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия, правительство пошло по пути разного рода ограничений для лиц иудейского вероисповедания в разных областях жизни и хозяйственной и культурной деятельности, в частности, в вопросе обучения в учебных заведениях, не только государственных, но и частных.

Ограничения эти в русской общественности были встречены крайне отрицательно (кроме сравнительно небольшой части, настроенной консервативно, юдофобски), а у всех евреев вообще породили резко антиправительственные настроения и толкнули их в оппозиционные и революционные группировки и организации.

Так закончился «ассимиляционный» период истории евреев в России, который евреями был полностью использован для создания многочисленных кадров интеллигенции еврейского происхождения, неразрывно связанного с еврейской религией и признанием себя «избранным народом», что препятствовало слиянию с народом русским и его культурой.

Насколько многочисленны были эти кадры можно судить по данным о числе студентов-евреев, по окончании университетов, пополнявших эти кадры.

По данным «Книги о русском еврействе» (Нью-Йорк, 1960 год) в 1886 году на медицинском факультете Харьковского университета было **41,5% евреев**; а в Одессе на медицинском — **30,7%**, а на юридическом — **41,2%**.

Окончившие университет вливались в ряды российской интеллигенции, внося в неё немало и своего, специфично еврейского, свойственного этой древней расе, сумевшей сохранить свою чистоту на протяжении тысячелетий рассеяния.

Считая это нежелательным и наблюдая неуспех своей ассимиляционной политики, Российское Правительство вводит в 1887 году, так называемую, «процентную норму», которая заключалась в том, что к приёму в учебные заведения (средние и высшие) допускался только известный процент лиц иудейского вероисповедания, а именно — в «черте оседлости» — **10%**; вне «черты» — **5%**, в Петербурге и Москве — всего **3%**.

Это вызвало взрыв негодования у всего еврейства и окончательно толкнуло его в ряды противников режима. Резко отрицательно отнеслась к этому и либеральная общероссийская общественность.

Однако, «процентная норма» существенного изменения процента евреев, получающих среднее и высшее образование, не внесла. Нашлось много путей и возможностей обходить закон.

Одни переходили в лютеранство и, по букве закона, переставали считаться евреями; другие кончали учебные заведения за границей и возвращались в Россию; третьи сдавали экзамены «экстерном»; четвёртые получали образование в учебных заведениях, на которые «процентная норма» не распространялась (коммерческие училища и ряд частных средних и высших учебных заведений).

По данным «Книги о русском еврействе», в

1912 году в Киевском Коммерческом Институте было **1875** студентов-евреев; а в Психоневрологическом Институте в Петербурге, как сообщает вышеупомянутая книга, среди студентов были **«тысячи евреев»**.

И, в конечном результате, за 30 лет существования «процентной нормы» (1887-1917 гг.) процент студентов-евреев (т. е. не перешедших в другую религию и оставшихся в иудаизме) изменился очень мало.

В 1887 году средний процент для всей России был **14,5%**, а в 1917 — **12,1%**.⁴

В эти цифры следует внести только один корректив: число студентов-евреев по племенному признаку и расе, но не иудейского вероисповедания.

Таковых в 1887 году было значительно меньше, чем в 1917. Точных данных о количестве их не имеется, но общеизвестно, что их было немало.

Принявши во внимание этот корректив, без боязни сделать крупную ошибку, можно сказать, что введение «процентной нормы» процент студентов-евреев в русских учебных заведениях не изменило, а только заморозило на уровне 1887 года.

Особенно остро чувствовалась «процентная норма» на Украине, где, к 1917 году, жило **2 500 000** евреев или **41 % всех евреев** — российских подданных.

Но всё же, «процентную норму» удавалось разными путями обходить, главным образом, путём создания частных учебных заведений, при поддержке еврейского капитала. Кроме того, было множество чисто еврейских частных школ, находившихся в руках еврейских общин.

В них получала образование еврейская молодёжь, не попавшая в русские учебные заведения. Об огромной деятельности этого рода учебных заведений весьма подробно и документировано сообщается в отдельной главе «Книги о русском еврействе».

В той же книге, на стр. 360, мы находим следующие строки: «ещё в июне 1914 года был опубликован закон о частных учебных заведениях, не пользовавшихся правами правительственных».

Закон обеспечивал народностям свободу в выборе языка для преподавания, что открывало широкие возможности для развития еврейского образования на «идиш» и древнееврейском языке».

* * *

Зная всё вышеизложенное, теряют всякую убедительность весьма распространённые во всём мире голословные утверждения, что в дореволюционной России «евреям был закрыт доступ к образованию».

Больше **12%** евреев в высших учебных заведениях в то время, как они составляли меньше **4%** всего населения России, и, вдобавок, ничем не ограниченная возможность открывать учебные заведения с преподаванием на еврейском языке — неопровержимо доказывают, каково было истинное положение

в вопросе возможности для евреев получать образование в России.

Здесь небезынтересно обратить внимание на то, что именно выходцы из России в новосозданном государстве Израиль составляют подавляющее большинство интеллигенции, министров и политических деятелей, получивших своё образование в той самой России, где «евреям был закрыт доступ к образованию».

Не будь всех этих полтавских, одесских, киевских бывших гимназистов, реалистов и студентов, Израиль оказался бы перед почти полным отсутствием кадров для создания всего аппарата власти во вновь создаваемом государстве.

* * *

В заключение описания вопроса получения образования евреями в дореволюционной России и, открывавшимися перед ними для этого широчайшими возможностями, не боясь повторений, следует ещё раз сказать следующее: полученное в русских учебных заведениях образование открыло перед евреями самые широкие возможности для проникновения в ряды русской интеллигенции и слияния с ней, тем более, что отношение к евреям этой самой русской интеллигенции было весьма дружелюбное.

И проникновение, самое глубокое (кроме административного аппарата и военной среды) во все круги культурного слоя России шло непрерывно. Но к слиянию не приводило. И не по вине русской интеллигенции и вообще культурной части русской общественности.

Причину надо искать во врождённом у евреев стремлении к самоизоляции от народов, среди которых им приходилось жить на своём историческом пути.

Надо полагать, что это есть результат тысячелетнего религиозного воспитания, внушавшего, что евреи — «избранный народ», рассеянный только временно, до того часа, когда он соберётся опять в «Земле Обетованной».

Все страны, где они живут — это не родина, а только место временного пребывания. Настоящая же родина — это «Земля Обетованная».

Из веры и непоколебимого убеждения в свою «избранность», логически неизбежно вытекает сознание своего превосходства над другими народами, нежелание с ними смешиваться и, как следствие этого нежелания, то самоограничение, которое характерно для евреев даже живущих среди тех народов, которые никаких ограничений для слияния с евреями не ставят.

В дореволюционной России, особенно на Украине, эти самоограничительные тенденции евреев проявлялись особенно отчётливо и делали их чужеродным телом среди массы украинско-русского населения.

3. Занятия торговлей и промышленностью.

По ст. 791, т. IX, Свода законов Российской империи евреи ремесленники, купцы и мещане

⁴ Цифры взяты из «Книги о русском еврействе» и сомневаться в их точности нет никаких оснований.

«пользуются в местах для постоянного жительства им назначенных, всеми правами и преимуществами, предоставленными другим русским подданным одинакового с ними состояния, поколику сие не противно особым правилам о евреях».

Это «особое правило» для всех евреев, кроме купцов 1 гильдии (т.е. наиболее зажиточных) делало невозможным занятие торговлей и промышленностью вне «черты оседлости».

Исключение делалось для евреев-ремесленников, каковым разрешалась торговля вне «черты оседлости», но «только предметами собственного изделия».

Наличие этих двух ограничений лишало возможности многочисленных бедных евреев, поколениями живших и кормивших семью своей посредническо-факторской деятельностью, заняться этой деятельностью вне «черты оседлости», заняться ею на свой риск и страх, а не в качестве служащего — «приказчика» еврея — купца 1 гильдии.

Вопрос о праве ремесленников торговать предметами собственного изделия не был достаточно уточнён и допускал как расширительное, так и ограничительное толкование, что вело к возможности разных злоупотреблений со стороны представителей власти на местах.

В связи с этим, было множество «разъяснений» Сената, нередко противоречащих одно другому.

Так например, в одном решении Сенат признал законной для еврея-часовщика торговлю часами, составные части которых были чужого изделия, но собраны им самим.

В другом решении торговля мукой булочником-евреем была признана незаконной, со всеми вытекающими из сего последствиями, предусмотренными Ст. 1.171. Уложения о наказаниях 1845 года (конфискация товаров и немедленная высылка из тех мест).

Все эти ограничения теми или иными путями обходились и находились лазейки и способы их избежать, иногда легально, а, большей частью, полулегально или совсем нелегально, благодаря возможности толкования в смысле расширительном или ограниченном отдельными представителями власти.

Но еврейскую бедноту такие ограничения раздражали, лишали возможности привычным способом зарабатывать на себя и семью и толкали её в ряды противников режима.

Были ли эти ограничения целесообразны и соответствовали ли они интересам общегосударственным — об этом существуют разные мнения.

Многие министры финансов, например, Витте и другие, были противниками этих ограничений, исходя из соображений, что надо же дать возможность евреям, путём торговли, прокормить себя.

4. Государственная служба. Самоуправление.

«Различие вероисповедания или племени — гласил закон — не препятствует определению на

службу, если желающие вступить в оную имеют на сие право... Евреи, имеющие учёные степени, допускаются на службу по всем ведомствам. (Диплом 1 степени Ун-та приравнялся к учёной степени)...

Лица из евреев, поступающие на государственную службу, приводятся к присяге на верность службе порядком, предписанным для них в Уставе духовных дел инославных исповеданий».

Так гласили русские законы, написанные в тот «ассимиляционный» период, когда русское правительство стремилось к «слиянию евреев с коренным населением», в частности, путём привлечения еврейской молодёжи в русскую школу, и боролось с «обособленностью» евреев — своих подданных.

Как видно из текста закона, евреям были предоставлены самые широкие возможности... Но тогда, вплоть до 70-х годов не было евреев соответствующих квалификаций.

До конца 50-х и начала 60-х годов евреи, окончившие русские университеты, исчислялись буквально, если не единицами, то десятками.

Массовый наплыв евреев в университеты начался только в конце 60-х и начале 70-х годов, после великих реформ императора Александра II.

Но вскоре осозналось, что университетский диплом еврея отнюдь не значит, что он твёрдо стал на путь «слияния с коренным населением», к чему стремилось правительство.

По своему «внутреннему облику» он оставался, прежде всего, евреем, несмотря на мундир государственного чиновника, отличное знание грамматики русского языка и всех тонкостей русского законодательства.

В русскую культуру евреи вращались, но отнюдь с ней не только не сливались, но даже и не срастались.

Национальные интересы России, в широком и глубоком значении этого слова, были им чужды и непонятны.

Осознавши это, русское правительство, в вопросе пребывания евреев на государственной службе, главным образом, в судебном ведомстве, куда устремлялись евреи с юридическим образованием, прибегло к следующему методу.

С конца 70-х годов евреев перестали назначать на должности, а евреев, уже занимающих должности, не увольняя, продолжали держать на этих должностях без всякой надежды на повышение.

Это приводило евреев к разочарованию в государственной службе, и они сами, добровольно, переходили в открытую для них свободную профессию — адвокатуру.

Только немногие единицы задержались на государственной службе, как, например, действительный статский советник **Тейтель** и тайный советник **Гальперн**, дожившие в этих чинах до революции 1917 года.

В другие области государственной службы евреи и сами не стремились, кроме евреев-врачей, число которых в военном ведомстве было весьма значительно и никаких ограничений для их поступ-

ления, в качестве военных врачей, равно, как и заметных затруднений в их служебной карьере, не существовало.

В адвокатуре, хотя профессии и свободной, но тесно связанной с судебным ведомством, до 1889 года никаких ограничений для зачисления евреев в сословие присяжных поверенных не существовало. И число адвокатов-евреев стремительно росло.

При этом, евреи вносили с собой и немало своего специфически еврейского, что не оставалось незамеченным и вызывало известную реакцию, как некоторых кругов русского общества, так и правительства.

И с 4 ноября 1889 года для зачисления евреев в присяжные поверенные требовалось, в каждом индивидуальном случае, разрешение министра юстиции. (Это относилось только к присяжным поверенным и не распространялось на евреев — помощников присяжных поверенных).

Разрешения эти давались с большими затруднениями и тем ограничивалось число полноправных присяжных поверенных (адвокатов) евреев.

А с 1912 года ограничение для присяжных поверенных, введённое в 1889 году, было распространено и на их помощников-евреев. (Как в первом, так и во втором случаях ограничения распространялось только на евреев иудейского вероисповедания и не касались евреев других вероисповеданий).

В том же 1912 году, при введении местного выборного суда — мировых и волостных судей — было указано, что евреи на эти должности выбираемы быть не могут.

Не допускались лица иудейского вероисповедания и на преподавательские должности в средних учебных заведениях.

К доцентуре и кафедрам в высших учебных заведениях их допускали, но только в редких случаях; но для евреев неиудейского вероисповедания никаких ограничений и препятствий не было.

Так, например, даже начальник Военно-Хирургической Академии в Петербурге в начале нынешнего столетия был по крови еврей, что вызвало затруднения при зачислении его сына в Павловское военное училище.

Здесь уместно будет пояснить, что государственная служба была двоякого рода: служба на должностях, дававшая чины и пенсию, и служба по найму, ничем не отличавшаяся от службы у частных лиц и предприятий.

В большинстве случаев, евреи, состоявшие на государственной службе, были на службе по найму.

На высшие административные посты евреи не назначались, но это, опять-таки, относится только к лицам иудейского вероисповедания.

Участие в самоуправлении.

Весь «ассимиляционный период» русское законодательство о самоуправлении, городском и земском, не знало ограничений для евреев.

Но, в конце 80-х годов, вскоре после введения «процентной норм», были введены ограничения для

евреев и в праве участия в самоуправлении: земском и городском.

Евреи перестали допускаться к участию в земских собраниях и избирательных съездах. (Но это не относилось к многочисленным земским служащим по найму, в частности, к врачам).

Участие в городском самоуправлении было ограничено известным процентом для гласных городских дум (не больше одной трети общего числа гласных), а на должность городского головы евреи вообще не могли быть избираемы.

Но, в то же время, никаких ограничений для выборов евреев в члены Государственной Думы и Государственного Совета не существовало и еврей-депутаты были во всех четырёх Государственных Думах, а один еврей, **Вейнштейн**, был даже членом Государственного Совета по выборам и принимал участие в его заседаниях, наряду с высшими сановниками Российской империи.

Воинская повинность.

За всё время своего пребывания на территории Речи Посполитой Польской, евреи воинской повинности не несли, ни в мирное время, ни во времена войны.

Вместо прямого участия в обороне страны, они платили особый налог, освобождавший их от службы в войсках.

Не призывались они и в войска России, после того, как стали её подданными. Рекрутская повинность, обязательная для всех «податных» сословий (мещан, ремесленников, купцов) заменялась для евреев особым денежным сбором, взимаемым с еврейских общин-«кагалов» — мест постоянного жительства евреев.

Но, в 1827 году этот порядок был изменён. Именным указом императора Николая I для евреев были введены правила об отбывании рекрутской повинности натурой.

Кого сдать в рекруты, предоставлялось решить евреям самим, т.е. их общинам. Правительство требовало только определённое число взрослых, совершеннолетних мужчин, физически здоровых и не старше 25 лет.

Кто совершеннолетний — решали раввины. По еврейскому закону, совершеннолетие считалось по достижении мальчиком 13 лет и совершения над ним соответствующего религиозного обряда.

Кроме того, еврейским общинам было предоставлено право сдавать в рекруты («представлять за себя») пойманных беспаспортных «единоверцев их».

Отсутствие прямого указания, кого надлежит считать совершеннолетним, равно, как и предоставление права общинам самим решать, кого сдать в рекруты, открыло широкие возможности для всякого рода злоупотреблений.

Вся тяжесть рекрутчины падала, главным образом, на беднейшую часть еврейства, не имевшую ни связей и протекций, ни средств для найма заместителя.

На «совершеннолетие» тщедушного мальчи-

ка, явно неспособного к несению тяжёлой солдатской службы, правительство смотрело сквозь пальцы и на это обстоятельство не обращало внимания. Главное — чтобы было поставлено причитающееся число рекрутов.

Надо полагать, это делалось сознательно, в надежде, что еврейского ребёнка, оторванного от родной среды, легче привести к «слиянию с коренным населением», что, в большинстве случаев, и происходило с теми мальчиками-солдатами, которые не погибали от разных детских болезней.

Как неспособных носить оружие и, в то же время, в большинстве, весьма музыкальных от природы, их определяли в музыкантские команды, где их обучали русскому языку и переводили в православие, не спрашивая их согласия.

Или же определяли в специальные школы, где они быстро «обрусевали» и, в дальнейшем, несли военную службу, не испытывая никаких ограничений, как евреи по происхождению, ибо в России ограничения существовали только по признаку религиозному, а не племенному и расовому.

Это были, так называемые, «кантонисты», многие из которых сделали неплохую карьеру, как на военной, так и на гражданской службе. Вступая в брак с русскими, они полностью обрусевали и для еврейства были потеряны.

Этот жестокий метод проведения ассимиляционной политики просуществовал больше четверти столетия и был отменён только в 1856 году.

Ощутительных результатов для ассимиляции всей еврейской массы он не дал: в «кантонисты» попадал только весьма незначительный процент еврейских мальчиков.

С введением в России всеобщей воинской повинности все евреи, достигшие 21 года, должны были отбывать её на общих основаниях и никаких замечаний не допускалось.

С другой стороны, при несении военной службы, стало применяться к евреям всё больше и больше ограничений: недопущение их на даже низшие командные должности, не говоря уже о производстве в офицеры, запрещение назначать евреев-солдат в писари, интендантство, санитарную часть, в пограничную стражу...

Все эти ограничения только усугубляли и без того отрицательное отношение евреев к военной службе и они старались всячески от неё освободиться, нередко исчезая за границу, когда приходил срок явки в Воинское Присутствие.

Правительство на это реагировало наложением денежного штрафа на семью уклонившегося от призыва, что цели не достигало, но только вызывало критику не только в еврейских кругах, но и среди широких кругов русской общественности.

Выход из этого положения некоторые политические деятели дореволюционной России видели в возвращении к тем временам, когда евреи не несли военной службы, а облагались специальным за это налогом.

Вопрос этот оживлённо дебатировался в соответствующих кругах в период между первой рево-

люцией 1905 года и кануном первой мировой войны, но решения никакого принято не было, а все ограничения для евреев, при прохождении военной службы, остались в силе.

И когда наступила мировая война, у сотен тысяч русских солдат-евреев, хорошо осведомлённых о положении своих единоплеменников в армиях неприятеля, особенно в Австрийской, не могли не возникнуть мысли и сравнения, которые мало способствовали их патриотическому подъёму и боевому духу.

Ни отрицать это, ни замалчивать не приходится.

Кроме перечисленных выше мероприятий русского правительства, как ассимиляционно-уравнительного, десегрегационного характера, так и характера ограничительного, в заключение можно упомянуть и ещё одно распоряжение русского правительства, взволновавшее, в своё время, всех «русских подданных иудейского вероисповедания».

В начале 19 века евреи-мужчины носили долгополые, до пят, халаты-кафтаны, каковые были чем-то, вроде национального костюма евреев того времени.

Император Николай I, любивший вообще порядок и форму, ввёл таковую и для евреев, предписавши и точно определивши, какой длины могут быть их халаты-кафтаны.

Конечно, приказ должен был быть исполнен и евреи обрезаали длинные фалды своей верхней одежды. Так создалась та верхняя одежда евреев, которая, до 1917 года, называлась **«лапсердак»**.

Но «пейсы» — локоны на висках, которые носили евреи, остались неприкосновенными до самой революции 1917 года. Их носило подавляющее большинство евреев «черты оседлости», кроме незначительного числа евреев, отошедших от старых еврейских обычаев.

Результаты и итоги ассимиляционной и ограничительной политики

Вначале двадцатого столетия, в годы, предшествовавшие первой мировой войне, уже отчётливо выявились результаты той политики, которую вело русское правительство в «еврейском вопросе».

Кратко можно сказать, что ни длительный период стремления «слить евреев с коренным населением» мерами поощрительными и десегрегационными, ни значительно более короткий период разных ограничений, успеха не имели и желаемых результатов не принесли.

Русскими патриотами, в том высоком смысле этого слова, как оно понимается во всём мире, патриотами, о которых римляне говорили, что для них «дулце ет докорум эст про патриа мори» (сладостно и почётно умереть за родину) — евреи не стали, кроме немногочисленных и редких исключений.

Это и неудивительно. Ведь, родина для всех евреев всего мира не страна, в которой они родились, а «Земля Обетованная», мечтой о возвращении в которую они жили всё время своего пребыва-

ния в рассеянии. Так их учили с младенческих лет и в семье, и в «хедерах», и во всём быту еврейских общин.

Отказаться от этой мечты для правоверного еврея (особенно тех времён) было равносильно отказу от религии своих предков. А это влекло за собой всеобщее презрение всего еврейства.

Сменившего религию оплакивали, как умершего, что не так редко можно было наблюдать в «черте оседлости», когда еврей или еврейка «выкрещивались».

Плач и рыдания, посыпание пеплом голову, стоны и причитания неслись из того еврейского двора, которого постигло такое несчастье.

Кроме теории и мечты о «Земле Обетованной», евреям, с младенчества, прививалась мысль об «избранности» еврейского племени-народа, о его превосходстве во всех отношениях над всеми другими народами мира, в чём правоверный еврей не смел сомневаться и не сомневался.

А это порождало и питало комплекс супериорности и вело к самоизоляции евреев в местах их рассеяния.

Если учесть и ещё то обстоятельство, что иудейская религия — единственная в мире религия, неразрывно связанная с расой и кровью (евреем надо родиться, но им нельзя стать) и, к тому же, географически точно определяющая, где находится родина каждого еврея — то станет понятно, почему закончились неудачей все ассимиляционные попытки русского правительства.

Только «кантонисты», с детских лет оторванные от семьи и влияния раввинов, вступавшие в брак с не-еврейками и их потомки полностью сливались с коренным населением и дали из своей среды немало крупных деятелей Российской империи.

Португальский еврей, **Девриен**, занял при Петре Великом один из ответственных в империи постов. Барон **Шафиров** блестяще вёл финансы при Петре. При Николае I министром финансов был граф **Канкрин**, сын литовского раввина.

Кауфман-Туркестанский проявил себя, как отличный не только генерал, но и администратор. Генерал **Грулев** имеет огромные заслуги в деле изучения Дальнего Востока и Маньчжурии, где, по его указанию, в выбранном им пункте, был основан город Харбин.

Но всё это были только единицы. Большинство же евреев так и не слилось с коренным населением, к чему стремилось и чего добивалось русское правительство.

Получилось, нечто совсем иное. Получивши образование (в результате ассимиляционной политики) и будучи лишены возможности занимать должности в административном аппарате государства на сколько-нибудь ответственных и руководящих постах (в результате ограничительных мероприятий), евреи устремились, в культурную и хозяйственную жизнь России по другим путям и каналам, в чём и преуспели к началу 20-го столетия, оказывая влияние на всю жизнь государства.

Адвокатура, журналистика, критика, изда-

тельское дело, торговля и промышленность, банковское дело, газеты — всё это было широким полем, где евреи не только смогли развивать свою деятельность, но и влиять в значительной степени на все стороны жизни государства, оставаясь, в то же время, чужеродным телом, органически не связанным с национальными интересами России.

Накопивши к концу 19 века значительные капиталы, евреи могли оказывать значительную поддержку всем начинаниям, которые, по их мнению, могли быть полезны, в данное время или в будущем, еврейской этнической группе в России и, наоборот, противодействовать созданию, развитию и успеху тех начинаний, которые могли евреям принести вред, или материальный, или моральный ущерб.

В периодическую печать, которая всё больше и больше развивалась и приобретала влияние, евреи устремились с особой энергией, и, к началу I мировой войны, большинство периодической печати России находилось или в еврейских руках, или под еврейским влиянием и контролем.

Этим они приобрели мощное средство для влияния на настроения широких масс, а, тем самым, и на политику государства.

Профессор Соломон Лурье в своей книге, вышедшей в 1922 году («Антисемитизм в древнем мире») по вопросу о взаимоотношениях евреев с народами и государствами, в которых они пребывают, пишет следующее:

«1. Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь постольку, поскольку он не противоречит ещё живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае, соблюдать не следует.

2. Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и, по возможности, содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям» (стр. 120).

Хотя эти два правила-инструкции поведения и деятельности евреев в России никогда и нигде в еврейской печати и печати, находящейся под еврейским влиянием, не печатались и даже устно на собраниях не обсуждались, тем не менее, их строго придерживалась вся многомиллионная масса евреев — русских подданных.

За всю свою многовековую жизнь в диаспоре, среди других народов, у евреев выработался свой, своеобразный подход и оценка всего, что происходит вне замкнутого круга еврейского племени, что так точно формулировал профессор Лурье в приведённых выше двух пунктах.

Что бы где ни произошло, в любом государстве, в любой точке земного шара, в любой области жизни — еврей всегда неизменно задаёт вопрос: «а как нашим?»... Иногда громко, вслух, иногда только про себя...

И, в зависимости от ответа, определяет своё

отношение к данному событию, государству, народу, политическому деятелю и партии, к тем или иным проявлениям культурной жизни того народа, среди которого он живёт.

В начале 19-го столетия, когда Россия получила больше миллиона подданных-евреев, евреи, не знавшие русского языка, не имевшие сколько-нибудь крупных капиталов, чуждые вообще общевропейской культуре и не желавшие к ней приобщаться — оказывать какое-либо влияние на политику государства и не могли, и не хотели.

Но меньше, чем за одно столетие, всё изменилось.

Были накоплены крупные капиталы в еврейских руках; созданы кадры евреев, полностью овладевших русским языком и окончивших высшие и средние школы; при помощи накопленного капитала произошло проникновение евреев во все отрасли хозяйственной и культурной жизни страны.

К этому надо добавить и то, что в Европе, начиная с половины 19-го века, еврейский капитал приобретал иногда решающее значение не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику во многих государствах.

А в иностранных капиталовложениях Россия остро нуждалась для развития своей промышленности. От **Ротшильдов**, французских, английских, австрийских; **Мендельсонов** германских многое зависело при решении тех или иных вопросов финансового характера в политике этих государств, по отношению к России.

Крупнейшие и влиятельнейшие газеты и издательства Европы, телеграфные агентства (делавшие «политическую погоду») — были или чисто еврейскими, или с сильным влиянием евреев.

Понятно и естественно, что евреи европейские к судьбе и желаниям своих единоплеменников в России относились с особым вниманием и в этом направлении действовали и на правительства своих стран.

Вопрос займов или торговых договоров нередко ставился в прямую зависимость от политики русского правительства в «еврейском вопросе».

Из мемуарной литературы мы знаем, что на Берлинском Конгрессе, созданном после Русско-Турецкой войны 1877-78 года Премьер Великобритании — еврей **Дизраэли**, он же лорд **Пальмерстон**, нашёл возможным и уместным задать князю **Горчакову**, представителю России, вопрос о «положении евреев в России»...

Знаем и ответ князя Горчакова, заставивший покраснеть этого самоуверенного «лорда»...

Из воспоминаний Витте мы знаем, какое давление старались оказать на русскую политику в «еврейском вопросе» финансовые круги Франции, во главе с Ротшильдом при заключении Россией внешних займов.

Общеизвестна и самая широкая помощь, финансовая и пропагандой, **американских евреев всем революционным начинаниям в России**.

В самой России, с развитием в ней общественной и политической жизни, вопрос отношения

к евреям — «юдофобство» и «юдофильство» — стал одним из основных вопросов, предъявлявшихся общественным деятелям, писателям, журналистам.

«Культурным», «честным», «передовым» признавался и восхвалялся только тот, кто безоговорочно и не рассуждая повторял и поддерживал все проеврейские высказывания, и видел в евреях только одно хорошее, закрывал глаза и на кое-что отрицательное, свойственное всем племенам и народам, в том числе и племени иудейскому.

Кто решался высказать что-либо несогласное постоянно повторяемым, как устно, так и в печати, жалобам на угнетение, преследование, мучения, страдания евреев в России — тот раз и навсегда зачислялся в «юдофобы-антисемиты», ставился под вопрос его ум, честность, порядочность... И популярность его падала, его не слушали, не читали...

Брались под сомнение и те, кто этого «щекотливого вопроса» вообще не касался и избегал. Его подозревали в скрытом антисемитизме» (как выразился в одной из своих статей быв. секретарь Всероссийского учредительного Собрания **Марк Вишняк**, русский еврей).

Евреи зорко следили за отношением к еврейскому вопросу отдельных политических и культурных деятелей России и делили их всех на «друзей и врагов евреев».

Книгоиздательство «Правда» в Варшаве, в начале нынешнего столетия, систематически издавало маленькие брошюры под общим названием «Друзья и враги евреев», продававшиеся по всей России по цене от 3 до 10 коп., в которых давались, как гласило объявление, «характеристики, портреты и разоблачения» отдельных лиц.

Россия была наводнена подобного рода брошюрками, продавались они за гроши, а то и раздавались бесплатно...

Пропагандная машина работала вовсю, вызывая и порождая в широких народных массах России соответствующее настроение — стремление помочь «угнетаемому» еврейству.

Стремление же это, в свою очередь, порождало резкие антиправительственные настроения, ибо, как твердила пропаганда, инициатива всевозможных «преследований» исходила от Правительства, вдохновляемого и поддерживаемого помещиками, духовенством и прочими «черносотенцами».

Немало журналистов и писателей дореволюционной России, в значительной степени, обязаны своей популярностью именно своим высказываниям по «еврейскому вопросу», независимо от качества их произведений.

И, наоборот, малейшее сомнение в добродетелях и талантах не только всего еврейского народа, но и отдельных его представителей, влекло за собой бойкот всей прогрессивной общественности и печати.

Явление это было типичным в общественно-культурной жизни России конца прошлого и начала текущего столетия.

Чтобы не быть голословным, приведу два

примера, из которых будет ясно, насколько большую роль играло «юдофильство» и «юдофобия» в культурной жизни России.

Журналист-писатель **Александр Амфитеатров**, автор многих хлестких фельетонов и памфлетов, в двух брошюрах: «Еврейство и социализм» и «Еврейство, как дух революции» пишет:

«евреи никогда не были довольны ни одним правительством, под власть которого их отдавала историческая судьба. Они не могут быть довольны и не будут, потому что идеал совершенной демократии, заложенный в их душе, нигде ещё не был осуществлён»...

Наличие же того факта, что есть немало евреев, не заинтересованных в идеальной демократии, социализме и революционных переворотах (евреев-капиталистов), Амфитеатров объясняет следующими словами:

«социалист по натуре, социалист до мозга костей, еврей, на целые века, вынуждался законом самосохранения заворачиваться в грубо буржуазные оболочки — настолько грубо и ловко, что возникали даже целые учения, целые социологические теории о врождённой буржуазности, как типическом расовом признаке еврейства»...

Дальше Амфитеатров пишет:

«но краски чуждые, с годами, спадают ветхой чешуей, и в голосах Лассалья, Маркса, в революционных действиях русско-еврейских вождей освободительной эпохи мы слышим неизменными вопль старых эбионитов, громы Исаии, плач Иеремии, благородную уравнительную утопию Гиллеля и Иисуса... Да! еврейство в мире не только нация, религиозное сообщество... Оно есть и социальная партия»...

«Павлово христианство, — продолжает Амфитеатров, — Вошло в мир, чтобы выработать союзы, теорию и этику буржуазного строя, а иудейство, со всеми его потомственными подразделениями в религиях и философии, осталось жить и терзаться в мире, чтобы сохранить ему, социализм».

После всех этих и подобных писаний Амфитеатрова в одном обществе еврей **В.С. Мандель**, задолго до 1917 года и до появления в печати известного памфлета Амфитеатрова «Господа Обмановы», за что он был выслан из России, сказал:

«Как бы то ни было, и господину Амфитеатрову и прочим своим апологетам еврейство должно было бы ответить цитатой из русского писателя, известной даже таким русским евреям-националистам, которые высказываются за недопущение выступлений на своих собраниях с речами на русском языке: “Услужливый дурак опаснее врага”»...

Профессор Петербургского университета **Константин Арабажин**, блестящий оратор и докладчик, слыл человеком «передовым», его статьи охотно печатались в журналах и газетах, на его лекциях аудитория была переполнена, его выступления на литературных собраниях — были событием в литературном мире...

С его мнением и оценкой литературных произведений все считались, признавая его эрудицию и знание русской литературы.

По обычаю того времени, новые литературные произведения обсуждались на открытых литературных собраниях.

Обсуждалось на одном из собраний и литературное произведение **Семёна Юшкевича**, третьеклассного беллетриста-еврея, писавшего по-русски и в своих произведениях изображавшего жизнь и быт местечкового еврейства.

Выступил и проф. Арабажин, отметивший слабые, по его мнению, стороны произведения С. Юшкевича...

Присутствовавший на собрании автор, немедленно реагировал словами: «Чего Вы суёте свой нос в то, чего не знаете и не понимаете!»...

Арабажин, человек горячий, не остался в долгу и тут же кратко ответил: «А зачем вы лезете в русскую литературу, которой не знаете и не понимаете?»...

Слова эти относились только к Юшкевичу и были ответом на его замечание. Но... слово «**вы**» было воспринято, как относящееся не только к Семёну Юшкевичу, а ко всему еврейству, ко всем евреям, пишущим свои произведения на русском языке.

И звезда Арабажина не только потускнела, но и вообще закатилась... Его перестали печатать «передовые и прогрессивные» органы печати; перестали приглашать на литературные собрания и диспуты; его лекции потеряли для студенчества свою притягательную силу...

Он был зачислен в «ретрограды», «черносотенцы», «жидоеды»...

Впоследствии, в эпоху Гражданской Войны, проф. Арабажин приняла ней активное участие, тесно сотрудничая с «Северо-Западным Правительством» ген. Юденича.

Нечто подобное произошло и с популярнейшим, в своё время, в России писателем **М. Арцыбашевым**, после его выступления в печати по «еврейскому вопросу» уже в эмиграции, в Варшаве.

О случае с проф. Арабажиным мне довелось слышать от нескольких лиц, на этом собрании присутствовавших. А во время съезда русских писателей и журналистов в Югославии то же самое, в разговоре со мной, подтвердили писатели **Евгений Чirikов** и **Борис Лазаревский** — участники этого съезда.

Через несколько десятков лет то же самое довелось мне услышать и от **Гр. Як. Аронсона** — меньшевика-«бундовца», живущего в Нью-Йорке и сотрудничающего в ряде газет и журналов, печатающихся на русском языке, равно, как и еврейской периодической печати на еврейском языке.

Это влияние еврейства на все стороны культурной жизни России отчётливо ощущалось всеми, кроме тех, кто не хотел видеть и слышать, а, тем более, об этом говорить, из боязни прослыть «отсталым», «черносотенцем», со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Были, конечно, и прекраснодушные идеалисты-мечтатели, которые традиционно становились на сторону тех, кто кричал о своих мучениях, не вдаваясь в рассуждение, насколько оправданы эти крики и не желая «выслушать и другую сторону»...

Коли плачут и стеноют — значит, страдают... Надо помочь и от мучений спасти... А тех, на кого жалуются плачущие и стеноящие (власть и правительство), надо осудить...

Сами евреи вообще не допускают и мысли, что они когда-нибудь и в чём-нибудь могут быть неправы.

Вот, что пишет по этому вопросу **И.М. Бикерман** в своей статье-очерке «Россия и русское еврейство»⁵:

«Еврей на всё отвечает привычным жестом и привычными словами: известное дело — мы во всём виноваты. Где бы ни стряслась беда, будут искать и найдут еврея. Девять десятых того, что пишется в еврейских повременных изданиях по поводу евреев в России, составляет только пересказ этой стереотипной фразы.

Так как всегда и везде мы, евреи, конечно виноваты быть не можем, то еврей делает отсюда весьма лестный для нас и, на первый взгляд, весьма удобный вывод, что мы всегда и во всём правы. Нет, хуже: он просто отказывается подвергнуть собственному суду своё поведение, отдать самому себе отчёт в том, что он делает и чего не делает, но, может быть, должен был бы делать. И так как с разных сторон к нам предъявляются претензии, сыплются на нас упрёки и обвинения, то виноваты наши обвинители, виноват мир, виноваты все прочие, только не мы»...

В другом месте того же сборника мы находим ещё и следующую фразу: **«Еврей не признаёт суда истории. Он сам судит историю»...**

И не только историю, можно добавить, но и выносит своё суждение о культуре, быте и жизни других народов, не допуская даже мысли, что кто-либо, не принадлежащий к еврейскому племени, вообще может иметь и своё суждение о евреях, их культуре, литературе, быте, расово-племенных особенностях.

А в то же время, сами всячески стремились принять участие во всех секторах общественной, политической и культурной жизни России, сначала, в 60 и 70-х годах прошлого столетия, робко и неуверенно и притом, сами проникнутые ассимиляционными настроениями, искренне стремясь слиться с русскими.

Эти два десятилетия характерны отсутствием каких-либо ограничительных мероприятий со стороны русского правительства, что у многих евреев, получивших образование в русских учебных заведениях, вызывало даже некоторый энтузиазм и желание «стать русскими».

Полной ассимиляции препятствовало только различие религий, что, в те времена, значило немало.

Политических партий еврейских тогда вообще не существовало. А, ко вступлению евреев в политические группировки общероссийские не встречалось никаких препятствий ни со стороны русской общественности, ни со стороны самих образованных евреев, считавших это нормальным и естественным.

И в 70-х годах мы уже встречаем евреев в рядах общероссийских политических группировок, не только в качестве рядовых членов, но и на руководящих ролях.

Правда, не так много, но всё же, они были там и никто и никогда из этого тогда вопроса не делал.

А через четверть века, на рубеже столетий и в годы, предшествовавшие революции 1905-6 годов, когда уже сложились и оформились общероссийские политические партии — евреями были заполнены ряды этих партий и группировок, почти исключительно «левых» и революционных, в которых мы видим евреев очень часто на самых ответственных и высоких партийных постах.

В партиях же и группировках, так называемых, «правых», с национальным или националистическим уклоном, как правило, евреев не было. Хотя, надо признать, бывали случаи, когда богатые евреи и поддерживали их финансово.

Вся же, пятимиллионная масса евреев — русских подданных, за редчайшими исключениями, была единодушна и единомысленна в своих оппозиционных настроениях и представляла собою готовый кадр, тесно спаянных своим происхождением граждан, стремившихся изменить политическую систему, а также, и социальный строй России, и ждущих только момента для применения своих сил в деле переустройства страны, в которой они жили.

Одни из них хотели это переустройство провести путём эволюционным, путём разных реформ. Но таких было немного. Большинство, если и не высказывало, то молчаливо одобряло идею насильственного изменения существующего порядка путём революции.

Влияние еврейской этнической группы на культурную жизнь России и создание многочисленного кадра евреев с русским образованием было облегчено быстрым и успешным проникновением евреев во все отрасли хозяйственной жизни страны.

Многие евреи быстро богатели и стремились дать своим детям высшее образование, а также не жалели денег на все те общественные и культурные общероссийские начинания, которые могли быть полезны евреям. Сейчас, непосредственно, или в более или менее отдалённом будущем.

Особенное внимание было обращено на периодическую печать, которая во всём мире начинала приобретать всё большее и большее влияние на внутреннюю и внешнюю политику всех государств.

В чьих руках печать страны — у того в руках и возможность не только влиять, но и направлять и руководить в желательном направлении общественным мнением и настроениями.

Для этого надо иметь кадры образованных и способных людей, а также и немалые средства для

⁵ Сборник 1, «Россия и евреи», Берлин, 1924 год.

финансирования и прямой или косвенной поддержки печати.

Как были созданы кадры — указано выше: в результате ассимиляционной политики русского правительства, с одной стороны, и ассимиляционных настроений и устремлений самих евреев, с другой.

Как же были созданы средства для широкой и разносторонней поддержки евреями, желательных им, общероссийских культурных начинаний?

Изложим это в самых общих чертах, ибо объём настоящего труда не позволяет уделить много места этому вопросу.

* * *

Пять с половиной миллионов евреев — русских подданных принимали самое активное участие в хозяйственной жизни не только в «черте оседлости», но и во всей России и, несмотря на все существовавшие ограничения, добились завидных успехов.

В начале 19-го столетия, когда они стали подданными России, все евреи были исключительно торговцы, разные арендаторы, маклеры, посредники и содержатели питейных заведений (кабаков, шинков).

Ни крупной буржуазии, ни людей со светским образованием среди них не было.

Не было и людей сельскохозяйственного труда (личного, физического) или землевладельцев-помещиков.

Всего за одно столетие картина резко изменилась.

Накануне Революции 1917 года почти все важнейшие и крупнейшие отрасли торговли и промышленности «черты оседлости», а в значительной степени и всей России, были или полностью в еврейских руках, или со значительным, а иногда и доминирующим в них влиянием еврейского капитала.

Установить точно процент участия еврейского капитала в разных отраслях хозяйства России невозможно, благодаря тому, что значительная его часть была закамуфлирована, с целью избежать ряда ограничений, существовавших для предприятий еврейских, или таких, в управительных органах которых были евреи.

Чтобы обойти закон, прибегалось к подставным лицам (не евреям), вводя их в правления предприятий и придавая, таким образом, еврейскому, по существу, предприятию вид предприятия не-еврейского.

Бороться с этим Правительству было трудно, да оно и не особенно стремилось бороться.

Например, в предреволюционные годы ни для кого не было секретом, что одно из крупнейших в России акционерных обществ — «Зерно-Сахар» — владевшее многими сахарными заводами и ведущее крупную торговлю хлебом, фактически было предприятием известного московского еврея-сиониста **Златопольского**.

Но председателем правления в нём был один граф, а членами — лица неиудейского вероиспове-

дания. И формально всё было в порядке.

Явление это было не единичным, а типичным; и не только в свеклосахарной промышленности, но и в других секторах хозяйственной жизни.

Главным образом, в «черте оседлости»; в меньшей степени — во всей России. В мукомольном деле, торговле зерном, лесом, а, в особенности, в банковском деле.

Хотя, как указано выше, точно установить степень участия еврейского капитала в хозяйственной жизни России невозможно, однако, известное представление об этом можно почерпнуть из исследования по этому вопросу **И. Дижур** «Евреи в экономической жизни России»⁶.

Согласно данным И. Дижур, из **518** сахарных заводов — **182** (31,5%) принадлежали евреям. Это относится к заводам с незакамуфлированным еврейским капиталом. Почти во всех остальных, в той или иной степени и форме, закамуфлированно участвовал еврейский капитал.

В мукомольном деле **365** крупных паровых мельниц были в еврейских руках; в пивоварении — **22%** всех пивоваренных заводов принадлежали евреям; в текстильной индустрии — **30%**; хлебная торговля была почти исключительно в еврейских руках (на **1000** торгующих зерном — **930** были евреи).

Торговля лесом, по словам И. Дижур, была «одним из главных промыслов евреев». Речное судостроение по Днепру — **70%** грузоподъёма — было в руках еврея **Марголина**.

В банковском деле, играющем, в нынешнее время, такую огромную роль в хозяйственной жизни страны, только **2 банка** во всей России не имели в составе своих правлений евреев: Московский Купеческий и Волжско-Камский.

Все остальные были или полностью или в значительной степени в еврейских руках, и имели в составе своих правлений и директоров евреев.

Из этого краткого обзора (сделанного по еврейским источникам) видно насколько велико было участие еврейского капитала в экономической жизни России.

Даже золотые прииски России были, в основном, в руках евреев. Как уже было упомянуто выше, богатейшие Ленские прииски были в руках еврея **Гинзбурга**.

Такая же картина была и с добычей платины, в каковой живейшее и активнейшее участие принимал еврейский капитал, как русских евреев, так и, так называемый, «иностраннный» (английский, французский), который, в сущности, был капиталом европейских евреев, точнее, им распоряжались крупнейшие европейские банки делавшие инвестиции в России.

Исключение составляло только крупное землевладение. Евреям, начиная с 80-х годов прошлого столетия не разрешалось приобретать землю в сельских местностях. Но те, кто купил её до запрещения покупок, своей землёй владел беспрепятственно.

⁶ «Книга о русском еврействе», Нью-Йорк, 1960 год.

Здесь речь идёт не о земле для физической на ней работы землевладельца (к этому евреи не стремились), а о крупных имениях — хозяйствах капиталистического типа.

В результате же этих покупок, состоявшихся до запрещения, даже на Украине были помещики (точнее, землевладельцы), у которых были барские усадьбы и сотни и даже тысячи десятин земли.

Например, в Конотопском уезде Черниговской губернии, вблизи гетманской столицы, Батурина, вокруг которой было много имений украинской знати гетманских времён, было два помещика-еврея, **Зорохович** и **Черкинский**.

Их барские усадьбы и щегольские выезды вызвали зависть не только украинских крестьян, служивших у них лакеями, кучерами, поварами или работавших батраками, но и многих окружных помещиков.

В соседнем уезде, не входящем в «черту оседлости» — Путивльском уезде Курской губернии — то же самое.

Сахарозаводчик **Ширман**, перед войной, был владельцем огромного имения в Грузском, которое много столетий было вотчиной бывших путивльских воевод — бояр Череповых.

Ещё больше было крупных имений, приобретённых не лично евреями, а акционерными обществами, преимущественно сахарными заводами, фактическими владельцами которых были евреи.

Как создавался еврейский капитал в России

На это даёт исчерпывающий и документированный ответ тот же Дижур, знаток и исследователь этого вопроса.

«Накопление капиталов было результатом деятельности евреев в течение первой половины 19 столетия, в качестве откупщиков пропинационных сборов и содержателей оптовых складов спиртных напитков и питейных заведений».

Кроме того, многие евреи арендовали у помещиков винокуренные заводы. В одном только Киеве было несколько складов и множество питейных заведений (шинков) в руках евреев.

Например, **Вайнштейн** имел оптовый склад и 72 питейных дома. **Мернерей** — оптовый склад и 10 питейных заведений. В Черкасах **Скловский** имел оптовый склад и 23 питейных дома.

Вообще, дело торговли водкой во всей «черте оседлости» было почти исключительно в руках евреев.

Как известно, в те времена деятельность шинкарей, торговавших водкой, была тесно связана и переплетена с деятельностью ссудно-кредитной, не подлежавшей никакому контролю и учёту.

Попросту говоря, с ростовщичеством, жертвой которого были не только крестьяне, закладывавшие и пропивавшие в шинках своё убогое имущество, но и помещики, прибегавшие к займам у шинкарей и откупщиков.

Банковское дело находилось тогда в зачаточ-

ном состоянии, а потому лица, нуждавшиеся в кредите, прибегали к помощи частных лиц, у которых были наличные деньги.

Немало и представителей администрации — чиновников и офицеров — также прибегали к кредиту у шинкарей и откупщиков, что, естественно и неизбежно, ставило их в зависимое положение по отношению к своим заимодавцам и препятствовало успешной борьбе с ростовщичеством, которую старалось вести Правительство.

Собранные таким путём капиталы, со второй половины 19 века, евреи начали инвестировать в бурно развивающуюся промышленность: сахарную, железнодорожное строительство и другие отрасли торговли и промышленности России, в особенности, в банковское дело.

И, в результате, Россия, перед революцией, имела много десятков, если не сотен евреев-миллионеров и их влияние и удельный вес в экономической жизни страны быстро и неуклонно рос.

Параллельно с этим, росло и их влияние не только на экономическую сторону жизни, но и на культуру, литературу, политику, нравы всей России.

Чувство племенной солидарности, свойственное всем племенам и народам вообще, у евреев было и есть развито особенно сильно. На это обратил внимание ещё **Тацит**, говоря об особой любви евреев к своему племени.

И, побуждаемые и руководимые этим чувством, евреи всегда и везде старались не только помочь, но и выдвинуть своих соплеменников, способствуя их успехам и противодействуя успеху и выдвижению их потенциальных конкурентов — неевреев.

Обладея финансами и будучи тесно сплочены единством расы и веры, они в этом направлении преуспевали чрезвычайно.

Социальная структура русского еврейства

Благодаря своим деньгам, позволявшим записываться в купцы 1 гильдии или получать высшее образование (если не в России, то за границей), что вело к освобождению от большинства ограничительных и запретительных мероприятий Правительства, социальная верхушка русских евреев всех этих ограничений фактически не ощущала. И от них не страдала.

Но, кроме своей социальной верхушки, более чем пятимиллионная масса русского еврейства, к тому же, быстро растущая численно, имела и свой средний класс, мелкую буржуазию и многочисленный пролетариат.

Средняя и мелкая буржуазия — это были почти исключительно торговцы и посредники, начинающая с ворочавших сотнями тысяч рублей, и кончая самыми мелкими.

Сюда же можно отнести и многочисленных евреев-ремесленников, начиная с таких, которые имели собственные мастерские и предприятия с наёмными рабочими, и кончая бродячими «лудиль-

щиками», «часовщиками», «стекольщиками»...

Благодаря врождённым способностям к торговле и посреднической деятельности, евреи почти полностью вытеснили не-еврейских торговцев и ремесленников из городов и местечек всей «черты оседлости» и, в значительной степени, и из других мест вне «черты» (ремесленники-евреи могли проживать повсеместно и вне «черты оседлости»).

И в годы, предшествовавшие 1 мировой войне, во многих городах и местечках России, начиная с вечера пятницы и до вечера субботы, ничего нельзя было купить: все торговцы были евреями, которым их религия запрещает торговать в субботу.

Русское Правительство, которое так много обвиняют в притеснении евреев, относилось к этому терпимо и не заставляло евреев торговать в субботу. А не-еврейское население принаровилось к этому явлению и никаких конфликтов на этой почве не происходило.

Кроме городов и местечек, в каждом селе «черты оседлости» жило несколько еврейских семейств (обычно не больше 2-3), имевших мелочные лавки и скупавших у крестьян их продукты (яйца, птицу, шерсть, шетину), а также, имевших небольшие крупорушки, мельницы и маслобойни.

Жили они весьма замкнуто, строго придерживаясь ритуалов Талмуда, и с местным населением не только не смешивались, но и не общались, кроме, как в плоскости чисто деловой, коммерческой.

Наряду с крупной, средней и мелкой буржуазией, ремесленниками и людьми свободных профессий, русское еврейство имело и многочисленный пролетариат, живший в городах и местечках «черты оседлости».

Этот пролетариат, в значительной своей части, влачил нищенское существование, работая в разных капиталистических предприятиях лёгкой промышленности или перебиваясь мелким маклерством и посредническими услугами.

В бытовом отношении этот еврейский пролетариат жил такой же обособленной жизнью, как и все остальные евреи.

Только представители свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты), да самая высшая социальная верхушка, в значительной степени, выходили из замкнутого круга чисто еврейского быта и, если не сливались, то общались с окружающим населением.

Основная же масса русского еврейства, как в «черте оседлости», так и вне её, крепко держалась заветов старины и была на редкость единодушна и единомысленна в стремлении их сохранить и сбегать.

И, благодаря этому, всё еврейство России, несмотря на резкие социальные расслоения и вытекающие отсюда противоречия классовых и бытовых интересов, представляло собою одно монолитное целое; во внееврейских вопросах все евреи, от миллионера до нищего, реагировали одинаково.

Вплоть до революции 1917 года все евреи были недовольны тем, что в России существовали ещё некоторые ограничения для их единоверцев.

А потому, все поддерживали и даже принимали участие в общероссийских политических партиях, стремившихся изменить существовавший социальный и политический строй страны.

Одни больше склонялись к пути эволюционному, реформам, другие предпочитали путь революционный и, со всем пылом, устремлялись в партии революционные и быстро занимали в них командные положения.

Впоследствии, когда наступила революция и вчерашние ссыльные, подпольщики, агитаторы и пропагандисты стали вершителями судеб России, это ощущение взаимосвязанности и единства всего еврейства спасло жизнь представителям еврейской крупной буржуазии.

Их единоплеменики заняли немало руководящих положений в тех органах власти, которые могли, по своему усмотрению, распоряжаться жизнью советских граждан.

Случаев физического уничтожения представителей крупнейшей и крупной еврейской буржуазии и лиц свободных профессий — евреев не было или почти не было.

Уничтожение же буржуазии не-еврейской, в годы террора, было явлением обычным.

Конечно, революция и отмена частной, собственности не могли не коснуться и евреев — капиталистов и собственников. Их капиталы были социализированы или национализированы наравне со всеми остальными и материально они пострадали.

Но эти потери были с избытком компенсированы тем, что еврейство, в целом, от революции пошло.

Революция 1917 года принесла всем евреям России не только равноправие, но, фактически, привилегированное положение и многих из них вознесла на положение вельмож всероссийских.

Отрицать это — значит отрицать общеизвестные факты, которые не оспариваются даже евреями. Слишком они очевидны и бросаются в глаза.

А равноправие (и даже привилегированное положение) открыло перед русскими евреями новые возможности, которые, в первые тридцать пять лет советской власти, и были полностью использованы.

Участие евреев во всех отраслях хозяйственной, политической и культурной жизни России, переименованной в СССР, было обратно пропорционально их числу в стране.

Участие и роль евреев в культурной жизни России

В культурную жизнь России евреи начали включаться только во 2-й половине 19 века, не встречая никакого противодействия или ограничения ни со стороны Правительства, ни, тем менее, со стороны российской интеллигенции и общественности.

Их принимали в свою среду, как своих, как «русских иудейского вероисповедания» — в литературе, в адвокатуре, в политических группировках и организациях.

Гражданское самосознание приобщавшихся к русской культуре евреев, равно, как и свойственный им реальный учёт возможностей в будущем, подсказывал им, что будущее русского еврейства неразрывно связано с будущим России.

А это сознание толкало их на путь самого активного участия в политической жизни страны.

О «Земле Обетованной» тогда русские евреи (образованная их часть) серьёзно не думали, направляя свои силы и энергию на лучшее устройство своих единоплеменников в России, как в отношении правовом, так и в области бытовой и экономической.

Но, с другой стороны, ещё были крепки и сильны в еврействе самоизоляционные настроения, сознание себя «избранным народом», нежелание и боязнь не только слияния с другим народом и растворения в нём, путём смешанных браков и полного вхождения в жизнь и быт русского народа, но даже сколько-нибудь глубокое смешение с русскими.

Внутренне, невысказанно, они все же продолжали считать себя, как бы, государством в государстве или, по определению проф. Соломона Лурье, «нацией без языка и территории, но со своими законами».

И, включаясь в общероссийскую культурную и общественно-политическую жизнь, евреи, часто сами того не замечая и не сознавая, вносили и несли немало и своего, специфически еврейского.

Как в смысле положительном, так и отрицательном. (У всех народов, рас и племён есть и положительные и отрицательные свойства, если эти свойства рассматривать с точки зрения интересов и будущего государства, выросшего и созданного из разрозненной семьи — племени — народа).

Естественно и понятно, что евреи, при выборе общественных и политических группировок, шли в те, программы которых были наиболее благоприятны для евреев.

И тут, уже в самом начале включения евреев в русские или, точнее, общероссийские политические организации, как известно, наметился известный конфликт — расхождение мнений и суждений, оценки известных явлений, высказываемых членами одной и той же организации, евреями и не-евреями.

Ярким примером этого конфликта является отношение к еврейским погромам начала 80-х годов самой активной революционной группы того времени — «Народной Воли» и «Чёрного Передела», прибегавших к террору в политической борьбе и организовавших убийство Александра II.

Конфликт этот настолько характерен и типичен для разной оценки одного и того же события членами одной и той же организации или партии одинаковых взглядов, образования, социального положения, и отличающихся друг от друга только еврейским или не-еврейским происхождением, что на нём следует остановиться и описать его более подробно.

Тем более, что подобные или аналогичные конфликты очень часто можно обнаружить и в наше время.

После царевубийства 1 марта 1881 года, как известно, в некоторых городах Украины произошли еврейские погромы, заключавшиеся в уничтожении имущества евреев, насилия над ними, причём, были и человеческие жертвы.

В связи с этим, в настроениях радикально настроенной еврейской молодёжи, принимавшей самое горячее и активное участие в революционно-террористической деятельности «народовольцев» и «чёрнопредельцев», до царевубийства включительно, наступил резкий перелом.

Жертвами той самой террористической деятельности, которую они сами пропагандировали и применяли на деле, стали имущество и даже жизнь их единоплеменников-евреев...

И тут пришёл конфликт... Пока дело не касалось евреев, пока уничтожали представителей власти, до царя включительно, пока призывалось к «чёрному переделу» и уничтожению имущества «буржуазии», не останавливаясь перед насилием и убийством — до тех пор всё было в порядке и на осуществлении программы террора дружно работали и евреи, и не-евреи...

И никто не задавал вопроса: к какому племени, религии, расе принадлежит намеченная жертва террора — «буржуа» или представитель власти.

«Народовольцы», призывавшие к насилиям и террору, естественно, не могли не откликнуться на еврейские погромы.

В начале осени 1881 года Исполнительный Комитет «Народной Воли» выпустил прокламации в связи с погромами, а через некоторое время, в шестом номере «Народной Воли» было напечатано следующее:

«всё внимание обороняющегося народа сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом на евреях, этой местной "буржуазии", поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд».

Как упомянутая выше прокламация, так и статья в шестом номере «Народной Воли» рассматривают погромы, как проявление и выражение народного гнева, направленного против эксплуататоров и угнетателей, независимо от того евреи или не-евреи те, на кого обрушился «народный гнев».

А два года спустя, в июле 1883 года, в «Приложении» к «Листку Народной Воли» была напечатана статья «По поводу еврейских беспорядков», в которой эти беспорядки истолковывались, как начало всенародного движения, «но не против евреев, как евреев, а против «жидов», т.е. народных эксплуататоров».

Народ отлично понимает, что и начальство поддерживает их вовсе не как евреев, не как угнетённый народ и, тем более, как интеллектуальную силу, которую оно жестоко преследуют, а только, как жидов, т.е. людей, помогающих держать народ в кабале и как людей, делящихся с ним, дающих ему взятки и т.п.

Рабочая фракция «Народной Воли», выпустив по поводу Екатеринославского погрома в 1883 году прокламацию, разумела в ней, конечно, не евреев, а

именно жидов.

Против первых она, как и весь русский народ, ничего не имеет; против вторых — «имеет много, со своей рабочей точки зрения»....

В конце статьи автор напомнил, что и Великая Французская Революция началась с избияния евреев и сослался на Карла Маркса, *«который когда-то прекрасно объяснил, что евреи воспроизводят, как в зеркале (и даже не в обыкновенном, а в удлинённом виде), все пороки окружающей среды, все язвы общественного строя, так, что когда начинаются антиеврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против всего порядка и начинается движение более глубокое»*⁷.

Автором прокламации «Народной Воли» был еврей — **Савелий Златопольский** — член Исполнительного Комитета «Народной Воли», сумевший остаться на свободе после того, как из 28 членов было арестовано 20.

Автором статьи в шестом номере «Народной Воли» был член Исп. К-та **Г. Романенко**, введённый в состав Комитета после 1 марта 1881 года.

Автор статьи в «Приложении» к «Листку Народной Воли», о которой упомянуто выше, неизвестен.

(Авторство С. Златопольского больше полувека никем не оспаривалось. Но, после 1917 года, вопрос авторства опять всплыл, в связи с воспоминаниями **Анны Корб**, бывшей в 1881 г. членом И. К. «Народной Воли», которая утверждает, что автором этой прокламации был не Златопольский, а Романенко. Исследователь этого вопроса, сам еврей, Давид Шуб, в своём очерке «Евреи в русской революции» принимает на веру запоздалые разоблачения Анны Корб, не объясняя причин такого долгого молчания этой революционерки.)

Но не авторство (еврея или украинца-малоросса) взволновало тогда радикально-революционные российские круги.

Важно было не то, кто написал, а то, что было написано. И не единолично кем-нибудь, а от Исп. К-та «Народной Воли», в революционно-террористической деятельности которой принимали участие люди, не считавшиеся со своим происхождением, расой, религией, социальным положением.

И сын украинского магната — **Дмитрий Лизогуб**, и генеральская дочь — **Софья Перовская**, и сын священника — **Яков Стефанович**, и отпрыски богатой еврейской семьи — **Савелий** и **Григорий Златопольские** и еврейка-пролетарка — **Гesia Гельфман**...

Психологически немыслимым, морально недопустимым и глубоко лично оскорбительным для любого из этих людей, рискующих собственной жизнью, ради достижения того, что, по их мнению, должно было принести лучшее будущее, была бы постановка вопроса о том, что принесёт это осуществление его близким или далёким родственни-

кам.

Почему можно было призывать к погромам помещичьих усадеб у прочих «буржуев», а нельзя оправдывать «народный гнев», если жертвою и объектом являются евреи?..

В полемике в радикально-революционных кругах, которая велась в начале 80-х годов, в связи с приведёнными выше высказываниями «Народной Воли» по вопросу о «еврейских беспорядках», принимали участие ряд виднейших революционеров-радикалов, основоположников движения: **Лев Тихомиров**, **Яков Стефанович**, **П. Лавров**, **Лев Дейч** и другие.

Резюмируя эту полемику, досконально её изучивший, Давид Шуб (еврей), много лет спустя, когда улеглись все страсти, в 1944 году пишет:

«Нельзя, однако, отрицать, что большинство русских революционеров начала 80-х годов избегали открыто и резко отмежевываться от точки зрения по еврейскому вопросу, выраженной в шестом номере «Воли Народа».

«Еврейские беспорядки», по мнению Якова Стефановича, бывшего после 1 марта 1881 года членом Исполнительного Комитета «Народной Воли», «являются чисто народным движением, а относиться не только отрицательно, но даже индифферентно к чисто народному движению мы не вправе»...

Такой же точки зрения придерживался и Лев Тихомиров, что подтверждает **Плеханов**, который вёл с Тихомировым спор по этому вопросу осенью 1882 года, в эмиграции.

Известный революционер П.П. Лавров, которого Д. Шуб квалифицирует, как «несомненного друга еврейского народа» в письме к **П.Б. Аксельроду** (еврею — русскому революционеру) 14 апреля 1882 года пишет следующее:

«Я должен Вам сознаться, что признаю еврейский вопрос крайне сложным, а практически для партии, имеющей в виду сблизиться с народом и поднять его против правительства, и в высшей степени трудным. Теоретически разрешить его на бумаге очень легко, но, ввиду наличия народной страсти и необходимости иметь народ, где возможно, на своей стороне, это совсем другое дело».

Мысли и соображения Лаврова разделяли и многие еврей-революционеры, отрешившиеся от религиозно-расово-племенного подхода ко всякому вопросу и требований исключения из общих правил и положений для своих единоплеменников (чем и поныне грешат многие евреи, находящиеся на ключевых позициях политической и культурной жизни разных государств и народов).

Вот что, по этому вопросу, писал еврей Л. Дейч еврею П. Аксельроду:

«Еврейский вопрос теперь, на практике, действительно, почти неразрешим для революционера. Ну, что им, например, делать теперь в Балте, где живут евреев?... Заступиться за них — это значит, как говорит Реклю, “вызвать ненависть против революционеров, которые не только убили царя, но и жидов поддерживают”... И приходится им быть

⁷ Приведённое выше взято из статьи **Д. Шуба** «Евреи в русской революции», напечатанной в сборнике «Еврейский Мир», Нью-Йорк, 1944 год.

между двумя противоречиями...

*Это просто безвыходное положение, как для евреев, так и для революционеров, на практике и в действии. Конечно, обязательно последним добиваться для первых уравнивания их прав, дозволения им селиться повсюду. Но это, так сказать, деятельность в высших сферах. А среди народа вести примирительную агитацию очень, очень трудно теперь партии. Не думай, чтоб меня это не огорчало и не смущало, но всё же, я остаюсь всегда членом **русской** революционной партии и ни на один день не стану удаляться от неё, ибо это противоречие, как и некоторые другие созданы не ею, партией»...*

Но Аксельрод с доводами Дейча несогласен. В своей неопубликованной статье «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции» в 1882 году он писал:

«Погромы, а ещё в большей степени, проявившееся затем “общественное мнение” русских образованных классов, явились для евреев-социалистов в России, как бы, откровением, смысл которого они решились откровенно формулировать перед собой и другими только после тяжёлой внутренней борьбы».

Сжившись с мыслью, что евреев, как особую нацию, в действительности, нет, что составляя ныне часть русских подданных, а впоследствии русских граждан, евреи считаются, смотря по своим сословным и культурным подразделениям, неразрывной частью соответствующих элементов «коренного» населения, еврейская социалистическая интеллигенция вдруг увидела, что громадное большинство русского общества и народа считают евреев особой нацией, все элементы которой — длиннополый ли еврей-пролетарий, мелкий буржуа, ростовщик, обрусевший адвокат и готовящийся к ссылке или каторге социалист — все безразлично «жиды», безусловно вредные для России, которая должна от них избавиться во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами»....

Приведённые выше высказывания и мнения двух евреев — активных участников социалистическо-революционных группировок русской радикальной интеллигенции заслуживают особого внимания.

Ибо, с одной стороны, были намечены вехи и созданы предпосылки для массовой эмиграции евреев из пределов Российской Империи, неизвестной до 80-х годов 19-го века; с другой стороны, были созданы предпосылки для будущего сионистского движения, бурно разросшегося через неполных 20 лет; с третьей, наконец, стороны, множество радикально настроенной еврейской молодёжи устремилось в революционные кружки, старавшиеся восстановить разгромленную и выдохшуюся идейно «Народную Волю».

Некоторые из них — **Л. Штернберг** и **Богораз** — настолько выдвинулись, что им было поручено редактирование последнего номера «Народной Воли» (№ 11-12) в октябре 1885 года.

Другие (например, **М. Гоц**, **М. Фундаминский**, **О. Минор**, **С. Гинзбург**, **Л. Залкинд**, **Богораз**), получивши закваску в этих кружках второй половины

80-х годов, впоследствии играли крупную роль в революционных событиях начала нынешнего столетия, в частности, в создании партии социалистов-революционеров, сыгравшей огромную роль, как в годы первой революции, так и в 1917 году.

Вопрос, поднятый в начале 80-х годов в полемике между Дейчем и Аксельродом, больше не поднимался.

Настроения тогда были таковы, что тот, кто бы этот вопрос не только поднял, но о нём вспомнил и напомнил — «был бы безоговорочно зачислен в «черносотенцы» и вычеркнут раз и навсегда из числа «культурных и передовых людей», что тогда было синонимом «интеллигентного человека».

Однако, это обстоятельство несколько не препятствовало бурному развитию сионизма, именно среди русских евреев, в последнее десятилетие 19-го и первое десятилетие 20-го столетия, причём, сионизм пользовался симпатиями и поддержкой прогрессивной и передовой русской общественности.

О том же, что самое существование и успех сионистского движения свидетельствуют и подтверждают наличие в русском еврействе самоизоляционных тенденций — об этом не говорилось и не писалось.

А между тем, далеко не весь спектр оттенков сионизма своей конечной целью имел создание в Палестине отдельного, независимого государства, путём переселения туда всех евреев диаспоры и, следовательно, окончательного, раз и навсегда, решения извечного «еврейского вопроса» не только в России, но и во многих других государствах, где этот вопрос существовал и требовал своего разрешения.

Кроме «сионистов-социалистов-интернационалистов», выпустивших своё «Воззвание к еврейской молодёжи» в 1901 году (на русском языке издано в Лондоне), в котором чётко и ясно выражена их конечная цель:

«образование еврейского государства на социалистических основах»... «на территории Палестины и её соседних стран: Кипра, Синаи»... «Без мракобесных раввинов и ханжеского культа еврейской религии»... в русском еврействе было ещё и много других оттенков сионизма, в зависимости от классовой принадлежности и степени образования русских сионистов.

Были сионисты — крупные капиталисты; сионисты — мелкие и крупные буржуа; сионисты — либералы; сионисты — марксисты; сионисты — ортодоксальные евреи, для которых Талмуд был высший закон, а раввин — непререкаемый авторитет.

Одни из них открыто вступали в члены разных сионистических и просионистических организаций; другие — только им всячески содействовали и их поддерживали морально и материально.

Таких же, которые бы открыто выступали против идеи собрать всех сынов Израиля в «Обетованной Земле», к чему призывали сионисты — не было и их голос не был слышен.

Не было слышно и еврейских голосов, призывавших к ликвидации тех самоизоляционных настроений еврейства, которые вели к созданию «государства в государстве» и слиянию, полному и безоговорочному, с народом, среди которого, они живут и на языке которого получают своё образование.

Рассматривая еврейский вопрос, в целом, с точки зрения России, где жило большинство евреев, не желая сливаться с коренным населением и поддерживая, в той или иной степени, сионизм, нам не интересны отдельные нюансы сионистских и про-сионистских настроений.

Интересно и важно установить другое: действительно ли они искренне хотели покинуть Россию и переселиться, в Палестину или же намеревались оставаться в России на положении государства в государстве, жить «по своим законам» своим замкнутым кругом, не допуская никого вмешиваться в свои, еврейские дела.

Но, в то же время, принимать самое активное участие во всех делах русского народа, наравне с коренным населением.

Вопрос этот, с предельной точностью и ясно-стью, начали осознавать многие общественные и политические деятели Дореволюционной России.

Особую остроту приобрёл этот вопрос после того, как в конце прошлого столетия сионистское движение было организационно оформлено.

В 1897 году, в Базеле (Швейцария) собрался, по инициативе **Теодора Герцля**, венского еврея, первый конгресс сионистов.

Участники были из всех государств, в которых жили евреи, в том числе и из России. В то время евреи ещё не имели общего языка, а на том языке, который теперь называется «иврит», смог произнести свою речь только один делегат (**М. Каган** из Гомеля).

Остальные говорили то по-русски (делегаты из России), то по-немецки (делегаты из Австрии и Германии).

Идея сионизма, находившаяся в полном соответствии с религиозно-мистическим миропониманием и мироощущением всего еврейства, вызвала живейший отклик в русском еврействе, самом многочисленном в диаспоре.

Сионистская пропаганда зазвучала во всех местах, где была хоть самая маленькая еврейская община. Начались сборы в «Еврейский Колониальный Фонд», путём продажи соответствующих акций, стали завязываться постоянные и регулярные связи с сионистскими организациями и центром вне России.

Это не осталось незамеченным русским правительством, и в 1903 году Министерство Внутренних Дел предписало губернаторам, полицеймейстерам и градоначальникам принять меры для борьбы с сионистским движением в русском еврействе.

По данным **Гершена Света** (нынешнего консула государства Израиль в Нью-Йорке) меры эти были следующие: запрещать собрания и съезды сионистов; препятствовать тому, чтобы в синагогах ве-

лась сионистская пропаганда; закрыть все организации сионистов в России; лишить возможности поездок за границу сионистских деятелей для участия в сионистских конгрессах и съездах; запретить продажу и распространение акций «Еврейского Колониального Фонда», а если у кого они будут обнаружены — они подлежат конфискации.

Предписание это вызвало тревогу Т. Герцля и он решил добиться аудиенции у всевышнего тогда **Плеве**, министра Внутренних Дел, что ему и удалось осуществить в конце 1903 года.

В своих воспоминаниях Герцль рассказывает о своей поездке в Петербург, разговоре с Плеве и результатах этого разговора.

Плеве ответил Герцлю не сразу, а спустя некоторое время, отдельным письмом, давши, при этом, Герцлю понять, что мысли и соображения, высказанные в письме были им доложены Императору Николаю II.

В письме Плеве к Герцлю говорится, что «поскольку сионизм имеет целью создать независимое государство в Палестине, и, в этом случае, сионизм приведёт к эмиграции известного числа евреев — подданных России, постольку русское правительство могло бы отнестись к нему благожелательно.

Но, с тех пор, как сионизм стал уклоняться от своей прямой цели и стал заниматься пропагандой еврейского национального единства в самой России — такого направления Правительство не может потерпеть, ибо оно приведёт к тому, что в стране возникнут группы людей, чуждых и враждебных патристическим чувствам, на коих основано каждое государство.

Если сионизм вернётся к своей прежней программе — он сможет рассчитывать на моральную и материальную поддержку русского правительства, особенно с того дня, когда какие-нибудь из его практических мероприятий сократят численность еврейского населения России.

В этом случае, Правительство готово поддержать перед Турцией стремления сионистов, облегчить их деятельность и даже выдавать субсидии эмиграционным обществам».

Во время своего пребывания в Петербурге Герцль добился и приёма у Витте, известного не только, как крупный сановник, но и как человек с большими связями в финансовом мире Европы, в котором евреи играли доминирующую роль.

Витте разочаровал Герцля. При обсуждении еврейского вопроса в России, Витте, по воспоминаниям Герцля, был груб и прямо сказал Герцлю, что Правительство и все русские патриоты не могут не считаться с тем фактом, что евреи, составляющие всего **5%** населения Империи, дают **50%** всех революционеров.

Герцль, сам пламенный сторонник переселения евреев в Палестину, уехал из России не совсем разочарованным. Всё-таки, кое-какие обещания от Плеве были получены, хотя и обусловлены невмешательством сионистов во внутренние дела России.

А с тем, что Плеве был, в значительной степени, прав, трудно было не согласиться, хотя, из

соображений тактических, Герцль никогда об этом не высказывался, а ограничился оглашением на 6-м сионистском съезде приведённого выше письма Плева.

Намечавшиеся, как будто, возможности канализации сионистского движения, или хотя бы его какой-то части, по путям, приемлемым и для русского правительства, и для подлинных сионистов, всерьёз собиравшихся выехать в Палестину для создания еврейского государства, а не создавать, в пределах России, «государство в государстве», не выезжая из России — всё было прервано наступившими революционными событиями 1904-1907 годов.

Русскому правительству было не до сионистов, а сионистам, перед которыми открылись головокругительные возможности в случае успеха революции, было не до Палестины.

Они, в массе своей, с головой ушли в дело поддержки той борьбы, которая велась за осуществление всех еврейских вожделений.

Вожделения же эти сводились к полному и безоговорочному равноправию евреев в России, а, сверх того, и к возможности создать, на законных основаниях, «государство в государстве», в результате признания за евреями, рассеянными по всей России, права «национально-персональной автономии».

Сущность «национально-персональной автономии» заключалась в том, что на общегосударственный счёт должны были содержаться чисто еврейские культурно-бытовые учреждения и организации (газеты, театры, учебные заведения и т.п.) в любом населённом пункте государства, где поселится некоторое количество евреев.

Во внутреннюю же жизнь «национально-персонально-автономных» еврейских общин-групп не-евреи никакого права вмешательства или влияния не имели, хотя бы они и составляли подавляющее большинство данного населённого пункта.

Вступление евреев в русскую политическую жизнь началось тотчас же после того, как начали создаваться кадры евреев, получивших среднее и высшее образование в русских учебных заведениях.

Произошло это в начале 60-х годов прошлого столетия, когда начали создаваться первые революционно-радикальные политические кружки, из которых впоследствии развились «Народная Воля», «Чёрный Передел», а, на рубеже нынешнего столетия — «Партия Социалистов-Революционеров», сокращённо «Эс-Эры».

Видную роль в этих кружках 60-х годов играл еврей **Утин**, который был приговорён к смертной казни, бежал за границу и был секретарём русской секции 1-го Интернационала.

Утин был в очень близких отношениях с Карлом Марксом и поддерживал его активно в борьбе с Бакуниным.

Карьеру свою Утин закончил в России богатым купцом. Он подал прошение о помиловании, был прощён и, вернувшись в Россию, достиг завидных успехов на поприще торговли и финансов.

В следующее десятилетие, к концу 70-х годов, мы уже встречаем евреев в радикально-революционном движении значительно больше, причём, многие из них заняли руководящие положения в кружках и партиях, как, например, уже упомянутые выше, Дейч, Натансон, Аксельрод, Зунделевич и много других.

Дальше, к концу столетия прошлого и в первые годы нынешнего, число евреев революционеров возросло настолько, что Витте, имея в руках статистические данные, смог сказать Герцлю о **50%** евреев-революционеров, при всего **5%** евреев в числе народонаселения России.

При этом, Витте имел в виду только революционеров, не причисляя к ним «оппозиционеров», противников режима, к каковым принадлежали почти все без исключения еврейско-русские интеллигенты.

Всё сказанное выше, относится к радикально-революционным течениям «Народнического» направления, каковые были единственными в 60-х и 70-х годах.

Но, кроме них, начиная с 80-х годов, начали создаваться и развиваться параллельно и течения марксистские — предтечи социал-демократической партии, единой до 1903 года, когда она раскололась на меньшевиков и большевиков.

Первое в России марксистское (социал-демократическое) течение было организационно оформлено, когда в 1883 году была основана группа «Освобождение Трудя». Основателями были Г. Плеханов (русский), П. Аксельрод (еврей) и Л. Дейч (еврей).

Группа быстро разрослась и, к началу 90-х годов, уже представляла собою многочисленное течение, в которое вошли, как русские, та и многочисленные евреи. Несколько позднее вошло немало грузин.

Среди пионеров этого нового в России движения было много евреев, впоследствии игравших крупную роль в общероссийском марксистском революционном движении: **Рязанов** (Д. Гольдендах), **Стеклов** (Ю. Нахамкес), **Кольцов** (Д. Гинзбург), **Мартов** (Ю. Цедербаум), **Дан** (Ф. Гурвич), **Мартынов** (А. Пикер), **Гриневич** (М. Коган) и немало других.

Большинство принимали русский псевдоним, как видно из вышеприведённого перечня.

Нарастание революционных настроений в начале текущего столетия усилило чрезвычайно приток новых революционных сил, среди которых бросалось в глаза большое количество евреев.

Но, кроме того, параллельно еврей-марксисты образовали и свою собственную, еврейскую марксистскую (социал-демократическую) партию — «**Бунд**».

По своим идеологическим установкам и программе, «Бунд» ничем не отличался от общероссийской социал-демократической партии выросшей из группы «Освобождение Трудя», но членами «Бунда» могли быть *только евреи*.

На это было обращено внимание правоверных марксистов, протестовавших против этого само-

ограничения внутри одной, по существу, партии. И притом, по признаку еврейства, т.е. расы и религии в то время, как марксизм стремился стереть и уничтожить именно эти различия в пролетариате.

Создававшиеся и оформлявшиеся тогда организации социал-демократов, естественно, создавались по признаку территориальному, собирая и объединяя всех, исповедовавших социал-демократическую (марксистскую) идеологию и программу, независимо от их расы, племени и религии.

В связи с созданием «Бунда», разгорелась ожесточённая полемика о недопустимости дробления по признаку расы и племени, единого пролетарского движения.

В процессе этой полемики, «бундовцы» выпустили даже особую брошюру (на русском языке), в которой оправдывали свою позицию, приводя следующие доводы:

«Вообще было бы большим заблуждением думать, что какая бы то ни было социалистическая партия может руководить освободительной борьбой пролетариата чуждой национальности, к которой она сама не принадлежит. Пролетариат каждой нации имеет свою, выработанную историей, психологию, свои традиции, привычки, наконец, свои национальные задачи.

Все эти условия отражаются на классовой борьбе пролетариата, определяют его программ-минимум, формы организации и т.д. С этим условием и особенностями нужно считаться, их нужно уметь использовать, а это возможно только для партии, выросшей из данного пролетариата, связанной с ним тысячами нитей, проникнутой его идеалами, понимающей его психологию. Для партии чуждого народа это невозможно».

Брошюра была напечатана в Лондоне, в марте 1903 года, то есть, до раскола социал-демократов на большевиков и меньшевиков.

Полемика закончилась полной и безоговорочной победой «Бунда», который не только продолжал существовать и развиваться, но и весьма активно вмешивался в жизнь и деятельность других социал-демократических организаций, не-еврейских, в частности, в деятельность «Российской Социал-Демократической Партии», как меньшевистской, так и большевистской её фракций.

Не только рядовые члены «Бунда», но даже и его лидеры считали для себя возможным и допустимым принимать самое активное участие в общероссийских социал-демократических организациях и не только, как рядовые члены, но и как члены ЦК, ревниво оберегая, в то же время, «чистоту» (в смысле еврейском) своего «Бунда» (евреи-выкресты в «Бунд» не допускались).

Явление это не осталось не замеченным. Но поднимать этот вопрос никто не смел. Психологическая атмосфера в революционных кругах того времени была такова, что сама постановка этого вопроса была бы квалифицирована, как «черносо-тенство» и «мракобесие», недопустимые среди передовых и интеллигентных людей.

И все, мирясь с этим явлением, которое, на одном из митингов в Киеве, было названо «двой-

ным социал-демократическим подданством», причём, было сказано, что и сам Карл Маркс, как выкрест, не смог бы быть даже рядовым членом «Бунда».

И евреи-«бундовцы» играли выдающуюся роль в «Российском социал-демократическом движении» до революции, во время революции и продолжают играть и поныне, в эмиграции.

Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть несколько номеров журнала «Социалистический Вестник», много десятилетий выходившего в эмиграции, или присутствовать на каком-либо собрании или докладе «Российской Социал-демократической Партии» (меньшевиков).

Не-евреев в этой партии и в составе её, так называемой, «Заграничной Делегации», можно перечесть по пальцам.

А на конгрессах II Интернационала, от имени «российских социал-демократов» тщётно и безнадежно будет искать делегата не-еврея.

«Бунд» и РСДП (м) настолько тесно переплелись, что нельзя установить, где кончается «Бунд» и где начинается РСДП (м).

Кроме двух основных течений русской дореволюционной общественной и политической жизни, имевших характер радикально-революционный, вышедших из кружков и групп второй половины прошлого столетия («народнических» — будущих Эсеров — и «марксистских» — будущих Эсдеков), в России существовали и течения оппозиционные, но не революционные.

Это были, разных оттенков, «либералы» и «демократы». Общее у них всех было оппозиционное отношение к внутренней политике Правительства и отрицание методов революционных для изменения этой политики.

«Либералами» называли и активных сотрудников Александра II при проведении им реформ первого двадцатилетия его царствования: освобождение крестьян, судебная реформа, введение земств, всеобщая воинская повинность.

«Либералами» называли и тех, кто стал в оппозицию по отношению к ограничительным мероприятиям Правительства в царствование преемников Александра II.

Дворяне-помещики, земские и городские деятели, в значительной степени, писатели и публицисты, профессура — тогда (до начала XX столетия) пополняли ряды «либералов».

Евреев в их рядах не было или почти не было, за немногими исключениями.

Но очень скоро, когда эти «либералы» организационно оформились, назвав себя «Конституционно-Демократической» партией (в 1905 году), туда хлынули евреи и заняли там ведущие позиции, особенно в органах печати партийных или партии симпатизирующих.

Основоположниками «Конституционно-Демократической Партии» (сокращенно — «Ка-Де» или «Кадетской») были либеральные земские деятели **И. Петрункевич**, **Ф. Родичев**, князь **Шаховский**, князь **Львов**, князь **Трубецкой**, все крупные помещи-

ки, а также, ряд выдающихся профессоров — **С. Муромцев, П. Милюков, Новгородцев** и др.

«Кадетов», с полным правом, называли самой культурной партией России.

Политический идеал «кадетской партии» была конституционная монархия, типа английской, где «король царствует, но не управляет», полное равноправие всех подданных государства, свобода печати, широкое местное самоуправление.

Словом, парламентаризм, как в Англии или во Франции, с министрами, ответственными перед парламентом и строгим разделением власти законодательной, судебной и исполнительной.

Эти политические требования «кадетов», по существу, были посягательством на прерогативы Монарха и ограничение его власти, а потому, в правящих кругах, отношение к «кадетам» было резко отрицательное, несмотря на то, что в рядах партии было много лиц титулованных, богатых помещиков и профессоров со всероссийскими именами.

Это отрицательное, в лучшем случае, настроенно-недоверчивое, отношение порождалось и усиливалось тем обстоятельством, что ряды «Кадетов» быстро наполнились евреями, в особенности, редакции их партийного органа «Речь» и идеологически близкой ежедневной газеты «Русские Ведомости», выходившей в Москве и считавшейся серьёзной, «профессорской газетой».

С самого возникновения «Конституционно-Демократической» партии, одним из её наиболее влиятельных лидеров стал **М. Винавер**; а **И. Гессен, Г. Слиозберг, Г. Иодлос, М. Мандельштам, М. Шефтель** заняли в партии места его ближайших сотрудников.

С мнением Винавера и его единоплеменников — членов партии, не только все считались, но нередко ему и подчинялись.

Среди членов редакции и постоянных сотрудников партийного органа «Речь» доминировали еврейские имена. Редактор — **И. Гессен**, член редакции — **М. Ганфман**; постоянные сотрудники — **А. Ланда, И. Эфрос, Л. Клячко, В. Ашкенази, А. Кулишер, С. Поляков-Литовцев...**

В «Русских Ведомостях» руководящее положение в редакции занимал **Г. Иоллос**, а среди постоянных сотрудников мы видим: **И. Левин, Н. Эфрос, Л. Слонимский, Г. Шрейдер, М. Лурье-Ларин, Ю. Энгель, П. Звездич**, а также, известного сиониста **В. Жаботинского**, который был заграничным корреспондентом этой газеты.

Аналогичное соотношение евреев и не-евреев было и в подавляющем большинстве областных и краевых крупных газет, обслуживающих население разных областей и частей в России.

Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, Киев, Саратов, даже отдалённые Иркутск и Ташкент имели бойкие газеты с многотысячным тиражом, находившиеся фактически в еврейских руках.

Издатели или редакторы, со значительным процентом постоянных сотрудников, были евреи.

Так, например, в Ташкенте крупнейшей газетой руководил еврей **Сморгунер**, в Саратове — **Авербах** (шурин известного коммуниста **Свердло-**

ва), «Киевская Мысль» была в руках еврея **Кугеля**, а сотрудничали в ней **Бронштейн-Троцкий, Д. Заславский-Гомункулус, А. Гинзбург-Наумов, М. Литваков-Лиров...**

В самой распространённой в предреволюционные годы в России газете «Русское Слово», которую издавал известный **Сытин**, секретарём был **А. Поляков**, до этого сотрудник «Одесских Новостей» и бойкой и ходкой в Петербурге газеты «Биржевые Ведомости»...

Сказанного выше достаточно, чтобы составить себе представление о степени проникновения евреев всех политических оттенков и направлений в русскую периодическую печать.

О значении периодической печати на создание и направление общественного мнения говорить не приходится.

Вряд ли нужно говорить и о том, что евреи журналисты и публицисты ко всякому явлению и событию подходили и его освещали, исходя, прежде всего, из положения, полезно и нужно это для евреев или, наоборот, для евреев это вредно опасно.

Согласно ставшей банальной фразе: «а, как нашим», разумея под «нашими» своих единоплеменников.

В результате, очень многое в жизни государства и народа в печати освещалось односторонне и тенденциозно: одно выпячивалось и подчёркивалось, другое смягчалось или замалчивалось.

Характерен, в этом отношении, уже упомянутый выше случай с кровавым подавлением беспорядков на Ленских Золотых приисках, всколыхнувших всю Россию и имевших отклики и в мировой печати.

Перечислялись убитые, раненные, арестованные рабочие. Только вскользь упоминалось о том, что были жертвы и на другой стороне — были и убитые и раненные среди полиции и войск. А часто об этих жертвах и вообще не упоминалось.

И тщётно было искать в газетах того времени правдивого освещения подлинных причин разыгравшихся событий: алчности и бесчеловечного отношения к справедливым требованиям рабочих, бессовестно эксплуатировавшихся миллионером Гинсбургом, владельцем приисков.

Стоявшее на страже правопорядка и защищавшее частную собственность Русское Правительство вынуждено было прибегнуть к крайним мерам, причём, в защите интересов еврея Гинсбурга пролилось немало русской крови.

Газеты того времени, которые не плыли в фарватере оппозиционно-революционных настроений и назывались «правыми», сообщая об этих событиях, по причинам понятным, не углублялись в рассмотрение вопроса, кто по племенной принадлежности был тот русский подданный, имущество которого защищалось.

В этом отношении, перед законом все были равны: капиталист-еврей и капиталист-не-еврей. Право собственности законом признавалось и безоговорочно защищалось и оберегалось, а нарушители — карались.

Следствием такого одностороннего освещения событий было создание оппозиционных или революционных настроений среди тех, кто «правой» прессы не читал, и усиление и подогревание антиправительственных течений среди тех, кто, и без того, был настроен соответствующим образом и априори относился недоверчиво и критически ко всему, что исходило не «слева», а от Правительства или печаталось в «правой» печати.

Здесь уместно будет напомнить, что, начиная с 1905 года, в России предварительной цензуры для газет и журналов не было.

Газета или журнал попадали к цензору уже после того, как были отпечатаны и если в них было что недопустимое, с точки зрения Правительства — против редактора предпринимались соответствующие меры: штраф, арест «ответственного редактора», запрещение выхода на некоторое время или даже закрытие газеты или журнала.

При таком порядке, была возможность издавать газеты и журналы не только резко оппозиционные, но даже направления «эсеровского» и «социал-демократического», как меньшевистские, так и большевистские.

Правда, редакторы часто подвергались разного рода взысканиям, штрафам или арестам, или и то и другое вместе...

Но всё же, выходили, а для «отсидки под арестом» всегда находилось лицо, которое фигурировало, как «ответственный редактор». Легко находились и деньги для уплаты штрафов.

В предреволюционные годы широкие круги русской общественности живо интересовались дебатами в Государственной Думе, где нередко проносились речи с резкой критикой действий органов власти.

Стенографические отчёты были слишком длинные, чтобы их печатать в газетах полностью, а потому обычно печаталось содержание тех или иных речей и выступлений в изложении, присутствовавших на заседаниях журналистов — представителей газет.

Как изложить и «подать» читателю — это зависело от корреспондента. И на этой почве нередко возникали конфликты.

Однажды, в 1908 году один из членов Государственной Думы, в ответ на выступление оппозиции, требовавшей большей свободы для печати и утверждавшей, что всё осведомление России и всего мира проходит через цензуру, сказал:

«Да, но, к сожалению, не через цензуру Правительства, а через цензуру «черты оседлости»... И указал рукой на ложу журналистов, в которой сидели представители газет, получавшие доступ в ложу, на основании карточек, выдававшихся редакциями, в которых не проставлялось имя, отчество и фамилия представителя.

В связи, с этим выступлением, были проверены паспорта (а не только карточки от редакций), в которых, как известно, в то время, не было графы «национальность» или «народность», но зато, были полностью обозначены имя, отчество, фамилия и

вероисповедание владельцев.

При проверке выяснилось, что подавляющее большинство лиц, сидевших в ложе журналистов, в качестве «корреспондентов» разных газет России, были евреи.

Не-евреев было всего несколько человек. А 25 русских журналистов были «иудейского вероисповедания», т.е. евреи.

Евреем был и директор бюро печати (частного) при Гос. Думе, **Зайцев-Бернштейн**.⁸

Такова была картина (в самых общих чертах) участия евреев в русской периодической печати, игравшей огромную роль в деле пропаганды.

Евреи в русской литературе и критике

Участие евреев в русской литературе до самой революции было минимальным. И не потому, что авторов евреев не печатали или были какие-либо специальные на этот счёт ограничения со стороны Правительства, или читатели относились предубеждённо-отрицательно к евреям-авторам.

Скорее наоборот. К произведениям очень многих евреев, писавших по-русски, отношение было предупредительно-снисходительное, хотя их произведения и были более, чем посредственны.

Ни среди русских классиков 19 и начала 20 столетия, ни среди писателей второразрядных, если можно так выразиться, евреев мы не видим.

Только среди третьеразрядных, не оставивших заметного следа в русской литературе мы встречаем несколько евреев, как например, Семен Юшкевич, Шолом-Алейхем, Бялика, Черниковского, Раггауза, Брейтмана.

Русская стихия была им чужда и непонятна, а потому они ограничивались беллетристическими или поэтическими произведениями почти исключительно на еврейские темы и из еврейского быта.

При этом, чуть не за личное оскорбление или «антисемитизм и черносотенство» принимали критику, исходящую от русских, даже критику весьма мягкую и доброжелательную. Хотя, сами и стремились выступать на русских литературных собраниях и на страницах русской печати.

Совсем иначе обстояло дело в области литературной критики, рецензий, «отзывов печати».

Здесь, почти безраздельно, господствовали и создавали мнение широкого круга читателей журналисты-евреи, которые не могли отрешиться от своего, специфически еврейского подхода при оценке произведений русских авторов.

Только такие крупные знатоки литературы, как **Венгеров, Айхенвальд, Гершензон** — все три еврея — были выше чисто субъективных еврейских эмоций и своими литературно-критическими работами внесли ценный вклад в эту область русской культурной жизни.

Подавляющее же большинство писавших ре-

⁸ Полный список этих русских журналистов — в Приложении.

цензии, как литературные, так и театральные, синхронизировали свои рецензии с существующим мнением в кругах «передовой общественности». Как о личности автора, так и о теме произведения, равно, как и о «чистоте риз» автора в смысле реакционности...

Вопрос о том, кто написал или где раньше печатался автор не только влиял, но и предопределял успех или неуспех литературного произведения.

Русские литераторы это отчётливо сознавали и учитывали при выборе тем и обрисовке отдельных персонажей.

Это и была «невидимая и негласная предварительная цензура», не считаться с которой было трудно, если кто желал, чтобы его произведения доходили до читателя.

Достаточно было, чтобы автор напечатал своё произведение в одном из органов печати, которые считались «реакционными», как для него автоматически закрывались возможности печататься во всех остальных газетах и журналах России, слывших «демократическими», «передовыми и Прогрессивными».

А таковых в России было гораздо больше и тираж их во много раз превосходил тираж «правой» прессы.

Может быть именно в этом надо искать объяснение того явления, что в беллетристических русских произведениях последней четверти века, перед революцией 17-го года, так редко можно встретить «положительного героя» среди лиц непрогрессивных, консервативных, патриотически (в лучшем смысле этого слова) настроенных.

Безукоризненно честного полицейского или идейно борющегося с антипатриотическими и антигосударственными течениями Государственного чиновника в русской беллетристике того времени вы не встретите.

А ведь, в жизни были же таковые. И не так уже мало. Немало их заплатило своей жизнью за верность долгу и данной ими присяге...

Для каждой профессии, класса, должности, общественной группы существовали некие трафареты, твёрдо установившиеся, переступать которые и пренебрегать ими не рекомендовалось, если автор хотел, чтобы его произведения печатались.

Не углубляясь в этот вопрос и не расширяя его, взглянем только на то, как в русской литературе, которая, как всякая литература, должна «отражать жизнь», отображён «еврейский вопрос», и отдельные персонажи-евреи.

Еврея — типа отрицательного, аморального, с точки зрения общечеловеческой, Шейлока или просто мошенника, в русской беллетристике того времени мы будем искать тщётно...

А что, таковые были среди шестимиллионной массы русского еврейства — вряд ли об этом надо говорить при серьёзном и объективном изучении этого вопроса.

Не результат ли это той «невидимой и незримой цензуры», которая тяготела над русской литературой последние четверть века в дореволюцион-

ной России?..

«Цензура» эта оказывала своё влияние не только в настоящем, но и распространялась на прошлое, давая оценку крупным русским писателям уже давно умершим, зачисляя их в «юдофобы» (термина «антисемит» тогда не существовало).

Гоголь, Писемский, Достоевский, Лесков не были на «хорошем счету» у тех, кто выносил суждение о русской литературе.

Ведь, Гоголь дал правдивый тип **Янкеля** (в «Тарасе Бульбе») и описание еврейского погрома.

Писемский в «Взбалмученном Море» дал яркий образ откупщика — еврея **Галкина** (который «старательно и точно крестился») и его сыновей.

Достоевский провидел роль евреев в России и вызвал этим ненависть всего еврейства.

Лесков дал положительные типы русского духовенства.

Лев Толстой тоже дал образ разжившегося еврея-подрядчика в своём романе «Анна Каренина»: известного московского миллионера Полякова, назвавши его **«Болгариновым»**.

Меценат, в лучшем смысле этого слова, большой барин, с безукоризненными манерами, Болгаринов принимает Стиву Облонского, приехавшего к нему просить место.

И ни чёрточки отрицательной черты читатель не найдёт в «джентльмене» Болгаринове, но зато, роль Облонского и его разговор с Болгариновым вряд ли кто сочтёт особенно привлекательной и вызывающей уважение к представителю русской родовой знати...

Евреи — русские адвокаты

Судебная реформа императора Александра II вызвала к жизни создание русской адвокатуры, как свободной профессии.

Адвокат — «Присяжный Поверенный» — законом был поставлен в положение совершенно независимое от органов власти исполнительной, что давало ему возможность, действуя, конечно, в рамках закона, вносить немало коррективов в судопроизводство, блюдя за тем, чтобы русский суд был действительно «скорый, правый и милостивый».

Произносимые в судах речи присяжных поверенных, в силу Высочайшего Указа Правительствующему Сенату, не подлежали никаким цензурным ограничениям (даже во времена существования предварительной цензуры), что давало возможность печатать их полностью во всей повременной печати, даже в тех случаях, когда в речах присяжных поверенных были мысли и слова, которые не могли бы быть напечатаны, если бы они не были произнесены в суде.

Этим преимуществом оппозиционно настроенные адвокаты нередко и пользовались, внося в свои речи элементы критики существующего порядка и социального строя.

С другой стороны, адвокат сам договаривался с клиентом о высоте гонорара, а клиент выбирал адвоката по своему усмотрению. Выбирал того, ко-

го он считал наиболее ловким и способным для защиты его интересов.

Интересы же лица, которое обращалось к адвокату, далеко не всегда были в соответствии с нормами закона и морали.

Новосозданная в России независимая адвокатская профессия открыла широкие возможности для лиц с юридическим образованием, каковое требовалось для зачисления в адвокатуру, в которой возможности для преуспеяния в жизни были ничуть не меньше, если не больше, чем на государственной службе.

И в адвокатуру устремились молодые образованные юристы, независимо от вероисповедания, племени, происхождения.

Ни для кого никаких ограничений в этом отношении первые два с лишним десятилетия существования присяжной адвокатуры не было.

Идеалистически настроенная молодёжь шестидесятых и семидесятых годов составила первые кадры русских адвокатов и положила основы той высокой морали, которая была характерна для всего русского суда, как судей и прокуратуры, так и для адвокатуры.

Евреи не составляли исключения. Ведь, это были десятилетия, в которые, среди образованных евреев господствовали ассимиляционные настроения; своё и всего еврейства будущее они не отделяли от будущего России. А конфликт начала 80-х годов ещё не наступил.

Свободная профессия адвоката — в известной степени, профессия посредника между двумя сторонами. И очень часто от ловкого и умелого посредника зависело то или иное решение суда.

Посредничество же, два тысячелетия было основным занятием евреев, дававшим им средства к существованию.

И в этой области они достигли высокого совершенства, почувствовали себя в родной стихии и устремились в адвокатуру, предпочитая её государственной службе, к поступлению на которую, тогда не было для евреев никаких препятствий.

Как пример, можно привести совершенно добровольный отказ от государственной службы и переход в адвокатуру прокурора Одесского окружного суда еврея **А. Пассовера**, имевший место в 1872 году, т.е., задолго до того, когда появились ограничения для евреев при поступлении на государственную службу.

Пассовер не был исключением. Немало евреев, поступивших на государственную службу, поступили так же.

Зная всё это, вряд ли можно безоговорочно согласиться с распространённым мнением, что юристов-евреев толкнули в адвокатуру ограничительные мероприятия русского правительства, наступившие, напомним, только в третьем десятилетии после реформы 1864 года.

Кроме этих мотивов (отрицать их нельзя), были и побуждения другого порядка, как идеалистические, так и материалистические: возможность, с позиций свободного адвоката, принимать участие и

влиять в вопросах политических и общественных; возможность лучше устроить свою жизнь в смысле заработка, чем пребывая на государственной службе.

Было и ещё два мотива, которые влияли на евреев-юристов, побуждая их предпочитать адвокатуру государственной службе. О них не говорилось и не писалось, но что они существовали, вряд ли можно отрицать.

Для еврея, воспитанного в бытовых условиях еврейской среды, с соблюдением всех многочисленных и сложных обрядов еврейской религии, нелегко было психологически в среде русской, православной, каковой была среда русского чиновничества.

Нелегко было и, будучи правоверным евреем, активно принимать участие в обрядовой стороне русского суда, каковая была неразрывно связана с христианством.

Кроме того, выросшие, в подавляющем большинстве, в черте оседлости и хорошо знавшие настроения широких масс населения по отношению к евреям, молодые юристы, при выборе своей карьеры, не могли не учитывать и эти настроения.

Должного авторитета и уважения в тёмных тогда массах полуграмотного населения, полного предрассудков и предубеждений к тем, кто, по их понятиям, являются «врагами господ нашего Иисуса Христа», они, как евреи, приобрести не могли, даже в мундире Министерства Юстиции.

Невысказанно, в душе, они это сознавали и делали отсюда соответствующие выводы.

Всё это, вместе взятое и толкало евреев в адвокатуру, ряды которой всё больше и больше наполнялись евреями.

Войдя в адвокатуру они, понятно, не перестали быть евреями и сохранили тот «внутренний облик», который отличает их от всех других народов, что не осталось незамеченным их коллегами не-евреями, хотя, как уже сказано выше, поднимать этот вопрос в адвокатской среде считалось неэтичным, оскорблением тех высоких принципов, которые были священны для русской интеллигенции и легли в основу Судебной Реформы.

И когда, в 80-х годах, начался период разных ограничительных, по отношению к евреям, мероприятий правительства, выразившихся, в частности, в установлении процентной нормы для адвокатов-евреев, большинство русской адвокатуры отнеслось к этим мероприятиям определённо отрицательно.

Такую же позицию заняло и подавляющее большинство русской общественности и печати.

Но, тем не менее, процентная норма для адвокатов была введена: **15%** для адвокатов Варшавского, Киевского и Одесского судебных округов; **10%** — для округов Петербургского и Московского и **5%** — для всех остальных округов Российской Империи.

Ограничения эти касались только лиц **иудейского вероисповедания** и не распространялись на евреев любого из христианских вероисповеданий.

Это побудило немало евреев, относившихся

индифферентно к вопросу религии, перейти в одну из христианских религий и тем сразу приобрести те права, в которых они были ограничены, пока оставались в иудейской религии.

Норма была введена на основании доклада министра **Манасеина**, утверждённого Государем, и считалась «временной», впредь до выработки и утверждения соответствующего закона.

Выработка постоянного закона о евреях в адвокатуре была поручена особой комиссии, состоявшей из сенаторов, судей, профессоров и представителей адвокатуры.

Комиссия эта работала очень долго (с 1894 до 1904 года) и всесторонне изучала и обсуждала этот нелёгкий вопрос. Выработанный комиссией законопроект только в 1904 году был представлен Государственному Совету на утверждение, но так и не был утверждён в связи с настроениями кануна первой русской революции.

И вопрос о проценте евреев в адвокатуре, до самого 1917 года, решался на основании, упомянутых выше, «временных правил».

Вопрос этот действительно был нелёгкий. И мнения отдельных членов комиссии были весьма различны: одни были против какой бы то ни было процентной нормы вообще; другие — за полное запрещение евреям быть в числе Присяжных поверенных в русских судах; третьи, наконец, ставили под вопрос целесообразность и логичность, при установлении нормы, руководствоваться только и исключительно иудейским вероисповеданием.

К числу последних принадлежал и известный адвокат **Ф.Н. Плевако**, который при вынесении комиссией законопроекта, остался при особом мнении, каковое он и изложил письменно.

Ограничения, основанные на религиозном признаке, по мнению Плевако, не могут быть признаны удовлетворительными, ибо нравственно неустойчивые люди могут обойти эти ограничения, путём крещения.

Евреи не могут обладать нравственными качествами, присущими русскому народу, и не могут быть носителями русского правосознания.

Для принятия в сословие присяжных поверенных некоторых разрядов лиц, должно служить не вероисповедное начало, а начало национальности, принадлежности к известному народу или племени.

Поэтому, писал Плевако, уж лучше увеличить процент евреев-нехристиан, до 15 и даже 20%, но не открывать доступа в адвокатуру крещёным евреям.

Точка зрения Плевако не была одобрена большинством членов комиссии. И, до самой революции 1917 года, в России существовали некоторые ограничения только для евреев иудейского вероисповедания и не распространялись на евреев крещённых.

Таково было, в самых общих чертах, положение евреев-присяжных поверенных при русских судах.

Но, кроме «присяжных поверенных», существовал ещё и институт «помощников присяжных

поверенных» — юристов, работающих при одном из полноправных присяжных поверенных.

Число их было неограниченно и множество евреев, обходя некоторые ограничения, заполняли собою их ряды, фактически ряды русской адвокатуры.

Участие, значение и влияние евреев в русской адвокатуре было огромно и непрестанно росло, несмотря на все ограничения.

Русское еврейство в начале XX века

К началу текущего столетия русское еврейство представляло собою тесно сплочённую шестимиллионную массу, в которой, несмотря на все социальные расслоения, все были единодушны и единомысленны, как в вопросе взаимной поддержки, так и в отрицательном отношении к режиму, не желавшему отменить существующие ограничения для лиц иудейского вероисповедания.

Составляя всего **меньше 4%** населения России, евреи, несмотря на процентную норму, имели **больше 12%** среди русских подданных, имеющих высшее образование, что давало им возможность принимать активное участие в культурной жизни страны и оказывать значительное влияние на настроения широких масс, в особенности, на настроения интеллигенции и молодёжи.

Газетное дело, критика, адвокатура, в значительной степени, литература находились под сильным влиянием еврейства и, естественно, не могли не отражать настроений еврейства в целом к режиму.

И когда, в начале девятисотых годов, стали расти и крепнуть революционные и резко оппозиционные, по отношению к правительству, настроения, евреи не только отнеслись к ним сочувственно, но и приняли в них живейшее участие, всплывши сразу на гребень событий.

Для правительства эти настроения и нарочитая активность евреев не осталась незамеченной, и оно начало проявлять тенденции к дальнейшему расширению ограничительных для евреев мероприятий, что только усугубляло в евреях отрицательное к режиму настроение.

Кишинёвский погром, неудачная японская война, наступившая террористическая деятельность, в которой евреи принимали немалое участие — всё это, вместе взятое, накаляло страсти и создавало предпосылки для крупных революционных событий, которые и наступили в 1904-1906 годах.

Русское еврейство всемерно помогало тем, кто боролся против режима. Одни — активно, другие — прикрито, оказывая антиправительственному движению моральную и материальную поддержку и надлежащим образом освещая эти события в печати, как русской, так и мировой.

К этому времени в США уже было больше миллиона эмигрировавших из России евреев, многие из которых принимали активное участие в политической жизни Америки, в особенности, в её повременной печати, поддерживая, в то же время, самые тесные связи со своими единоплеменниками

в России и, разумеется, освещали многие события, с точки зрения евреев, оставшихся в России.

Со странами Европы, где на положении политических эмигрантов пребывало немало революционеров из России, с огромным процентом евреев в своих рядах, поддерживалась регулярная и оживлённая связь при посредстве евреев, проживавших в приграничных районах и умело переправлявших через границу в Европу людей, а из Европы в Россию нелегальную пропагандную литературу.

Правительство вело с этим явлением борьбу, но без особого успеха. Слишком уж многочисленны и разнообразны были каналы и пути для этой нелегальной связи с границей.

Лица же, осуществлявшие эту связь, были почти исключительно евреи.

Внутри же страны, во всех оппозиционных и революционных группах, кружках, организациях и партиях евреи играли огромную роль, входя в комитеты и центральные органы, в качестве организаторов (реже исполнителей), или инициаторов разного рода политических выступлений, до террористических актов включительно.

Всем известна долголетняя деятельность **Евно Азефа**, организатора многих крупных террористических актов.

Михаил Гоц, Бронштейн-Троцкий, Нахамкес-Стеклов, Герценштейн, Гершуни, три Цедербаума и множество других евреев заполняли собою «штабы революции» и направляли деятельность противников правительства, как оппозиционеров, так и революционеров.

И не удивительно, что широкие массы России, наблюдая всё это, очень часто приходили к отождествлению слова «еврей» (или «жид») со словом «революционер» или «бунтарь».

Одно стало в глазах некультурных масс замечаться другим, что порождало резкие антиеврейские настроения и создавало предпосылки для **«еврейских беспорядков»**, как называли, в своё время, народолюбцы то, что позже стало называться **«погромами»**.

Подсознательно, в глубинах народа, предки которого, ценой невероятных жертв, создали и отстояли от врагов Россию, начал нарастать протест против тех пришельцев, которые так легко и свободно распоряжаются судьбами их родины, относятся пренебрежительно ко многому тому, что для народа было свято, что было неразрывно связано с самим понятием **«Россия-Отечество-Родина»**.

Отрицать наличие и нарастание этих настроений вряд ли возможно, особенно теперь, после 1917 года, когда в бурные годы революции настроения эти вылились в кровавые погромы, совершаемые частями Красной Армии, которой командовал еврей **Бронштейн-Троцкий** (Глухов, Новгород-Северск, в 1918 году).

Или погромы, производившиеся петлюровцами, в составе правительства которых находился украинский министр — киевский еврей **Марголин**.

Или Махно, одним из ближайших сотрудников которого, при организации движения, был еврей

Аршинев.

Или, наконец, проявления того «антисемитизма» в Советском Союзе, о котором написано немало книг евреями, как коммунистами (**Ларин**), так и не-коммунистами (**Шварц** и др.)

Настроения эти подспудно существовали и в первые годы нынешнего века и ими воспользовались безответственные элементы, в результате чего, в годы первой революции и ей непосредственно предшествовавшие, в России произошёл ряд еврейских погромов, из которых наиболее известен погром в Кишинёве в 1903 году, во время которого были человеческие жертвы (49 убитых).

Кишинёвский погром вызвал бурю негодования не только в России, но и во всём мире, и ещё больше озлобил евреев, по убеждению которых, погром был организован по «приказу» правительства, что подхватила и вся мировая печать.

Существовал ли в действительности «приказ» организовать погром в Кишинёве, в этом позволительно усомниться.

Нигде и никогда никаких доказательств, что такой или подобный «приказ» был издан министром Плеве не обнаружено. Ни до 1917 года, ни после, когда все архивы Министерства Внутренних Дел оказались в руках руководителей революции.

При объективном изучении всего, что было напечатано в связи с погромом в Кишинёве (а напечатано было очень много), можно разве поставить в вину правительству, что оно не смогло молниеносно бросить полицию и войска для прекращения погрома, а сделало это только через два дня, разогнавши громил и произведя многочисленные аресты.

Назвать это промедление «приказом» — значит сознательно исказить действительность.

Ведь, никто же не обвиняет в погромах **Керенского** и **Троцкого**, хотя, во время их командования всеми вооружёнными силами страны произошли погромы несоизмеримо большие, чем Кишинёвский, со множеством человеческих жертв и массовым избиением евреев в Калуше и Тарнополе, в 1917 году; Глухове и Новгород-Северске, в 1918 году.

Что организовать погром путём «приказа», без наличия соответствующих настроений масс, не только трудно, но даже и невозможно — вряд ли надо доказывать.

В этих случаях, власть можно обвинять только в недостаточно энергичном и быстром прекращении погромов. И тут бы пришлось отвечать вместе и Плеве, и Керенскому, и Троцкому, и украинскому министру Марголину, если бы было доказано, что они могли сразу же прекратить погромы.

Два года спустя, в октябре 1905 года, произошёл погром в Одессе, в результате которого, было немало человеческих жертв, как евреев, так и полиции и солдат, усмиравших погромщиков.

На этот раз, хорошо действовала еврейская боевая организация, созданная партией **«Поалей-Цион»**, которая, после погрома, послала в Одессу своего представителя, отчёт которого, озаглавлен-

ный «Одесский погром и самооборона» издан отдельной брошюрой (94 стр.) в Париже в 1906 году. Издатель — «Западный центральный комитет самообороны Поалей-Цион».

Представитель (имя его не упоминается), прежде всего, даёт характеристики Градоначальника Одессы **Нейгардта**, Обер-полицмейстера ген. **Валья** и казённого раввина Одессы **Крепса**, в следующих словах:

«Нейгардт — это русский чиновник, русский палач, провокатор, чиновный негодяй, но все это — в некоем европеизированном вкусе».

Ген. Валь — «имел шершавый и зловещий вид, любил топтать ногами, непечатно ругаться, рычать зверем; одно слово, был палач откровенный и безыскусственный».

Казённый раввин Крепе. «В одесском раввинате долго царствовал, вопреки общему желанию известный негодяй — Крепе».

Дальше в брошюре описывается, как создавалась и вооружалась самооборона: «был выделен особый комитет вооружения, который покупал оружие; сформированы пятнадцать отрядов из студенчества, каждый отряд обозначался номером».

К началу погрома, в университете было 200 револьверов. Назавтра, в среду, один профессор, очень brave человек, достал ещё 150 револьверов... «В среду много оружия было роздано в одной сионистской синагоге»...

На предыдущей странице (51) той же брошюры мы читаем:

«На громадных митингах в Университете революционными организациями устраивались сборы денег на покупку оружия, конечно, не только для обороны, но и на случай вооружённого восстания»...

Признание самим представителем «Поалей-Цион», напечатанное в брошюре, изданной этой организацией, что целью всех вооружений была не только самооборона, но и «вооружённое восстание», заслуживает особого внимания и свидетельствует о том, что деятельность еврейской самообороны далеко выходила за рамки подлинной самообороны, а ставила себе задачи куда более широкие: свержение существующего порядка, путём **вооружённого восстания**.

А раздача оружия в одной из сионистских синагог придавала всем «беспорядкам» или «погрому» в Одессе характер несколько иной, чем нормальная и оправданная самозащита граждан в случаях, когда органы власти на местах не в состоянии водворить порядок и защитить жизнь и имущество мирных граждан.

Зная всё вышеизложенное, не приходится удивляться, что Одесский погром, по числу жертв (убитых), далеко превзошёл погром в Кишинёве.

Три дня в Одессе шла настоящая война, не только с убитыми и ранеными, но и с многочисленными «пленными». По газетным сведениям того времени в «плен» к повстанцам попало от 800 до 900 их противников, каковые приводились в университет, где был главный штаб повстанцев — «са-

мооборонцев».

По данным представителя «Поалей-Цион», число «пленных» в действительности было в десять раз меньше и не превышало 80-90.

Там же, в университете, повстанцы проверяли, нет ли среди лиц, заполнивших университет, провокаторов и, как выражается представитель, устанавливали «самоличность» проверяемых.

Не только проверяли, но и обыскивали отряды еврейской «самообороны» и «проходящих неевреев» (на улицах Одессы).

Вот как описывается в брошюре эта проверка и её результаты: «Идёт по улице человек в полушубке с узелком в красном платочке; стали мы развязывать узелок и нашли в нём револьвер, как у городских».

Кто? Откуда?... Не отвечает ни слова, только к стенке прижался и глазами поводит во все стороны... Никогда не забуду выражение этих глаз...

Вдруг подлетает один человек и говорит: Да ведь это — городской... У нас на посту стоит... Ведь там стоишь?... Да?... — Ничего не отвечает; сам красный такой и толстый... — А! Провокатор! Переоделся, наших губить пришёл!..

Я выстрелил в него, ранил в живот, но не убил. И стали добивать его палками, секачками... Я засунул его в какую-то дверь: жалко было и гадко смотреть, как его добивали. За дверью он скончался».

Около **500** человеческих жизней — таков результат Одесского погрома.

С полной достоверностью установить и это число, и то, сколько было евреев, а сколько неевреев, вряд ли возможно. По еврейским данным, евреев убито 302. А неевреев, по данным правительства, — свыше 200.

О числе погибших неевреев брошюра говорит так: «Громил убито много. Никто их не считал и не интересовался узнать точное число их; во всяком случае, как уверяют, их — не менее сотни»...

Подсчёт и определение, кто убитый, затруднялся тем обстоятельством, что подобранные трупы, в большинстве, свозились в места, находившиеся во власти правительственных сил, которые не занимались исследованием, есть ли убитый еврей или нееврей.

На этой почве были впоследствии пререкания и обвинения полиции в «краже еврейских трупов», каковые должны были быть погребены на еврейском кладбище.

Несомненно одно, что среди убитых «оборонцев»-повстанцев были не только евреи, но и немало христиан, принявших активное участие в борьбе с погромщиками.

Причину погрома представитель «Поалей-Цион» видит в «антисемитизме масс», а объясняет этот «антисемитизм» обоюдным «пренебрежительным-презрительным» отношением между евреями и неевреями там, где бок о бок живут одни и другие.

Христиане, говорит брошюра, пугают детей словами: «тебя жид в торбу возьмёт». А евреи

своих детей пугают: *«тебя гой в торбу возьмёт»...*

Понятно, что, при наличии таких настроений, малейшая искра может вызвать взрыв и «пренебрежительно-презрительное» отношение превратить в активно-погромное.

Что же было той искрой, которая вызвала погром в Одессе и в других местах в бурные месяцы первой русской революции?

Объяснение «приказом» или «распоряжением» русского правительства, как уже указано выше, не выдерживает серьёзной критики, ибо, без соответствующих настроений широких масс, поднять эти массы «приказом» вряд ли было возможно.

Провокация со стороны органов власти, как часто объясняют погромы?

Представитель «Поалей-Цион» на этот вопрос отвечает так: «Я ездил в Одессу именно затем, чтобы найти чисто провокаторский погром, но — увы! — не обрёл его»...

И продолжает: «Сказку про хулиганов (если не понимать это слово этически) выдумали слабоумные еврейские болтуны, которым страшно в глаза правде посмотреть, и хитроумные либералы, которым желательно от страшного вопроса отделаться дешёвой резолюцией»...

Кроме теории «приказа» и «провокации» в попытках объяснений, что послужило «искрой» для взрыва, существует и ещё одна версия-объяснение: бросающаяся в глаза активность евреев во всякого рода выступлениях и демонстрациях, направленных против правительства и существующего порядка; причём, эти все демонстрации, как правило, сопровождалась выкриками и лозунгами явно оскорбительного и кощунственного характера против того, что в широких массах, в народном сознании, было почитаемо и уважаемо.

Истошные выкрики: «Долой Николашку!... — Долой попов!»... на митингах и демонстрациях, руководимых и вдохновляемых «революционерами» с непомерно большим процентом евреев, не могли не вызвать ответной реакции, острей которой направлялось против всех евреев вообще.

Утверждение о роли евреев в революционных событиях того времени, каковые нередко выливались (или вызывали) в еврейские погромы, подтверждается хотя бы составом того «Коалиционного совета», который в Одессе, захвативши здание университета, руководил «обороной» и собирал средства и оружие «на случай вооружённого восстания».

«Коалиционный совет» состоял из 8 членов: два представителя от социал-демократов (по одному от меньшевиков и от большевиков); один от «Бунда»; один от «С.-С.» (социалистов-сионистов); один от С.-Р.; один от армян-дашнаков; один от грузинского землячества и один от поляков.

Оба представителя соц.-демокр. и один с.-р. — были евреи.

Русского или украинца не было ни одного. (Последнее оспаривается, но никогда и нигде, насколько удалось установить, имена и народность этих трёх членов «Коалиционного совета» приведены не были).

В Киеве, примерно в те же дни, толпа демонстрантов, под предводительством двух евреев-адвокатов, **Шлихтера** и **Ратнера**, захватила здание Городской Думы, поломала и разорвала царские портреты, государственный герб и начала организовывать «народную милицию», для чего там же, в Городской Думе, производили сбор средств и оружия.

Шлихтер прибыл на митинг верхом на коне, сопровождаемый толпой с красными повязками, бантами и флагами. Из толпы непрерывно неслись выкрики полные оскорблений по адресу царя, правительства, войск, полиции, религии. (Впоследствии, в 1928 году, Шлихтер был комиссаром земледелия Украины).

В Петербурге, в то время, был организован «Совет Рабочих Депутатов». Председателем был русский-украинец Хрусталёв-Носарь, а товарищем председателя — еврей Бронштейн-Троцкий.

По предложению Троцкого, в отсутствие председателя Хрусталёва (который, в этот момент, уже был арестован), была принята резолюция о вооружённом восстании.

Призыв же к вооружённому восстанию или участие в нём, влекли за собою самое тяжёлое наказание — до смертной казни включительно.

Хрусталёв это понимал и, не желая подвергать такому риску участников Совета Рабочих Депутатов, был против такой резолюции.

Знал и понимал это и Троцкий. Но, несмотря на это, воспользовавшись отсутствием председателя, провёл резолюцию о вооружённом восстании, что стоило жизни немалому числу тех, кто голосовал за предложение Троцкого⁹.

* * *

Подобных примеров активности евреев в русском революционном движении можно привести множество. Но и приведённого выше достаточно, чтобы можно было судить о причинах и поводах погромов в России.

То обстоятельство, что во всём мире существует мнение о России и русском народе, как о стране и народе постоянных погромов и систематического угнетения и преследования евреев, вызывает необходимость, хоть в самых кратких чертах, дать справку о пребывании евреев вне России и взаимоотношениях их с теми народами, на территории которых они жили в рассеянии.

Объём настоящего труда не позволяет подробно перечислить все конфликты евреев с народами, среди которых они жили в рассеянии, а потому, приведём здесь только перечень погромов, зарегистрированных еврейскими историками.

Самый крупный по числу жертв был погром в Александрии, в 68 году после Р.Х., во время которого, погибло 56 000 евреев. Произошёл он в то

⁹ Впоследствии, во время 1-й мировой войны, Хрусталёв добровольно явился в Россию, изъявивши желание принять участие в «обороне Родины». Троцкий же, просидел это время в США и отправился в Россию уже после переворота 1917 года.

время, когда христианство только зарождалось и было религией не господствующей, а гонимой и преследуемой.

Следующие погромы были:

- в 387 г. в Риме
- в 516 г. в Клермоне
- в 519 г. в Равенне
- в 1013 г. в Кордове
- в 1096 г. в Вормсе, Майнце
- в 1108 г. в Толедо
- в 1146 г. в городах Германии
- в 1171 г. в Блуа
- в 1189 г. в Лондоне
- в 1212 г. в Толедо
- в 1235 г. в Фульде
- в 1236 г. в Анжу и Пуату
- в 1262 г. в Лондоне
- в 1265 г. в Кобленце
- в 1283 г. в Майнце
- в 1285 г. в Мюнхене
- в 1287 г. все евреи Англии в тюрьме,
- в 1292 г. в Кольмаре
- в 1301 г. в Магдебурге
- в 1328 г. в Наварре
- в 1336 г. в Ротенбурге и др. гор.
- в 1349 г. в Савойе, Швейцарии
- в 1351 г. в Кенигсберге
- в 1355 г. в Толедо
- в 1380 г. в Париже
- в 1391 г. в Барселоне, Толедо
- в 1407 г. в Кракове
- в 1411 г. массовые погромы в Испании
- в 1421 г. в Вене
- в 1449 г. в Лиссабоне
- в 1464 г. в Кракове
- в 1467 г. в Толедо и Нюрнберге
- в 1469 г. в Познани
- в 1447 г. в Кольмаре
- в 1486 г. в Толедо (1640 жертв)
- в 1494 г. в Неаполе
- в 1506 г. в Лиссабоне (2.000 жертв)
- в 1592 г. в Вильно
- в 1614 г. в Франкфурте
- в 1658 г. резня в
- в 1680 г. в Мадриде (118 жертв)
- в 1686 г. в Будапеште
- в 1716 г. в Познани
- в 1761 г. в Йемене

Выше перечислены только погромы. Кроме них, гораздо больше зарегистрировано «изгнаний», «выселений» и разного рода запрещений и ограничений, а также, распоряжений, чтобы евреи имели на себе отличительный знак или носили особой формы остроконечные шапки.

Всё это происходило не в России нисходило не от русского народа, а от итальянцев, испанцев, немцев, англичан, поляков, венгров, арабов, фран-

цузов, и т.д.

Не следует ли отсюда сделать вывод, который сделал Соломон Лурье, профессор русского высшего учебного заведения, сказавший в своей книге, вышедшей в 1922 году в Петрограде следующее:

«Причину антисемитизма следует искать в самих евреях. Это ясно для большинства учёных; но, так как антисемитизм до сих пор остаётся злобой дня, боевым вопросом, то вполне естественно, что такое объяснение антисемитизма получает оценочный привкус: учёные не довольствуются констатированием того, что евреи, в тех или иных отношениях, разнятся от всего остального древнего мира, но ещё находят нужным объяснять антисемитизм тем, что евреи — либо много хуже, либо много лучше своих соседей»

(Приведённые выше слова проф. Лурье относятся к дохристианскому периоду. Но если из всей цитаты вычеркнуть одно слово «древнего», то всё сказанное можно отнести и к настоящему времени).

Объяснить простой случайностью тот факт, что всюду, где появляются евреи, вместе с ними появляются и проявления «юдофобии» или (как теперь не совсем точно говорят) «антисемитизма» — вряд ли возможно.

Русский народ и созданное им государство — Россия не являются исключением.

Как изжить это явление более чем двухтысячелетней давности, выходит за рамки настоящего труда, который, как показывает самое название, ограничивается только очерком жизни евреев в России и в СССР.

Россия же — да будет позволено обратить внимание читателя ещё раз — была первым государством, в котором **законодатель, по собственной инициативе**, провозгласил полную десегрегацию в учебных заведениях (в 1804 г.), надеясь этим путём безболезненно осуществить ассимиляцию евреев с коренным населением.

Надежда эта не оправдалась. И через 82 года, в 1887 году, появились ограничительные меры правительства и была введена в учебных заведениях процентная норма, о чём более подробно сказано в предыдущем изложении.

Красной нитью через всю историю человечества проходит **«взаимное отталкивание»** евреев от всех не-евреев, независимо от их народности, языка, культуры.

То усиливаясь, то ослабляясь, это «отталкивание» порождало все конфликты между не-евреями и евреями, каковые конфликты часто выливались, в разного рода, преследования и погромы.

О подлинной причине этого «отталкивания» существуют разные мнения.

Одни (проф. Лурье) причину видят в «особом духовном облике» евреев, свойственном только евреям и препятствующем ассимиляционным процессам, естественным в процессе долгой совместной жизни с другими народами и племенами.

Другие (напр. **М. Фридлиндер**) причину видят в зависти не-евреев к морально совершенным евреям и к их материальным успехам в области эконо-

мической.

Третьи, наконец, корень зла ищут в области религиозных расхождений и соответствующей активной пропаганде господствующей христианской церкви. (Точка зрения всех еврейских и подавляющего большинства не-еврейских исследователей этого вопроса).

Не входя в рассмотрение, какая точка зрения ближе к истине — возможно, что доля истины есть в каждой — здесь, в заключение, небезынтересно ознакомиться также и с высказываниями по этому вопросу известного историка-еврея **Сесилия Рота**, которые приводит в своей статье «Агасферова легенда» **С. Поляков-Литовцев** («Еврейский Мир», сборн. II).

«Записи наших (еврейских) хроникёров, будучи вполне правдивыми, лишены перспективы, а потому невольно искажают историческую объективность описываемых ими событий. Сплошь и рядом они изолированы от обстановки, в какой они случились и от обстоятельств, от которых они произошли.

Так наши хроникёры неизменно приписывают антисемитизму — религиозной и расовой ненависти — всякий акт насилия черни, всякую репрессивную меру властей, жертвами которых оказывались евреи, даже тогда, когда они имели другие побудительные причины и направлены были не против одних только евреев.

Еврейские мартирологи с этим мало считались и от этого много общечеловеческого горя и бед в их записях приобретало характер исключительно еврейского бедствия.

В 1278 году в Лондоне было повешено 267 евреев. Их обвинили в том, что они срезали с монет частички золота. Но, одновременно с евреями, были казнены и многие христиане — золотых дел мастера — по тому же обвинению».

Дальше **С. Рот** приводит целый ряд бедствий и катастроф общего порядка, в которых пострадали также и евреи, но хроникёров интересовали только жертвы еврейские. А о не-еврейских жертвах никто не писал и счёта им не вёл.

В результате, получается картина бедствий и погромов, обрушившихся *только на евреев*.

Кроме того, как справедливо замечает **С. Рот**, во время всяких бунтов и бесчинств евреев легче грабить по той причине, что имущество их было движимым, в то время, как имущество не-евреев часто состояло в разного рода недвижимости.

Корректив, вносимый **С. Ротом**, заслуживает особого внимания. И если мы обратимся к временам, в которые происходили разные эксцессы на территории России, то увидим, что они всегда совпадали с разного рода другими волнениями, беспорядками, возбуждённым состоянием народных масс.

В периоды мирные никаких погромов не бывало десятилетиями.

Дело Бейлиса

Кроме еврейских погромов в начале текущего столетия, результатом которых было ещё более тесное сплочение еврейской этнической группы в России и укрепление в ней уверенности в необходимости всемерно, не останавливаясь ни перед чем, бороться с режимом, произошло ещё одно событие, всколыхнувшее не только всё русское еврейство, но и весь мир.

Это был процесс в Киеве по обвинению **Бейлиса** в ритуальном убийстве.

Самая возможность такого процесса в просвещённом XX столетии подняла бурю негодования и протестов во всей мировой печати, которая не жалела чёрных красок в описаниях всего, что происходило в связи с этим процессом, а попутно, писалось много нелестного и о России и её режиме.

Слова «погром» и «процесс Бейлиса» связывались с Россией, порождая и питая представления о ней самые нелестные, как о народе, так и стране, дикой, некультурной, бесправной.

Обвинения евреев в ритуальных убийствах, с целью получения крови христиан для еврейских религиозных обрядов, так же стары, как и история пребывания евреев в рассеянии.

Нет страны и народа (среди которых жили евреи), в истории которых не было случаев обвинений и процессов в ритуальных убийствах.

В тёмных и непросвещённых народных массах христианского мира веками жило убеждение, что евреи действительно совершают ритуальные убийства, причём, это относилось ко всем евреям вообще, а не к какой-либо изуверской их секте, за что ни одна религия не может нести ответственности и всегда осуждает всякие религиозные изуверства.

И не случайно и не без оснований, ещё в 16 столетии (1564 г.) в Польше указом короля Сигизмунда-Августа было строжайше запрещено возбуждать дела по обвинению евреев в ритуальных убийствах.

Указ этот был издан по желанию самих евреев, пользовавшихся в Польше большим влиянием и имевших самое широкое «национально-персональное» самоуправление.

И когда в Киеве в 1911 году было найдено тело убитого мальчика — народная молва приписала это убийство евреям и был возбуждён судебный процесс, Известный, как «дело Бейлиса».

Страницы и русской, и мировой печати заполнялись отчётами об этом процессе, создавая нездоровую атмосферу и, прямо или косвенно, обвиняя во всём русское правительство, которое процессу придавало характер обвинения в ритуальных убийствах не какой-либо изуверской группы или секты, а всех евреев.

Вот, что читаем мы об этом процессе **С.С. Ольденбурга** «Царствование императора Николая II», изданной в 1949 году в Мюнхене «Обществом распространения русской национальной и патристической литературы».

«С 24 сентября по 28 октября в Киевском суде разбирался процесс, привлёкший сотни иностран-

ных корреспондентов и наблюдателей: знаменитое дело Бейлиса.

Ещё в марте 1911 года в Киеве был найден убитым 12-летний мальчик — **Андрей Юшинский**; тело его было почти обескровленным, на нём было 47 колотых ран.

Тотчас же пошла молва, будто мальчика убили евреи в целях использования его крови для каких-то таинственных обрядов.

Некоторые представители судебной власти, в частности Прокурор Судебной Палаты **Чаплинский**, взяли на себя доказать эту версию.

Местный полицейский розыск указывал в совершенно в другую сторону — были данные, что мальчика убила воровская шайка — но сторонники «ритуальной» версии заявляли, что полиция подкуплена евреями. В 3-й Думе правыми даже был внесён запрос по этому поводу (в мае 1911 года).

Отстраняя агентов розыска, не веривших «ритуальной» версии, следователь, наконец, нашёл свидетелей, показывавших, будто Юшинского похитил служащий кирпичного завода, **Мендель Бейлис**, и, вместе с другими, не найденными лицами, умертвил его. Бейлиса в августе 1911 года арестовали.

Вопреки русским обыкновениям, следствие тянулось свыше двух лет и только осенью 1913 года дело было доведено до суда...

Русская и заграничная печать проявляли необыкновенный интерес к этому делу. Видные русские писатели и публицисты левого направления выступили спротестом против «кровавого навета» на ...евреев.

Защищать Бейлиса собрались самые известные русские адвокаты: **Н.П. Карабчевский**, **В.А. Махлаков**, **А.С. Зарудный**, **О.О. Грузенберг** и т.д.

Со своей стороны, правая печать, начиная с «Нового Времени», доказывала ритуальный характер убийства, и в помощь прокурору гражданскими истцами выступили член Гос. Думы **Г.Г. Замысловский** и известный московский адвокат **А.С. Шмаков**, автор ряда антисемитских исследований.

С первых же дней суда определилась слабая обоснованность обвинения. Большую сенсацию вызвала статья **В.В. Шульгина** в старом, правом органе — «Киевлянин» (27сент. 1913 г.). Шульгин писал, что у гроба покойного редактора газеты Д.И. Пихно, он поклялся печатать в ней только правду.

Он рассказывал, со слов полицейских чинов, как им сверху внушалось, во что бы то ни стало, найти «жида»; он приводил слова самого следователя, говорившего, что не так важно, виновен ли Бейлис — главное доказать существование ритуальных убийств.

«Вы сами совершаете человеческое жертвоприношение», — писал Шульгин. «Вы отнеслись к Бейлису, как к кролику, которого кладут на вивисекционный стол»...

Номер «Киевлянина» — впервые со дня основания газеты — был конфискован. Фракция националистов высказала, хотя и в мягкой форме, порицание Шульгину, который после этого перешёл в

группу центра.

Полицейские чиновники, в своих донесениях в Петербург, день за днём, отмечали слабость свидетельских показаний обвинения, убедительность экспертов защиты.

Среди экспертов обвинения были видные профессора судебной медицины, но они могли только доказать, что тело было намеренно обескровлено, — из чего ещё не вытекало, что это было сделано с «ритуальной» целью.

Состав присяжных был, как говорится, «серый» — крестьяне, мещане и один почтовый чиновник. Левые газеты заранее обвиняли власть в желании воспользоваться «народной темнотой»; **В.Г. Короленко** писал, что решение таких присяжных не может быть авторитетным.

Но простые русские люди отнеслись к своей задаче серьёзно. «Як судить Бейлиса, коли на суди и разговорив про Бейлиса нема?» — так, по донесению жандармов, говорили присяжные между собой.

Речи обвинителей не переменили этого впечатления: в них много говорилось о ритуальных убийствах вообще и о том, что «евреи погубят Россию», — и почти ничего о Бейлисе.

28 октября присяжные вынесли Бейлису оправдательный приговор. Они ответили утвердительно на вопрос о том, совершено ли убийство на кирпичном заводе, принадлежавшем еврею **Зайцеву** и обескровлено ли было при этом тело.

Но, хотя «Новое Время», в первый момент, придавало этому ответу большое значение, оно само через два дня в статье Меншикова заявило:

«Россия понесла поражение... Торжество левой печати по поводу провала этого процесса понятно. Но самая возможность подобного исхода, прежде всего, является высшим свидетельством свободы и независимости русского суда присяжных и опровергает толки о давлении власти на суд».

Таковыми словами описывает нашумевший процесс Бейлиса монархист **Ольденбург**, сам признавая, что для обвинения и доказательства «ритуального» убийства, в данном случае, не было достаточно веских данных и доказательств.

Гораздо резче и в выражениях, бросающих тень на тех, кто стоял во главе русского Министерства Юстиции дали отчёты о деле Бейлиса печать Юстицкой повременной печати и вся печать заграничная. А тень эта не могла не распространиться и на весь режим и строй дореволюционной России.

Правые и крайне правые русские круги, которые безоговорочно поддерживали не только версию о «ритуальном» убийстве, виновность Менделя Бейлиса, но и, распространительно толкуя, расширяли обвинение на всё еврейство — были не удовлетворены и разочарованы исходом процесса.

Всем было ясно, что признание факта обескровления тела ещё не значит, что оно было обескровлено с целью «ритуальной», а тем менее, что в этом виновно всё еврейство.

Было немало людей среди русской общественности, которые, чисто теоретически, допуска-

ли возможность существования среди евреев какой-либо изуверской секты, как существуют изуверские секты (напр. скопцы) в православии.

Но отсюда отнюдь не делался вывод, что за действия изуверской секты могут нести ответственность все единоверцы изуверов. И правительству ставилось в вину, что на процессе это обстоятельство не было достаточно подчеркнуто, и единоверцы сразу же не ограждены были от распространительного толкования.

Тёмные же народные массы восприняли решение суда по-своему: признание обескровления тела было истолковано, как подтверждение, что евреи действительно совершают ритуальные убийства... И мальчишки-газетчики, после оглашения решения суда, кричали на улицах Киева: «Бейлис оправдан — жида обвинены!»...

Вообще, всё дело Бейлиса оставило тяжёлый осадок и способствовало дискредитации режима.

В особенности после того, когда на суде выяснилось, что на ведение следствия было оказываемое давление со стороны Министра Юстиции (**Щегловитова**), что вызывало неодобрение и даже негодование у тех, кто причислял себя к сторонникам режима — к «правым».

Громадный интерес, проявлявшийся к этому делу послами иностранных государств в Петербурге, в их разговорах с министром иностранных дел **Сазоновым** и заверения последнего, что **«Бейлис будет оправдан»**, о чём есть документальные данные (в донесениях послов) — ещё больше затемняет и усложняет это, и без того тёмное и сложное, дело, которое принесло России столько вреда.

В заключение следует напомнить, что процесс Бейлиса происходил, когда ещё живы были в памяти и еврейские погромы начала столетия, и дело Дрейфуса, многие годы волновавшее весь мир, и, сравнительно недавний, Мутанский процесс в России, в котором обвинялись в человеческих жертвоприношениях язычники-черемисы и по суду были оправданы.

Результат же этого процесса был тот, что всё шести с половиной миллионное русское еврейство, даже его зажиточные и лояльные классы, ещё теснее сплотились в своём отрицательном отношении к режиму России, равно, как и их многочисленные единоплеменники в США и в Европе.

* * *

Через несколько месяцев, началась 1 мировая война и настроения русского еврейства в значительной степени переменились. Все понимали, что выступление России в союзе с демократическими государствами против монархий Германии и Австро-Венгрии, в случае поражения последних, неизбежно приведёт Россию в лагерь демократии и демократизации самого режима в России.

А потому, евреи, в подавляющем большинстве, стали, если не русскими патриотами, то, во всяком случае, «оборонцами», не без основания надеясь, что победа России принесёт пользу и русскому еврейству..

* * *

Но эти «оборонческие» настроения были характерны только для большинства тех евреев, которые, получивши русское образование, влились в ряды российской интеллигенции и хорошо разбирались в вопросах международных отношений, а потому могли учитывать, что принесёт русскому еврейству победа или поражение.

Причём, эти «оборонческие» настроения были далеко не настроениями патриотическими, охватившими всю Россию в начале войны.

По существу, это был расчёт, что, в случае успешной обороны, т.е., победы над Центральными державами России, совместно с демократическими союзниками, неизбежно произойдёт и перемена во внутренней политике России в сторону желательную евреям.

«Оборонческие» настроения, выражавшиеся в поддержке дела ведения войны, отнюдь не значили и поддержку режима и его внутренней политики. К режиму все евреи, без исключения, относились определённо отрицательно, из чего не делали секрета.

Основная же масса многомиллионного русского еврейства была весьма далека от настроений не только патриотических, но и «оборонческих», хотя нельзя утверждать, что все русские евреи поголовно были «пораженцы» и желали победы Германии и Австро-Венгрии.

Но нельзя забывать и то обстоятельство, что положение евреев в Германии и Австрии было русским евреям хорошо известно и, естественно, они не могли не желать, чтобы и в России евреи, не меняя религии, смогли занимать такие места в общественной и политической жизни, а также в армии, какие они занимали в Австро-Венгрии.

Желание это нельзя не признать обоснованным. Тем более, что было в русской армии немало евреев, не только лояльно исполнявших свой долг, но и проявлявших на войне храбрость и получавших боевые награды, но не имеющих никакой надежды быть произведёнными в офицерский чин, по причине своего иудейского вероисповедания.

Обо всех этих противоречиях громко не говорилось во время войны, но, что они имели своё влияние на настроения, как всего русского еврейства в целом, так и на настроения тех многих тысяч евреев, которые были призваны в армию — в этом сомневаться не приходится.

Особенного патриотического энтузиазма противоречия эти породить не могли.

Здесь уместно будет вспомнить, что, в предвоенные годы, в России серьёзно обсуждался вопрос об освобождении всех евреев от несения воинской повинности.

Но, никакого решения по этому вопросу так и не было вынесено, хотя было написано немало статей и сделано докладов, посвящённых этому важному вопросу.

Высказывались, как противники, так и сторонники «исключения евреев из армии», приводя свои доводы и соображения в подтверждение правильности и оправданности своей точки зрения.

Даже целые объёмистые книги были посвящены этому вопросу как, например, изданная в 1912 г. в Петербурге книга **Гессена** «Война и евреи» в 300 страниц со множеством статистических данных и подробным изложением положения евреев в иностранных армиях.

Объём настоящего труда не позволяет более подробно остановиться на этом вопросе, но достойно внимания то, что заключительная глава этой книги гласит: «Роль евреев в будущей войне вообще и на нашем Западном театре в частности».

Как показали последующие события, роль эта была немалой, как во время войны, до февраля 1917 года, так, в особенности, после февраля и в годы гражданской войны, когда Красной Армией и Флотом командовал еврей — **Бронштейн-Троцкий**, а политической частью вооружённых сил заведовал и руководил еврей — **Гамарник**, не говоря уже о бесчисленных высших командирах — евреях.

Но, кроме евреев лояльных (хотя бы внешне) и евреев доблестно сражавшихся на фронте — немало было евреев, настроенных «пораженчески», но свои настроения державших про себя и ничем их не проявлявших, а, тем менее, о них говоривших.

Это — широкие малокультурные массы русского еврейства, которые традиционно — отрицательно относились к тому режиму, который, по их убеждению, их «преследовал», перенося отрицательное отношение и на все действия и мероприятия режима, включая сюда и оборону государства.

В их понимании Россия не была их родиной, а только временным местопребыванием до того момента, когда они вернутся в свою обетованную землю.

А потому, у них и не могло быть патриотического порыва и подъёма, свойственного тем, у которых прошлое, настоящее и будущее было неразрывно связано с Россией.

Была и ещё одна группа среди русского еврейства — открыто «пораженческая». Немногочисленная, но весьма активная, образованная, политически хорошо подкованная и умеющая вести пропаганду.

Это были евреи — члены революционных и социалистических течений, групп и партий. Значительная их часть пребывала или в ссылке, или в эмиграции и, до февральского переворота, выступать открыто не могла.

Но это не значит, что эта группа не имела влияния на настроения некоторой части русского еврейства, формально остававшейся в годы войны лояльной. И не только влияния на своих соплеменников, но и на многих русских — социалистов и революционеров, считавших, что, только в результате проигранной войны, можно надеяться на свержение режима.

Резюмируя всё вышеизложенное, можно без боязни впасть в ошибку, утверждать, что вся шестимиллионная масса русского еврейства в годы первой мировой войны была единодушна в своём отрицательном отношении к режиму Российской Империи и, если и поддерживала некоторые его начинания во время войны, то только постольку,

поскольку эти начинания могли принести пользу еврейству в близком или более отдалённом будущем, всегда ставя интересы еврейства на первое место.

Настроения эти не были секретом для русского правительства и верховного командования и давали основание для сомнений в лояльности евреев, огромное большинство которых жило в черте оседлости, на территории каковой происходили военные действия.

Не имея возможности, в обстановке военного времени, разбираться в каждом отдельном случае и проверять лояльность евреев, живших в полосе военных действий, военное командование принудительно выселяло их из этой полосы, направляя в центральные русские губернии, где евреям до войны жить не разрешалось.

Этими мероприятиями фактически была упразднена черта оседлости, но, с другой стороны, принудительное выселение десятков тысяч, нередко в тяжёлых условиях, с недостаточно организованным транспортом, питанием, медицинским обслуживанием в пути, было встречено евреями, как новая форма «преследований», а сомнение в их лояльности воспринималось, как незаслуженное и бездоказательное оскорбление, не только выселяемыми, но и всем русским еврейством, что усиливало только антиправительственные настроения.

Таково, в общих чертах, было положение во все годы войны, вплоть до февральской революции.

Еврейский вопрос от февраля до октября 1917 года

В первый же месяц существования Временного Правительства, 21 марта 1917 года, были отменены все ограничительные для евреев законы и распоряжения.

Они, во всех отношениях, были уравнены со всеми остальными гражданами России и перед ними открылись широкие возможности для самого активного участия во всех без исключения отраслях общественной и культурной жизни страны и для занятия любых должностей в правительственном аппарате.

Евреи не заставили себя ожидать и по всем каналам устремились к руководящим позициям во всех, недоступных им раньше секторах общественной и политической жизни России, а также, административным постам.

Четыре еврея стали сенаторами: **М. Винавер**, **Г. Блюменфельд**, **О. Грузенберг** и **И. Гуревич**. Городским головой Петрограда — еврей **Г. Шрейдер**, а Москвы — еврей **О. Минор**. В Киеве в 1917 году мы видим заместителем городского головы еврея **Гинсбурга**.

На ответственном посту управляющего делами Временного Правительства в 1917 году находился еврей **А. Гальперн**. Крупные места в министерстве заняли евреи: **С.М. Шварц**, **Д.Ю. Далин** (Левин), **И.М. Ляховецкий** (Майский), **Я.С. Новаковский** — все социал-демократы — меньшевики-«бундовцы».

Кроме перечисленных выше лиц, немало ев-

реев в «февральский период» революции (до октябрьского переворота) заняли крупные посты в органах местного самоуправления.

Но не сенаторские кресла и высокие положения на государственной службе привлекали евреев, получивших все права.

Неустойчивость Временного Правительства, определившаяся с первых дней его существования, и его зависимость от самочинно возникших или оформившихся организаций чисто политических — революционных, предопределяла и ненадёжность, и непрочность постов и положений на государственной службе.

Революционные карьеры делались не в министерствах, а на митингах и заседаниях советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, быстро фактически присвоивших себе власть и законодательную, и исполнительную.

Туда и устремилось русское еврейство, со свойственной евреям энергией, настойчивостью и уверенностью, что они *«всё знают и всё могут»*.

В то время, в первые месяцы Временного Правительства, на авансцене политической жизни подвизались, соперничая друг с другом, следующие революционные партии:

- **Партия «Социалистов-революционеров», от которой вскоре отпочковалось её левое крыло, назвавшее себя «левыми социалистами-революционерами»;**
- **Партия «Социал-демократов-большевиков» (открытые «пораженцы»);**
- **Партия «Социал-демократов-меньшевиков», стоявшая на «оборонческих» позициях;**
- **«Бунд» — исключительно еврейские меньшевики — марксисты, не допускавшие в свою среду не-евреев, но сами весьма активно принимавшие участие в деятельности общероссийской партии социал-демократов-меньшевиков;**
- **«Анархисты» — последователи учения Кропоткина и Бакунина, требовавшие упразднения всякой власти вообще.**

Все названные партии считались «революционными», в отличие от немногочисленных запуганных революционными событиями партий «буржуазных», к каковым причислялась и партия «конституционно-демократическая», переименовавшая своё название на «Партию Народной Свободы».

Среднее положение между партиями «революционными» и «буржуазными» занимала немногочисленная и мало влиятельная партия «народных социалистов».

Для одних она была не достаточно «революционна» — другие, исходя из её названия, причисляли её к партиям «социалистическим».

Группировки, партии и течения «правые», патриотические, были ошеломлены революцией и пребывали в небытии.

Здесь будет уместно вспомнить, как отнеслось к партиям русское еврейство в целом.

На конгрессе всех еврейских организаций, состоявшемся в первые месяцы революции, было вынесено решение на предстоящих выборах (всеоб-

щих, прямых, равных и тайных) не голосовать за партии правее Народных социалистов.

Таким образом, организованное русское еврейство отказало в поддержке партии «Народной Свободы», в составе которой, равно, как и в центральных партийных органах, было много евреев, образованных и культурных, но не разделявших революционные идеи и не поддерживавших революционные методы во внутренней и внешней политике.

В центральных комитетах всех шести революционных партий, перечисленных выше, евреи составляли подавляющее большинство: от **60 до 80%**; а в «Бунде» не было ни одного не-еврея.

Поимённые списки членов центральных комитетов этих Шести партий приведены в части II настоящего труда, с обозначением народности каждого отдельного члена.

По причине многочисленных псевдонимов, переходов из одной фракции партии в другую (например, Бронштейн-Троцкий и Нахамкес-Стеклов из меньшевиков превратились в большевиков), а также, невозможности провести отчётливую, грань между «бундовцами» и меньшевиками, списки эти не могут претендовать на стопроцентную точность и возможны некоторые ошибки.

Но общую картину племенного состава руководителей революционных партий России 1917 года они дают достаточно убедительно.

Кроме своих Центральные Комитеты, все эти партии имели широкую сеть комитетов губернских, областных, уездных, в армии, в среде рабочих и принимали самое активное участие в политической жизни страны, а нарочито в разных многочисленных «советах депутатов»; рабочих, солдатских, крестьянских, а особенно, в общегосударственном Совете Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, который, с первых же недель революции, стал вторым правительством, причём, более авторитетным в глазах масс, чем Временное Правительство, имевшее, в первые месяцы, в своём составе только одного социалиста — Керенского.

И евреи в этом, втором, правительстве играли руководящую роль, занимая ключевые позиции.

В первые же недели и месяцы революции все находившиеся в ссылке и в эмиграции революционеры возвратились в Россию и принялись «углублять и расширять» революцию.

Среди возвратившихся из эмиграции — подавляющее большинство составляли евреи, что видно из списков, публиковавшихся тогда (весной 1917 года), в русских газетах.

К моменту падения царского режима, эмигранты революционеры были сконцентрированы в Соединённых Штатах Америки и в Швейцарии.

В США — в Нью-Йорке, где находились такие известные еврей-революционеры, как Бронштейн-Троцкий, Коген-Володарский, Радомысльский-Урицкий и многие другие.

Они успешно вели пропаганду против русского правительства, внимательно следили за ходом войны и готовились к участию в назревавшей в Рос-

сии революции.

Ещё за год до революции, 14 февраля 1916 года, в Нью-Йорке состоялась закрытая конференция эмигрантов-революционеров, в которой приняло участие 62 человека, из них 50 были «ветераны революции 1905 г.», а остальные — вновь принятые члены-сотрудники.

Участники конференции были люди интеллигентных профессий или «профессиональные революционеры».

Среди делегатов был огромный процент евреев. Материальную поддержку эта группа имела от банкира **Якова Шифа**, что неоднократно говорилось присутствовавшими на конференции её участниками.

Через год с небольшим из США отплыли два парохода с эмигрантами, возвращавшимися в Россию после февральского переворота.

Подавляющее большинство пассажиров этих пароходов составляли евреи, в своё время бежавшие из России, что не трудно было установить, взглянув на списки пассажиров.

Возвращались все, как «политические эмигранты», хотя между ними было немало просто дезертиров, бежавших из России, чтобы уклониться от воинской повинности.

Теперь обстоятельства сделали этих дезертиров «жертвами царизма». И они, как победители, ехали в Россию, чтобы принять участие в революции.

По прибытии в Россию они рассеялись по всем её просторам, начиная с Владивостока и кончая Петроградом, и сразу же приняли самое активное участие в событиях.

В Петрограде осело этих, прибывших из США евреев (как подлинных политических эмигрантов, так и просто дезертиров, примазавшихся к своим единоплеменникам), 265 человек, о чём свидетельствует в 1919 году перед комиссией сената США методистский священник, доктор **Джордж А. Симонс**, который был много лет настоятелем Методистской церкви в Петрограде.

В записях (протоколах показаний), 439 и 469, 65-й сессии Сената США записано следующее:

«среди агитаторов были сотни евреев из Дунтауна (нижней части) восточной окраины Нью-Йорка, а в 1818 году правительственный аппарат в Петрограде состоял из 16 настоящих русских и 371 евреев, причём, 265 из этого числа прибыли из Нью-Йорка».

Возвращение эмигрантов из второго центра — Швейцарии — произошло так.

Проехать в Россию из Швейцарии обычным путём — через Австрию или Германию — не было возможно, т.к. эти государства были в состоянии войны с Россией и все, попадавшие на их территорию русские подданные, немедленно интернировались.

Путь через Францию, а затем морем, был опасен, благодаря действию германских подводных лодок и военных кораблей, а кроме того и Франция, зная настроения тех, кто хотел ехать в воюющую

ещё Россию, не обнаружила никакого желания помочь этим эмигрантам, из которых значительная часть были активные «пораженцы», которые бы несомненно развили свою пропаганду в России, бывшей тогда союзницей Франции в мировой войне.

Выручили немцы. Они повезли через германскую территорию в запломбированных вагонах 224 революционера-эмигранта в Швецию, откуда они, через Финляндию, направились в Россию. Из пассажиров «пломбированных» вагонов 170 были евреи, почти все — «пораженцы».

Встречены они были в Петрограде торжественно, хотя Временное Правительство и было отлучно осведомлено, как о их политических установках («пораженческих» во время ведущейся войны), так и о способе их проникновения в Россию.

Газеты были полны приветственных статей. Печатались списки прибывших, из которых легко можно было установить племенной состав пассажиров пломбированных вагонов.

Перечислять их здесь нет никакой надобности. Это только бы затруднило читателя. Желющие же всё проверить могут это сделать, просмотревши Петроградские газеты за апрель 1917 года.

При этом, возможно, будут удивлены, найдя там имена не только тех, кто, вскоре по приезде, принял участие в создании власти советов, но и тех, кто десятилетиями в эмиграции был противником «сталинизма», как, например, известный лидер меньшевиков **Р. Абрамович**.

Сконцентрировав указанные выше путями все свои активные силы, еврей-революционеры очень быстро заняли ключевые позиции во всех конкурирующих и претендующих на власть партиях тогдашней России.

Но, в аппарат власти исполнительной — на государственную службу — они не стремились, предпочитая играть роль и влиять на судьбы России, пребывая вне правительства на положении депутатов, делегатов и лидеров в разных советах и комитетах, каковые, как уже упомянуто выше, в то время представляли собою второе правительство России.

Единственное исключение делалось для милиции, заменившей прежнюю полицию. Туда евреи охотно шли с первых дней революции. Разумеется, не лидеры и руководители, а попроще, не претендующие на водительство дальше своего квартала или города.

Они почувствовали себя если не «властью», то, во всяком случае, органами власти и бюстителями «революционного порядка».

С повязкой милиционера на рукаве и с пашкой на боку, а нередко и с револьвером на поясе, они суетились, носились по городам и, посоломоновски, разбирали мелкие происшествия и столкновения на улице или на базаре, руководствуясь «революционной совестью и революционной же справедливостью».

Конечно, на постах, как прежние городовые, они не стояли, а предпочитали заниматься тем, чем

раньше занимались околоточные надзиратели и полицейские пристава.

С той разницей, что околоточные и пристава раньше «распекали» и «внушали», не без успеха поддерживая порядок, а новые их заместители больше «уговаривали», взывая к «сознательности» граждан.

В результате, быстрыми шагами шло разложение страны и угасание того патриотического духа, которым была охвачена Россия в начале войны и который всегда спасал её в минуты опасности для государства.

Призывы продолжать войну до победного конца никакого отклика в массах не находили — все мечтали об окончании войны и возвращении домой.

Воззвать же к патриотизму русского народа было некому. Ни Временному Правительству, состоявшему из людей для которых слово «патриотизм» было синонимом реакционности и «контрреволюции», чего они боялись больше всего, ни тем менее Совету Депутатов, в котором задавали тон люди, которым было чуждо, непонятно и даже враждебно самое Слово «русский патриотизм».

Ведь, Россия не была их родиной, а только временным местопребыванием и территорией, на которой предоставилась им возможность производить свои интернационалистическо-социалистические эксперименты без какого бы то ни было сопротивления коренного населения, предки которого, путём тяжёлых жертв создали и отстаивали своё государство в прошлом и своё будущее неразрывно связывали с будущим России.

Не встречая никакого отпора, возглавители и руководители, бывших тогда на политической авансцене революционных партий (в подавляющем большинстве — евреи) почувствовали себя хозяевами положения и начали себя вести соответствующим образом, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Тон всему в то время (лето 1917 года) задавали **Бронштейн-Троцкий** и **Нахамкес-Стеклов**.

Заняв руководящие положения в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде, эти два марксиста-меньшевики, к тому времени превратившиеся в большевиков, со свойственной их племени энергией, темпераментом и целеустремлённостью, занялись разрушением правопорядка и хотя бы минимальной законности, которую хотело, но не могло сохранить Временное Правительство.

За Троцким был ореол бывшего вице-председателя Совета Рабочих Депутатов в 1905 году, который сумел провести решение о вооружённом восстании, вопреки желанию председателя Хрусталёва-Носаря и «пострадавшего» за свободу («страдал» он, сидя в Нью-Йорке до самой революции).

У Нахамкеса никакого ореола не было и дальше революционных кругов он известен не был.

Огромного роста, грузный, бородатый, с громоподобным басом, неопрятный и неряшливый внешне, Нахамкес, с первых же дней революции, выдвинулся в первые ряды революционных деяте-

лей и проявил исключительную, напористость и нахальство в своей политической деятельности.

Насколько силен был ореол Троцкого и бесстрашно Временное Правительство красноречиво свидетельствует следующий эпизод.

В июле 1917 года, после подавления восстания большевиков, к Троцкому, в числе других главарей восстания, прокурором Петроградской Судебной Палаты **Каринским** было предъявлено обвинение по статьям 51, 100 и 108 уголовного уложения за организацию вооружённого восстания и измену.

Обвинение обоснованное, юридически безупречное, грозившее, в военное время, смертной казнью.

Главари, к которым было предъявлено это обвинение, бежали и скрывались. Но Троцкий не бежал и не скрывался, а рассылал иронические письма, спрашивая, когда же его арестуют...

В Совдепе он стучал по трибуне и кричал им: «Вы обвиняете большевиков в измене и в восстании?... Сажаете Их в тюрьмы?... Так ведь, я же был с ними, я же здесь!.. Почему вы меня не арестуете?»... — Члены Совета Депутатов молчали. (Они были противники восстания, большевики тогда были в меньшинстве.)

Весть о приказе об аресте Троцкого так взволновала Совдеп, что, через несколько часов после подписания приказа, несколько членов Военной секции Совета появились в штабе Петроградского Военного Округа и между ними и генерал-квартирмейстером произошёл следующий разговор:

«Как? Вы хотели арестовать Троцкого?» — обратились они с вопросом, в котором не было слышно упрека, но чувствовалось какое-то сострадание, с оттенком, будто он не в своем уме.

«Да! Троцкого!.. И до сих пор требую!..»

«Троцкого?..»

«Вы, очевидно, забыли, что было три дня назад, ну, а я хорошо помню ваши бледные лица и трясущиеся подбородки, когда мы вместе отсиживались 4-го июля»...

«Да, но ведь, это — Троцкий!... Поймите — Троцкий!» — старались они мне объяснить своё перед ним преклонение и, для наглядности, поднимали руки к небу. (Цитируется из книги Б. Никитина «Роковые Годы».)

(Представители Военной Секции Совета были члены социалистических партий Совета, но не большевики. Временное Правительство так и не посмело арестовать Троцкого, чему, судя по многочисленным воспоминаниям участников событий, воспрепятствовал Керенский.)

Приведённый выше эпизод даёт ясную картину, что из себя представлял тогда Троцкий, который открыто вёл, во время войны, пропаганду, призывая к неповиновению солдат и матросов, и тем подрывал боеспособность армии.

Стеклов-Нахамкес пошёл ещё дальше Троцкого. Он призвал к убийству лиц, стоящих за продолжение войны.

После июльского восстания к нему, как и к Троцкому было предъявлено обвинение по тем же статьям, но, как и Троцкий, он не был ни судим, ни даже арестован, а выпущен Временным Правительством, когда он, на короткое время, был задержан военными властями, в согласии с решением прокуратуры.

Овший Моисеевич Нахамкес (Стеклов), как русский подданный призывного возраста, был в начале войны задержан немцами, но вскоре выпущен и приехал в Россию.

С первых же дней революции вошёл в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и приобрёл там первенствующее значение.

По его инициативе и при его непосредственном участии была уничтожена полиция и вынесено решение о невыводе из Петрограда распропагандированного и деморализованного гарнизона, в котором был немалый процент мобилизованных рабочих.

Когда, в первые дни революции, был создан Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, сразу же занявший положение «второго правительства», из него была выделена пятичленная комиссия для поддержания контакта с Временным Правительством, названная «Контактной Комиссией».

В эту комиссию вошёл Нахамкес и сразу же занял в ней руководящую позицию. Задача этой комиссии, по определению самого Нахамкеса, состояла в том, чтобы «путём постоянного организованного давления заставлять Временное Правительство осуществлять те или иные требования Совета».

«Давление» это было перманентным с первых же дней существования Временного Правительства, осуществлялось Нахамкесом грубо, прямолинейно и бесцеремонно — он вёл себя, как строгий хозяин — и привело к тому, что Временное Правительство не смело и не могло принять какое-либо ответственное решение, без согласия и одобрения «Контактной Комиссии», от имени которой, не встречая сопротивления остальных членов, говорил Нахамкес.

Свою деятельность Нахамкес не ограничивал «Контактной Комиссией», а чуть не ежедневно выступал с речами в Совете и на многочисленных митингах, громя всех тех, кто призывал к продолжению войны, в том числе и Временное Правительство и командный состав армии.

В начале июня 1917 года на заводе **Лесснера** состоялось объединённое закрытое совещание большевиков и анархистов. Разбирались вопросы о согласовании их совместной Деятельности.

Большевики предложили анархистам взять на себя террор против лиц, стоящих за продолжение войны, они доказывали, что им сейчас неудобно брать на себя столь крайние эксцессы, тогда как у отдельных групп анархистов они прямо входят в программу.

Однако, анархисты отнеслись к предложению без особого энтузиазма; вопрос рисковал провалиться, если бы положение не спас присутствовавший на собрании Нахамкес.

Он так горячо и решительно призывал к тер-

рору, так вдохновил присутствовавших и красноречиво призывал приступить к убийствам немедленно, что, после его выступления, большевики без труда провели свою резолюцию и тут же составили первый список намеченных жертв, во главе которого поставили Керенского.

Резолюция эта вскоре стала Известной в штабе Петроградского Военного Округа и в Военном Министерстве.

Военным министром тогда был Керенский, а его помощниками: полковники Якубовский, Туманов и Барановский. Помощником главнокомандующего Петроградским Военным округом — по политическим делам — был, призванный из запаса, адвокат Кузьмин, социалист-революционер, слепо выполнявший все директивы Центрального Комитета своей партии — одной из партий, активно участвовавших в Совете р. и с. депутатов.

Когда генерал-квартирмейстер сообщил Кузьмину обо всём происходившем на заводе Лесснера, прибавивши, что есть совершенно достоверные свидетельства нескольких лиц и никаких сомнений в точности сообщения быть не может, Кузьмин ответил: «Не может этого быть!.. Как?.. Нахамкес перешёл к большевикам?.. Никогда этого не будет!..» — И никакого хода этому делу дано не было.

Тогда генерал-квартирмейстер отправился в Военное Министерство, где, вместе с тремя помощниками Керенского, упомянутыми выше Барановским, Тумановым и Якубовским, обсудил положение, создавшееся после выступления Нахамкеса.

Они отнеслись к этому совсем иначе, чем Кузьмин, который просто не поверил, что меньшевик Нахамкес мог изменить своей партии.

Неужели же этого не достаточно, чтобы обвинить Нахамкеса в работе на Германию?

Призывать к немедленным убийствам лиц, желающих продолжать войну, не входило в программу ни социал-демократической партии, ни даже её пораженческого крыла.

По какой же инструкции шёл Нахамкес? Немецкий Штаб не мог бы придумать лучшего...

Что было бы во Франции с тем, кто стал бы призывать к убийству Клемансо, корпусных командиров?..

Так оценили выступление Нахамкеса люди военные, далеко не «черносотенцы» (таковые не могли занимать ответственные должности при Керенском), но не связанные железной дисциплиной социалистических партий, как это имело место с Кузьминым.

После всестороннего обсуждения, было решено организовать специальную охрану личности Керенского и принять меры, чтобы на заводах не было возможности производить бесконтрольно ручные гранаты, которые могли бы быть использованы для действий, рекомендованных Нахамкесом.

Привлечённый к делу организации предупредительных мер Начальник Главного Артиллерийского Управления ген. **Леховин** пытался наладить строгий контроль взрывчатых веществ, а производ-

ство ручных гранат было реорганизовано так, что капсулы для них хранились отдельно и могли закладываться в гранаты только вне столицы... На этом дело и кончилось...

Не только арестовать и предать суду, но даже допросить или хотя бы потребовать объяснений от Нахамкеса просто не посмели. Ни всё Временное Правительство, ни военные власти...

Хотя, о выступлении и рекомендациях Нахамкеса всем было известно... Но вопрос был «щекотливый»... И его решили молча вообще не поднимать...

Много хлопот вызвал и отнял энергий тогда провозвестник террора — Нахамкес. Назначается охрана, составляется комиссия, вырабатываются предупредительные меры... А он, до самого июльского восстания, гремит с трибуны, продолжая оказывать «организованное давление на Правительство».

После неудавшегося восстания большевиков (июль 1917 г.) был издан приказ об аресте руководителей восстания, в числе которых были и Троцкий, и Нахамкес. (Большинство, как известно, скрылись и не появлялись до октября).

Но Троцкий и Нахамкес не скрывались и не сбежали, а продолжали свою деятельность, игнорируя и закон, и самое существование Временного Правительства, которое обязано было пресечь их деятельность, но... не смело.

Эпизод с попыткой арестовать Троцкого приведен выше. Неудачей кончилась и попытка законной власти пресечь деятельность и Нахамкеса.

9 июля на даче в Мустомьяках был обнаружен Нахамкес и по распоряжению штаба Петроградского Военного Округа, несмотря на его протесты, был доставлен в помещение штаба, где всё время шумел и протестовал, как это осмелились арестовать его, по его словам «члена Исполнительного Комитета всей России», и требовал, чтобы к нему пришел начальник штаба.

Вошедший начальник штаба застаёт Нахамкеса сидящим развалившись у стола, спиной к столу, локти на столе. На вопрос начальника штаба: «Вы хотели просить меня о чём-нибудь?» — Нахамкес, не поднимаясь со стула, отвечает: «но я просил Вас придти ещё два часа тому назад!»...

В комнате — солдаты и офицеры. Начштаба стоит, а Нахамкес сидит, развалившись, нога на ногу... Начштаба не выдерживает и подчёркнуто громко говорит: «Если желаете со мной говорить — попробуйте встать!»...

Нахамкес вскакивает, как на пружине... «Почему Вы меня арестовали, невзирая на запрещение Правительства?» — спрашивает он.

Начштаба отвечает: «Я знал, что, при старом режиме, особые исключения делались только министрам и членам Государственного Совета; но ведь, при новых условиях, кажется, все равны. Почему я должен делать исключение для Вас?»...

«Как? Значит Вы арестуете и члена Учредительного Собрания?» — спрашивает Нахамкес... «Не понимаю, при чём здесь Учредительное Собра-

ние?» — отвечает начштаба...

«Да, но я — член Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов всей России, член законодательной палаты. По крайней мере, мы сами на себя так смотрим»...

Этот интересный диспут был прерван срочным вызовом к телефону начштаба, которому было сообщено, что, по распоряжению Правительства, Нахамкеса задерживать в штабе Округа нельзя.

Одновременно с этим в Штабе появился сам председатель Совдепа — **Чхеидзе** с двумя членами выручать Нахамкеса, Начштабу не оставалось ничего больше, как отпустить с миром на все четыре стороны Нахамкеса, вина которого была несомненной.

Но это был Нахамкес-Стеклов, который тогда, как и Бронштейн-Троцкий, почувствовал себя хозяином положения и вёл себя, как таковой, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Но зато, с ними больше, чем считалось, и всё Временное Правительство, и даже Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, в котором большевики тогда не имели большинства; но, по существу, Совет шёл на поводу у этих двух напористых людей, не смея предпринять ничего против их пораженческой пропаганды и, в то же время, вынося резолюции о продолжении войны до победного конца.

Абсурдность такого положения ощущалась многими. Но сказать никто не смел. А за спиной у Нахамкеса и Бронштейна стояли не только Це-Ка их партии, но косвенную поддержку (путём «непротивленчества») они ощущали и в Центральном Комитете всех «революционных» партий, бывших тогда на политической авансцене и состоявших преимущественно из их единоплеменников, для которых чувство русского патриотизма было чуждо, непонятно и враждебно.

С пораженческой пропагандой «боролись». Но боролись так, чтобы не побороть.

С предельной точностью эту «борьбу» изложил один из лидеров меньшевиков — грузин **Церетели**, сказавши, что «бороться надо так, чтобы дать им возможность почётного отступления»... «Иначе, может восторжествовать контрреволюция»...

Так было в Петрограде в короткое время пребывания у власти Временного Правительства. Так же было и во всех городах России.

В Киеве задавал тон и «углублял революцию» **Рафес**, меньшевик-«бундовец», перешедший впоследствии к большевикам.

На фронте, в бесчисленных советах солдатских депутатов антипатриотическую и пораженческую пропаганду вёл целый легион маленьких, провинциальных нахамкесов и бронштейнов, не встречая должного противодействия со стороны своих коллег, меньшевиков и эсеров, из которых тогда состояли советы.

А если и противодействовали — то по методу Церетели, что было равнозначно попустительству, потворству и помощи, и содействию...

Разумеется, далеко не все «углубители» революции и митинговые ораторы, и даже не большин-

ство, а относительное меньшинство были евреи.

Количественно преобладали не-евреи, только подражавшие методам евреев Нахамкеса и Бронштейна, наблюдая их демагогический успех и полную безнаказанность за высказывания и действия, недопустимые вообще, а в военное время, в особенности.

Характерно, что в бурной политической жизни первых же дней русской революции самое активное участие приняли евреи — члены «Бунда», того самого «Бунда», который, ещё совсем недавно, в 1903 году, категорически заявлял, что *«вообще было бы большим заблуждением думать, что какая бы то ни было социалистическая партия может руководить освободительной борьбой чужой национальности, к которой она сама не принадлежит»*, а потому, самоизолировался в марксистской социал-демократической партии.

Для руководства политической партией какого-либо народа, по мнению «Бунда», надо было выйти из данного народа, быть связанным с ним тысячами нитей, быть проникнутым его идеалами, понимать его психологию. Для партии чужого народа это невозможно! — Так категорически заявляли евреи из «Бунда» в 1903 году...

«А уже, во время первой революции, в 1905 году, многочисленные еврей-революционеры весьма активно вмешивались в дела «чужого народа» и были не только участниками, но и инициаторами и руководителями революционных выступлений, как например, **Ратнер, Шлихтер и Шефтель** в Киеве.

И «бундовцы», и не состоящие в «Бунде» — в одинаковой мере и с одинаковой энергией — устремились в революционное движение и сочли для себя возможным и допустимым не только участвовать в политической жизни и партиях общероссийских (для них «чужих»), но и проникать в руководство этих не-еврейских партий, ревниво не допуская в свои, еврейские, партии ни одного не-еврея.

Характерно, что, даже евреи по происхождению и расе, для которых язык «идиш» был их родным языком и которые были убеждёнными марксистами, но, из каких-либо соображений, изменившие религию — для «Бунда» были неприемлемы.

Проникновение в политические организации и партии шло одновременно по двум линиям: они «делегиrowались» или «кооптиrowались» и, как представители партий и организаций чисто еврейских, и от революционных партий и организаций общероссийских, в каковых, как уже указано выше, если не большинство, то весьма значительную часть центральных комитетов, составляли евреи.

Кроме того значительное число евреев проникали в возглавления партий и организаций в порядке «персональном» — их выбирали и за них голосовали, охваченные революционным настроением, широкие массы, чему немало способствовал ореол «угнетений и притеснений» при старом режиме, окружавший евреев и усиленно ими подчёркивавшийся и выпячивавшийся, а также, врождённая евреев, напористость и энергия.

В результате, уже через несколько месяцев

после февральской революции, мы видим немало не только евреев, но и «бундовцев», занимающих ответственные положения председателей совдепов в областях и на фронте и весьма активно и авторитетно решающих вопросы, как чисто военные, так и вопросы одобрения или неодобрения тех или иных мероприятий Временного Правительства.

Как далеко простиралась тогда власть и возможности евреев, попавших в председатели какого-либо совдепа, и как, даже Верховное Командование Русской армии должно было считаться с мнением юнцов-«бундистов», рассказывает нам в своих мемуарах один «бундист» — председатель совдепа:

«Днём 31 августа (по ст. стилю) пришло известие о принятии на себя **А.Ф. Керенским** обязанностей Верховного Главнокомандующего и о назначении ген. **М.В. Алексева** его начальником штаба. Мы, провинциальные деятели, руководители Рабочего и Солдатского Совета (дело было в Витебске) были совершенно ошеломлены.

Насколько мы были информированы, Алексей принадлежит к группе единомышленников Корнилова. Следовательно, приглашение его означает «соглашательскую» политику, примирение с Корниловым. Но, быть может, лично Алексей стоит в стороне от политической борьбы и, нуждаясь в «военспеце» и авторитетном генерале, при чересчур штатском Керенском, его вынуждены были пригласить?

Всё равно, этот шаг Временного Правительства невозможно признать правильным. Он может оказаться роковым. Наш долг высказать своё мнение и оказать давление на правительство и ЦИК Советов.

Вечером на заседании Военного Бюро Рабочего и Солдатского Советов был составлен текст телеграммы, протестующей против назначения Алексева и против тенденции примирения с корниловщиной. И, после этого решения, Бюро погрузилось в местную работу.

Авиационный парк рвался в бой и решил выделить отряд с пулемётами для направления на Оршу, где, по нашим сведениям, тогда собирался «кулак» для последнего штурма Могилева. Мы обсуждали вопрос, кто из членов Бюро поедет с этим отрядом: каждому хотелось принять непосредственное участие в «деле», но никого нельзя было отпустить...

В это время мы получили известие о предстоящем проезде через Витебск генерала Алексева и перед Военным Бюро стал новый ряд вопросов о тактике. Положение представлялось нам весьма сложным. Мы только что отправили протест против назначения Алексева.

Но сейчас, по приезде, Алексей для нас остаётся представителем Верховного Главнокомандующего, высшей военной властью в стране. Следовательно, во всех вопросах передвижения войск, его решение является окончательным. Но ведь, Алексей едет мириться с Корниловым — это очевидно, а мы считаем политику примирения — ошибкой, преступлением.

Между тем, Алексей действует от имени

Временного Правительства, которое мы решили поддерживать... Тем более, что Алексеев может аргументировать интересами фронта, оперативными соображениями, которые окутаны тайной для нас, непосвящённых...

Таков ход мыслей, волновавших членов Военного Бюро местных Советов. В результате обмена мнений, мы решили:

1. Высказать генералу Алексееву мнение витебских советов о том, что с Корниловым должен быть разговор, как с государственным преступником, что он должен быть арестован.

2. Доложить обо всех проведённых нами мобилизациях и передвижениях войск и поступить, согласно его указаниям, как начальника штаба Главнокомандующего.

Затем, Военное Бюро уполномочило **А. Тарле** и меня — как председателей Рабочего и Солдатского Советов — для встречи генерала Алексеева.

В 1 час ночи, стоя у прямого провода на вокзале, мы получили телеграфную ленту, которая вновь внесла резкие перемены. Эта лента содержала приказ Керенского полковнику Короткову в Оршу.

В этом приказе Керенский требовал немедленной организации наступления на Могилёв и ареста генерала Корнилова и других заговорщиков. Для нас, по прочтении этого приказа, стало ясно, что наша позиция оправдалась, что, заколебавшиеся было «сферы» спохватились и отказались от того плана, который незадолго до того поручен Алексееву.

Нам стало ясно, что миссия Алексеева не только осложняется, но, пожалуй, отпадает за ненадобностью. Как же теперь быть нам, членам Военного Бюро?

Конечно, необходимо ознакомить Алексеева с приказом Керенского. Быть может, благодаря этому, удастся сорвать план «гнилого компромисса»...

С глубоким волнением мы стали ждать приезда генерала Алексеева, предчувствуя, что приказ Керенского должен особенно сильно подкрепить точку зрения Военного Бюро на ликвидацию корниловского мятежа.

В два часа ночи нам сообщили, что прибыл поезд генерала Алексеева. Он спал в салон-вагоне, и мы были введены в соседний вагон с сопровождавшим генерала Вырубову и Филоненко.

Вырубов допытывался, в чём дело, но мы, конечно, хотели беседовать с генералом и попросили проводить нас к нему. Нас повели в салон-вагон, где нас встретил, заспанный старый генерал.

Алексеев был лет 65-ти, среднего роста, с бритым, изрезанным морщинами лицом и длинными седыми усами, с внимательным и зорким взглядом. Он принял нас стоя и, вероятно, несколько недоумевая по поводу столь позднего визита.

Мы изложили некоторые подробности произведённых нами военных операций в районе и точку зрения витебского Совета о недопустимости примирения и необходимости ареста Корнилова.

Мы также добавили, что в Орше готовится наступление на Могилёв и туда стягиваются войска,

Алексеев очень взволновался и сказал:

— Всё это, господа, результат глубоких недоумений, сложный клубок взаимного непонимания. Перед отъездом в Петрограде мы вполне договорились с Александром Фёдоровичем. Мы выбрали мирный путь для улажения вопроса.

Я убеждён, что конфликт искусственно раздут, что он сам собой рассосётся. То, что вы делаете, — не требуется положением вещей, разлагает нашу армию и подрывает авторитет командного состава.

Я принял назначение в полном согласии с Временным Правительством и надеюсь, что мне удастся мирно договориться с генералом Корниловым.

Тогда я протянул Алексееву свёрнутую кружком ленту: вот приказ Керенского наступать на Могилёв!.. Помню, генерал Алексеев разворачивал с конца телеграфную ленту и долго читал приказ Керенского полковнику Короткову.

— Ах, Александр Фёдорович! — воскликнул он несколько раз, как бы не считая возможным нам высказать все свои тяжёлые мысли по поводу непостоянства Керенского... Ах, Александр Фёдорович, ведь, кажется, мы в Петрограде обо всём договорились. Я заявил, что, только при условии мирного улажения конфликта, могу принять на себя это поручение, могу ехать в ставку...

Очень взволнованный, Алексеев хотел немедленно получить прямой провод к Керенскому, но провод на вокзале всё время был занят. Мы вспомнили, что в штабе Двинского военного округа в городе имеется провод и поехали туда в автомобиле.

Там, в отдельной комнате, предварительно долго проверяя и устанавливая с кем говорит, Алексеев беседовал с генералом Лукомским, выясняя положение в ставке и убеждая Корнилова сдаться.

Мы сидели рядом в комнате, с нами был третий, советский комиссар при Округе, Яковлев, знакомившийся с положением.

Был уже пятый час утра, когда встревоженные, вбежали в штаб начальник Военного Округа генерал Байов, его адъютант барон Кехли, генерал Голубовский и с упрёком обратились к нам: как это вы нас не уведомили о приезде генерала Алексеева? — Нам было не до вас, господа, — ответили мы...

Более часа вёл Алексеев разговор со ставкой и когда вышел к нам, он имел утомлённый и старческий вид. Поздоровавшись с представителями округа, он попросил оставить нас одних. — На наш вопрос, как нам быть с передвижением войск в окрестности, он ответил, что не видит в этом нужды. Но — делайте, как знаете — махнул он рукой.

На вопрос о положении он сказал: еду в Оршу, а там посмотрим. Постараюсь, по мере сил, добиться мирного исхода конфликта... И тут неожиданно он произнёс горячее слово:

— Мы с вами, господа, люди разные и вряд ли поймём друг друга. Но, как старый человек, я скажу вам: больна Россия и смертельно больна её армия... Самочинные организации сеют раздор внутри армии, и она разлагается живо.

Мы, старые люди, мечтавшие о том, что в свободной России будет создана мощная армия, мы видим: грозный враг несёт гибель родине... Вся смута в стране, сепаратизм окраин — всё это дело хитрого и сильного врага.

Германский штаб ещё с 1879 года отпускает огромные суммы в секретный фонд по субсидированию украинофильского движения... А тут ещё эти солдатские советы, это постоянное вмешательство в командование, это преступное братание на фронте...

Если в начале речи мы почувствовали в этом генерале политика, принимающего близко к сердцу, по-своему, интересы России, то последние слова, сказанные с горечью, не могли не вызвать нашего отклика:

— Единственно, что организует русскую армию и спасает её от распада — это солдатские советы и комитеты. Пора увидеть и оценить это!..

Перед нами уже был утомлённый старик, который махнул рукой и сказал:

— Вы, господа, молоды!.. Послушайте мнения старых людей, любящих Россию и армию...

В автомобиле мы проводили Алексева в поезд. Остальное — известно¹⁰.

* * *

Назидательно-поучительные слова, что «пора увидеть и оценить спасительную роль солдатских советов и комитетов», сказанные двадцатилетним евреем — председателем совдепа седому генералу, характерны для того времени.

Вряд ли можно было во второй половине лета 1917 года найти хоть один «совет», «комитет», «бюро» или митинг, где не было бы евреев в качестве, если не «лидеров», то влиятельных членов и ораторов.

Во всех областях жизни, начиная с вопросов чисто военных, они принимали самое живейшее участие и с редкой самоуверенностью решали, как надлежит поступать и действовать в это бурное время военным и гражданским властям России, в границах которой они появились всего сто лет тому назад, как чужеродное тело, что они сами всячески подчёркивали своими самоизоляционными стремлениями, с одной стороны, и бурным ростом сионистских, т.е., эмиграционных, настроений, с другой стороны.

Естественный и оправданный вопрос, как согласовать активность русского еврейства в делах политических с недвусмысленно выраженным желанием эмигрировать из России, — этот вопрос не поднимали ни евреи, ни общероссийские партии и организации того времени.

И незначительное в России еврейское меньшинство, с первых же дней Временного Правительства, начало оказывать организованное и постоянное давление на весь ход государственной жизни России, производя это давление с позиций разных революционных организаций, но ещё не входя во

Временное Правительство или в высший командный состав многомиллионной русской армии.

В то же самое время, всё русское еврейство в целом, явочным порядком, осуществляло, так называемую, «национально-персональную автономию», подчёркивая тем свою обособленность от коренного населения той страны, в которой они жили и полные гражданские права которой получили в первые же дни Временного Правительства

Раздробленное на многие партии и группировки, чисто еврейские, русское еврейство в этом вопросе выступало, как единое целое, с редким единодушием.

И не только в вопросе статуса для еврейства, проживающего в России, но даже и в вопросе за какую из общероссийских партий евреям рекомендуется голосовать.

«За партии — не правее народных социалистов»... Так решил общееврейский конгресс весной 1917 года (в Финляндии).

Рассмотрение в отдельности многочисленных еврейских партий и организаций, существовавших на территории России среди шестимиллионного русского еврейства, не входит в нашу задачу — еврейство рассматривается в целом, как и они сами себя рассматривают, по отношению ко всему населению России — прежде и СССР — теперь.

Но всё же, здесь будет уместно сказать несколько слов о трёх основных направлениях еврейской идеологическо-теоретической мысли, существовавших в начале нынешнего столетия во всём еврействе диаспоры вообще, и в русском еврействе в частности, применительно к вопросу отношения к стране и народу, среди которых жила еврейская этническая группа.

1. Точка зрения «Всемирного Еврейского Союза», сформулированная его основателем — Адольфом Кремье, бывшим министром Французской Республики. Кремье утверждает, что не может быть немец, француз, англичанин «иудейского вероисповедания», а может быть и есть всегда только еврей, со всеми вытекающими отсюда последствиями: интересы еврейства, как целого, у еврея всегда должны быть на первом месте, независимо от того, подданным какого государства он является. (Полный текст воззвания Кремье приведён в ч. II, как отдельное приложение.)

2. Точка зрения «Сионистов-социалистов», объединяющая идеи сионизма, социализма и интернационализма, на почве единства расового и племенного, но отнюдь не религиозного. Они делают попытку согласовать все социальные противоречия и расхождения под флагом «сионизма, социализма и интернационализма». (Полный текст воззвания к еврейской молодёжи этих еврейских «Эс-Эс»-ов приведён в ч. II, в приложении.)

3. Третья точка зрения — это взгляд на Россию, как на своё отечество, свою родину, судьба и будущее которой неразрывно связано с судьбой и будущим русского еврейства. Созданное в начале 20-х годов в эмиграции «Отечественное объединение русских евреев за границей» сформулировало эту точку зрения в своём обращении «К евреям всех

¹⁰ Из книги Григория Аронсона «Россия в эпоху революции», Н. Йорк, 1966.

стран!», напечатанном в сборнике первом «Россия и евреи», вышедшем в Берлине в 1924 году (Издательство «Основа»).

Сборник этот был и первым, и последним, ибо самая мысль объективно изложить роль и степень участия русских евреев в революции была встречена всем еврейством вообще, а евреями — эмигрантами из России в частности, буквально в штыки и рассматривалась, как выступление, направленное против еврейства.

Заканчивалось приведённое выше обращение словами: «За Россию и против её губителей!.. За еврейский народ и против осквернителей его имени!...» (Полный текст обращения приведён в ч. II, в приложении).

Эта последняя точка зрения не имела много сторонников в дореволюционной России, ещё меньше — в годы революции, и совсем ничтожное количество среди евреев-эмигрантов.

Традиционное у евреев замалчивание недостатков и ошибок своего племени оказалось сильнее фактов и объективности, и наложило печать молчания на уста тех евреев, которые попытались было сказать правду в сборнике «Россия и евреи» и на многочисленных собраниях евреев-эмигрантов в начале 20-х годов в Берлине.

Всё же, многомиллионное русское еврейство, в основном, гравитировало или к первой точке зрения, или ко второй, принимая участие в революционных событиях после падения монархии в России, но не связывая, даже в мыслях, будущего русского еврейства с судьбами России.

Еврейская буржуазия стремилась закрепить «завоевания февраля», принёсшие ей неограниченные возможности распространения своей деятельности (экономической, культурной, политической) на всю территорию России.

Партия «Народной Свободы» (бывшие «Конституционалисты-Демократы») была той партией, куда устремилась еврейская буржуазия, после февральского переворота.

В этой партии и до революции было много евреев, не только рядовых членов, но и в возглавлении, а партийный орган «Речь», в основном, был в руках еврейских журналистов и публицистов.

Еврейская интеллигенция, не причисляющая себя к буржуазии, и еврейские рабочие (политически активные) свою политическую активность осуществляли или в рядах чисто еврейского «Бунда», или в революционных партиях общероссийских: эсеров, эсдеков, меньшевиков и большевиков, анархистов.

Зато, учитывая интересы всего еврейства в целом, все группы русских евреев, самыми быстрыми темпами, стали проводить в жизнь «национально-персональную автономию», сущность которой заключалась в том, что любая этническая группа независима от своей исторической национальной территории (или вовсе не имея таковой), могла требовать от государства не только разрешения, но и всемерной моральной и материальной поддержки всех видов национально-культурной деятельности своей замкнутой этнической группы.

Теоретически «национально-персональная автономия» относилась к *любой* этнической группе, но практическое значение она имела только для евреев, не имевших своей национальной территории, как её имели все остальные народности и племена России.

Они были рассеяны крупными и мелкими группами по всей России, особенно, к началу Революции, когда, в связи с военными событиями, черта оседлости практически перестала существовать и евреи — беженцы или выселенные с прифронтовой полосы — распространились по всей России.

И когда впоследствии сотни тысяч евреев переселились в Москву, то, на основании «национально-персональной автономии», для них были открыты школы, театры, газеты на еврейском языке, за счёт государства, а не за их собственный.

Ни одна другая этническая группа такой привилегией не пользовалась, хотя, в той же Москве было очень много украинцев, грузин, армян. Но, ни газет на их родном языке, ни театров и школ в Москве на государственный счёт не открывалось.

В пределах бывшей черты оседлости, в особенности на Украине, где евреев было очень много, исходя из той же «национально-персональной автономии», на средства государства сразу же были созданы многочисленные национально-культурные учреждения, существовавшие, правда, и раньше, но на средства самих евреев или, как частные предприятия.

* * *

Параллельно с этим, евреи, как уже упомянуто выше, принимали самое активное участие, как в национально-культурной деятельности общероссийской, так и в зарождавшихся в то время органах самоуправления отдельных областей и национальных территорий, многие из которых, через несколько месяцев, провозгласили своё отделение от России.

Так, например, с самого начала деятельности Украинской Центральной Рады, превратившейся вскоре в Правительство Независимой Украины, евреи неизменно принимали участие в её работе, выступая на ролях или представителей еврейского меньшинства или, как члены общероссийских партий.

Но главное и основное, что создавало предпосылки для влияния на общую политику и для давления на анемичное Временное Правительство — это были бесчисленные «совдепы» и «ревкомы», в которых евреи играли руководящую роль, как лично принимая участие в работе этих организаций революционного времени, так и потому, что Центральные Комитеты всех революционных партий (а других тогда не было) состояли из евреев, в подавляющем большинстве...

А Це-Ка партий давали директивы для работы всех «совдепов» и «ревкомов» по линии партийной дисциплины.

В то время — лето и осень 1917 года — наряду и параллельно с государственными учреждениями законными, преемственно воспринявшими

власть от царского правительства (с некоторыми персональными заменами), существовал и весьма разветвлённый аппарат власти самочинно созданных разных «советов» и «комитетов», никому не подчинявшихся, кроме центрального, всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, имевшего местопребывание в Петрограде, в котором подвизались **Нахамкес** и **Бронштейн-Троцкий**, о деятельности которых упомянуто выше.

Да и то, это подчинение далеко не было абсолютным и безоговорочным.

Характер деятельности разных провинциальных мелких «совдепов» и «ревкомов» зависел ещё и от того, какая из революционных партий в них имела большинство, ибо дисциплина по линии чисто партийной была крепче и сильнее, чем дисциплина «общереволюционная».

Единственно, в чём все «совдепы» и «ревкомы», начиная с Петроградского и кончая уездным, полковым, ротным или городским, были единомысленны и единодушны — это отношение к законной власти, как центральной (Временному Правительству), так и её органам на местах.

Все они её поддерживали или её распоряжения выполняли только постольку, поскольку это находилось в соответствии с мнением, настроением, «политической линией» совдепа или ревкома.

Это «постольку поскольку» буквально парализовало всякую деятельность всего государственного административного аппарата России, начиная с первых дней Временного Правительства, вплоть до его бесславного конца.

Формально ещё существовали и министры, и дипломатический корпус, и генералитет, и, сменившие губернаторов, «губернские комиссары», назначенные Временным Правительством, и милиция, сменившая прежнюю полицию, и директора заводов и предприятий...

Но ничего предпринять они не могли, без согласия и одобрения тех, кто заполнял совдепы и ревкомы, считая себя вправе вмешиваться во все действия законных властей, допуская их осуществление только «постольку поскольку» это не расходилось со взглядом и мнением «революционной общественности», т.е., всей разветвлённой сети совдепов и ревкомов.

Совдепы же и ревкомы, как уже указано раньше, состояли исключительно из представителей революционных партий: социал-демократов (меньшевиков и большевиков) и социалистов-революционеров (просто эсеров и «левых эсеров»).

В центральных же комитетах всех этих партий подавляющее большинство составляли евреи, как видно из списка в ч. II этой книги.

Но, имея преобладающее влияние в совдепах и ревкомах, евреи ограничивались тем, что оказывали «постоянное давление» на Правительство и его политику, сами никаких крупных постов не занимали и не добивались.

Так было до самого октябрьского переворота, когда всё в корне изменилось и евреи формально пришли к власти, которую они до этого осуществ-

ляли только косвенным путём — «давлением на Правительство».

Евреи в СССР

К моменту падения Временного Правительства — октябрь 1917 года — евреи, как упомянуто выше, заняли почти все руководящие роли в советах, комитетах, революционных партийных организациях и их центральных комитетах, авторитет которых, в широких массах населения, значительно превосходил авторитет Временного Правительства.

Но в Правительство они не входили, предпочитая оказывать на него давление в желательном для них направлении, но не беря на себя ответственности за его действия и общее направление политики.

Ни одного министра-еврея во Временном Правительстве не было, равно, как и ни одного дипломата-еврея не было назначено до самого октябрьского переворота и провозглашения Советской Власти.

И, в то же время, ни один министр, ни все министры вместе, не могли быть уверены, что их решения или распоряжения смогут быть осуществлены, если на это не было согласия, всемогущих тогда, совдепов и разных революционных комитетов.

В результате, когда наступил момент для решительных действий по защите того правопорядка, на страже которого должно было быть Временное Правительство — у него не оказалось для этого ни нужной решимости, ни сил.

В сравнительно короткий срок вся власть и в обеих столицах, и в армии (поскольку она ещё существовала, как организованная сила) оказалась в руках тех, кто до этого руководил совдепами и комитетами.

Вооружённое сопротивление было оказано только небольшими силами военных, в дни переворота, и, много месяцев спустя, антикоммунистическими армиями белого движения, которые, после долгой и упорной борьбы, победить не смогли. Власть осталась в руках Всероссийского Совдепа.

Из кого состояли совдепы и какую роль в них играли евреи — об этом сказано в предыдущем изложении, при описании периода Временного Правительства.

После провозглашения Советской Власти, лидеры совдепов и члены ЦК большевистской партии стали «Народными Комиссарами», заменивши бывших министров, или заняли руководящие посты во всех областях жизни России.

Подавляющее большинство составляли евреи, в чём нетрудно убедиться из списка лиц, занявших руководящие положения в аппарате новой власти.

Список этот помещён полностью во II части настоящего труда — приложение № 12.

Роберт Вильтон, англичанин, корреспондент газеты «Таймс», который 17 лет прожил в России и имел возможность наблюдать всё, что там происходило в годы революции, сообщает, что из **556** лиц, занявших руководящие посты во всех отраслях ад-

министрации — **447** были евреи.

В самом Петрограде, как уже упомянуто выше, по свидетельству методистского священника, долгие годы прожившего там, вплоть до 1919 года, правительственный аппарат состоял из **16** русских, и **371** еврея, причём, **265** из этого числа прибыли из Нью-Йорка.

Коммерческий атташе при посольстве США в Петрограде, пробывший там с июня 1916 по сентябрь 1918 года, свидетельствует по возвращении в США, что **две трети** большевиков составляют русские евреи (показание перед комиссией Овермана).

«Лондон Таймс» в номере от 5 марта 1919 года сообщает, что **75%** большевиков — это русские евреи (под словом «большевик» здесь разумеется не член партии большевиков, а лицо, занимающее ту или иную должность в административном аппарате).

Сообщения, приведённые выше, равно, как и много других, им аналогичных, подтверждается и евреями — исследователями этого вопроса, а также и самим Лениным, несомненно, хорошо знавшим роль евреев в создании каркаса советской власти и его укреплении.

Вот, что сказал **Ленин** в разговоре с **Диаманштейном**, комиссаром по еврейским делам при «Комиссариате по делам национальностей», возглавлявшемся, в начале Советской Власти, Сталиным:

«Большое значение для революции имело то обстоятельство, что за годы войны в русских городах осело много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции... Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжёлую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы.

Мы имеем, в данном случае, яркий пример действия особой социологической закономерности, которой подчинены перемены в экономической и социальной структуре рассеянного среди других народов этнического меньшинства: эта структура должна всегда соответствовать потребностям и нуждам народа большинства, потребностям и целям государства, политике правительства, интересам господствующих классов или групп¹¹».

* * *

Всё население России, и без этих слов Ленина, которые оно тогда не читало, видело, как, с молниеносной быстротой, совершилась замена правящего класса и как евреи превратились в советских вельмож, комиссаров и командиров, а за ними потянулись их многочисленные родственники и едино-

племенники, заполняя все государственные учреждения.

Вот, что пишет по этому вопросу **И.М. Бикерман**, известный русско-еврейский общественный и политический деятель:

«Русский человек никогда не видел еврея у власти: он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Были и тогда, конечно и лучшие, и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно.

Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахамкеса, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк.

Русский человек видит теперь еврея и судьёй и палачом. Он встречает евреев и не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но всё же, распоряжающихся, делающих дело советской власти: она ведь — всюду и уйти от неё некуда. А власть эта такова, что поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной.

Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждает в мысли, что нынешняя власть — еврейская и что потому именно она такая осатанелая. Что она для евреев и существует, что она делает еврейское дело, в этом укрепляет его сама власть¹²».

Дальше, в той же книге (стр. 11-12) Бикерман говорит: *«Русский человек твердит: жида погубили Россию. В этих трёх словах и мучительный стон, и надрывный вопль, и скрежет зубовой»...*

И констатирует, что *«волны юдофобии заливают теперь страны и народы, и близости отлива ещё не видно. Именно юдофобия: страх перед евреем, как перед разрушителем»...*

Как же на это всё реагируют евреи?

Не только, евреи, пребывающие в СССР или евреи, эмигрировавшие оттуда, но и все евреи вообще?

Бикерман отвечают следующими словами:

«Еврей на всё это отвечает привычным жестом и привычными словами: известное дело — мы во всём виноваты: где бы ни стряслась беда, будут искать и найдут еврея. Девять десятых из того, что пишется в еврейских современных изданиях по поводу евреев в России составляет только пересказ этой стереотипной фразы. Так как всегда и во всём мы, конечно, виноваты быть не можем, то еврей делает отсюда весьма лестный для нас и, на первый взгляд, весьма удобный житейский вывод, что мы всегда и во всем правы.

¹¹ Приведённое выше мнение Ленина было напечатано в книге еврея-коммуниста **Киржница** «Еврейский Рабочий». Москва, 1926 год, стр. 236. Повторено **Соломоном Гольдельманом** в «Юдише Галутвиртшафт». Прага, 1934-1935г. Приведено в № 4(32) «Вестника Института по изучению СССР», Октябрь-декабрь 1959 года, Мюнхен.

¹² «Россия и Евреи», Сборник первый, 1924 год, издательство «Основа», Берлин, стр. 22-23.

Нет, хуже: он просто отказывается подвергнуть собственному суду своё собственное поведение, отдать себе отчёт в том, что он делает и чего не делает, но, может быть, должен был бы делать. И, так как с разных сторон к нам предъявляют претензии, сыплются на нас упрёки и обвинения, то виноваты наши обвинители, виноват весь мир, виноваты все прочие, только не мы».

Приведённые выше высказывания И.М. Бикермана не являются выражением только его личного мнения по вопросу, над которым тяготеет *заговор молчания* — это мнение целой группы русских евреев-эмигрантов, нашедших в себе достаточно мужества прямо и открыто сказать правду на страницах печати.

Группа эта — малочисленная, но состоящая из высоко культурных людей, понявших, что есть вопросы, которых замалчивать нельзя, в начале 20-х годов создала в Берлине «**Отечественное Объединение Русских Евреев за границей**», выпустившее книгу, из которой приведены слова Бикермана о роли и значении евреев в создании того отталкивания от евреев всего населения России, которое Бикерман точно определил, как «*юдофобия*».

Слово это теперь заменено словом «антисемитизм», каковое нельзя признать правильным и точным определением тех чувств и настроений всего населения государства Российского по отношению к еврейской этнической группе, вызванных и порождённых деятельностью этой группы.

Не ко всем семитам существует отрицательно-критическое отношение населения России (не только русских, но и всего населения), а только к небольшой племенной семитской группе — евреям.

Самое достопримечательное в этой книге — «Обращение к евреям всех стран», напечатанное в начале «Сборника первого» (и последнего), выпущенного, упомянутым выше, «Отечественным объединением русских евреев за границей».

В этом обращении мировое еврейство (евреи всех стран) призывается отмежеваться от тех своих единоплеменников в России, которые своим поведением вызывают жгучую ненависть всего населения страны и тем создают психологические предпосылки для активных антиеврейских погромных настроений.

«И не только Россия — говорится дальше в обращении — Все, положительно все, страны и народы заливаются волнами юдофобии, нагоняемыми бурей, опрокинувшей Русскую державу. Никогда ещё над головой еврейского народа не скопилось столько грозowych туч...»

Выступление «Отечественного объединения русских евреев» не только не нашло отклика в широких кругах еврейства, но было встречено определённо враждебно: этого де вопроса касаться вообще нельзя, а кто его поднимает — тот действует против еврейства и еврейского народа...

И голос евреев, дерзнувших «вложить персты в рану» и честно, и открыто обсудить этот «больной вопрос», замолк и больше не поднимался до настоящего времени. Ни в СССР, ни в эмиграции. Несмотря на обилие в эмиграции периодических изда-

ний, находившихся и находящихся в руках евреев, но издающихся на русском языке.

Когда в России существовала «процентная норма» (оправданно или нет — этого вопроса не касаемся) вся печать была полна обсуждением и критикой этой «нормы», осуждая её безоговорочно.

А вот, когда наступило «обратно пропорциональное» отношение, т.е., когда незначительная численно еврейская этническая группа заняла в культурной и политической жизни России позиции обратно пропорциональные её численности и фактически превратилась в привилегированный «правящий класс» — тогда наступило молчание и этот вопрос был «снят с очереди».

И никто из многочисленных журналистов, публицистов и писателей — евреев, игравших огромную роль в периодической печати на русском языке, не счёл своим долгом поднять и всесторонне обсудить, прямо и открыто, этот вопрос...

А если кто-то из не-евреев пытался коснуться вопроса об «обратно пропорциональной» норме, фактически установившейся в СССР с начала Советской Власти — того обвиняли в «скрытом или явном антисемитизме»...

И тщетны будут попытки будущих исследователей эпохи первых 30 лет Советской Власти найти где-нибудь в крупнейших многотиражных газетах, выходивших на русском языке, а также, в «толстых» журналах, статьи и исследования об этой «обратной пропорциональности» и объяснение, как и почему получилось так, что представители этнической группы, всего в **2%** населения России, заняли, в среднем, около **80%** всех ключевых постов во всех областях жизни страны.

Случай доселе неизвестный в истории.

Только в народном эпосе это массовое проникновение евреев на командные должности нашло своё отражение в песнях и частушках, которые можно было слышать в то время:

«Чай — Высоцкого, сахар — Бродского; вся Россия — Троцкого» (все они евреи).

А на Украине была распространена песенка-пародия:

«Гоп мои гречаники! — Уси жида — начальники! — Гоп мои сири! — Уси жида нам на шью силы!»...

Но, как только советская власть укрепилась — железная рука Чека положила предел всяким проявлениям антиеврейских настроений.

Ещё 27 июня 1918 года в «Известиях» было опубликовано специальное постановление советского правительства об энергичной борьбе с «анти-семитизмом».

Надо полагать, что отрицательное отношение к евреям, называемое многими «антисемитизмом», приняло такие размеры, что понадобилось это специальное постановление, согласно которому, эти противники евреев (названные в постановлении «погромщиками») объявлялись «вне закона».

Руководствуясь этим постановлением, органы Чека, которые имели в своих рядах на руководящих постах много евреев, сами решали, кто «погром-

щик» и безжалостно их уничтожали, не производя суда и следствия и не ожидая пока «погромщик» чем-нибудь себя проявит.

А под понятие «погромщик» не трудно было подвести каждого, неугодного новой власти.

Кроме того, в том же 1918 году был издан декрет о «Красном терроре», открывавший самые широкие возможности для физического уничтожения лиц, неугодных новому режиму.

В порядке красного террора, подлежали уничтожению все те, «кто, по своему социальному происхождению и положению, а также, по своей прежней политической деятельности и профессии, в минуты, опасные для Советской Власти, *могли* стать в ряды её врагов».

И в первые годы Советской власти, особенно в годы Гражданской войны, невежественные и мстительные органы новой власти, основываясь на этом постановлении и декрете, «ликвидировали» — расстреляли — множество тех, кого они сочли нужным причислить к потенциальным врагам нового режима.

Вряд ли вообще когда-нибудь будет возможно привести точное число этих «ликвидированных».

Но что число это — огромно и превышает сотни тысяч, по мнению одних, и миллионы, по утверждению других — это не подлежит сомнению и не оспаривается даже теми, кто полностью одобряет такой метод борьбы с потенциальными (*возможными*) своими противниками и врагами.

Списки ликвидированных «в порядке красного террора» или как «заложников» иногда, но далеко не всегда, печатались в газетах и содержали сотни имён.

Но имя еврейское или вовсе не встречалось, или было редчайшим исключением, что, конечно, не могло не бросаться в глаза читающим эти списки.

Но, разумеется, об этом никто не смел произнести ни слова... Читали, думали, запоминали... И, само собой, приходила мысль о том, кто палачи, а кто жертвы...

В 1919 году, когда Киев, на короткое время, был взят Добровольческой Армией генерала Деникина, «Особая Следственная Комиссия Юга России», состоявшая из высококвалифицированных юристов, в объективности которых не может быть сомнения, установила, что Киевская Чека состояла на **75%** из евреев, а в списке расстрелянных Чека *ни одного еврейского имени не было* (список членов Чека и список расстрелянных приведен в части II).

В списке расстрелянных стоит имя и первого председателя Совета Рабочих Депутатов во время революции 1905 года Хрусталёва-Носаря, который резко осудил захват всей власти евреями и то «разбазаривание России», которое совершили члены ЦК большевистской партии при заключении Брест-Литовского мира.

Когда в августе 1918 года был убит в Петрограде **Урицкий**, «в порядке красного террора», было расстреляно **10 000** человек. Списки этих 10 000 были расклеены на стенах и заборах домов, прилега-

ющих к Гороховой № 2, где помещалось Чека.

Были ли они полностью напечатаны в газетах — установить в настоящее время, не имея доступа ко всем архивам, нельзя.

Но, что напечатанные на машинке списки, сохранившие 10 000 имён, были расклеены — об этом существует много свидетельских показаний и число это не оспаривается и сейчас в многочисленной мемуарной литературе.

Что бросалось в глаза при чтении этих списков — это полное отсутствие в них еврейских имён, хотя евреями к тому времени уже был переполнен Петроград, не говоря уже о многочисленных евреях — крупных капиталистах и «буржуях», живших на законном основании там и до революции.

Вот, что повествует об этом один из тех, кто тогда читал эти списки:

«Был я тогда рабочим Путиловского завода, ярым сторонником Советской Власти, за которую готов был горло перегрызть каждому, кто дурно о ней отзовётся. После убийства Урицкого буквально весь Петроград находился в состоянии и страха, и неуверенности. Шли массовые аресты. Никто не был уверен не только за завтрашний день, но и за ближайший час. Даже стопроцентные пролетарии и сторонники советской власти.

По городу шли слухи о массовом красном терроре, объявленном в отместку за Урицкого и для устрашения всех врагов рабоче-крестьянской власти. Проходя по Гороховой улице, моё внимание привлекли какие-то объявления, наклеенные на фасад дома №2, где тогда была Чека. Остановился и начал читать. Оказывается, это списки расстрелянных, в порядке красного террора, за убийство Урицкого...

Долго стоял я и читал эти списки. Кого там только не было: офицеры, помещики, домовладельцы, купцы, профессора, учёные, священники, студенты, даже ремесленники и рабочие... Но, что бросилось мне в глаза — в списках этих не было ни одного еврея... Хотя, всё это произошло из-за того, что один еврей — **Кенигиссер** убил другого еврея — Урицкого. «*Жида ссорятся, а наших — к стенке*», — подумал я. И сам испугался, как бы не сказать этого громко. Ведь тогда, да и многие годы после этого, за такие слова если не стенка, то «полная катушка» были обеспечены...

Впоследствии я кончил Рабфак, Институт, неплохо продвигался по службе, побывал во всех уголках необъятного Советского Союза. И всюду, и везде, до самой войны, видел одно и то же: «они» распоряжаются, казнят и милуют, командуют, а «наши» — ишачат, надрыываясь, и не смеют и пикнуть...

Только молча, исподлобья посмотрят на какого-нибудь Френкеля, который в синем салон-вагоне, сияющем электричеством, проносится по великой сибирской магистрали, проверяя, им же организованные лагеря принудительного труда, в которых его единоплеменники, если и есть, то только на командных должностях. Так было почти до самой войны. Так было и когда она разразилась, когда вторглись немцы и надо было их выбивать с рус-

ской земли.

На фронте, в строю мало было евреев. Зато в санчастях, в снабженцах их было полным-полно, а особенно в глубоких тылах — за Уралом. Они предпочитали «воевать» там. Конечно, были и исключения. Но исключений этих было не много. Офицеры и бойцы Советской Армии и всё население страны видели всё это; и неудивительно, что начали расти и крепнуть мысли критические о роли евреев в жизни страны. Новый «правлящий класс» оказался не на высоте.

То равноправие, которого они не имели при царском режиме, они получили после его свержения и ни одного голоса протеста не было слышно против этого. Но, не прошло и несколько лет, как равноправные превратились в привилегированных. Да ещё каких!.. Покрепче прежних князей и дворян...

В дворяне-то, прежде можно было выслужиться, даже в графы и князья... Мало ли было таких, что, по словам Пушкина, «прыгали из хохлов в князья»... А попробуй прыгнуть в еврея?.. Никак невозможно!

Обо всём этом, как-то, уже после войны, беседовали мы — несколько таких же, как я, бывших советских инженеров, оказавшихся в одном из беженских лагерей в побеждённой Германии. «Да, пановали они!» — сказал один из собеседников, украинец из Полтавы. — «Не пановали, а боговали», — поправил его земляк, харьковчанин... А когда я, как великоросс, переспросил, что это значит — он мне объяснил, что «боговать» — это значит жить, как боги...

Так, что же делать? Как с ними поступить, когда народ сможет свободно сам решать, как устроить жизнь в своей Стране? — задал вопрос один из нас. “От люльки до бороды!.. — сердито буркнул четвёртый наш собеседник, угрюмый и молчаливый мордвин, который когда-то с нами вместе учился на Рабфаке...

Мы все возмутились: ‘Как так? Как немцы?.. Ведь мы же не звери!..’ Не я один — все так говорили, когда видели их, с вещами и семьями в вагонах и машинах, а мы, ленинградцы, спасались от окружения пешком, бросивши всё... Попадись они тогда нам — в клочья бы разорвали... Мои все с голodu погибли в Ленинграде...”

Мы все замолчали. И вспоминали наши встречи с новым правящим классом. Вспоминал и я, может быть в сотый раз, списки на Гороховой улице...

А в это время один из собеседников вытащил из рюкзака Библию, которую не так давно получил от какого-то баптиста и старательно её изучал, и, обращаясь к нам, сказал: вот послушайте о том, что очень похоже на наши времена и на то, чего свидетелями и мы все были. И медленно, с чувством, прочитал «книгу Эсфирь». Мы слушали с затаённым дыханием...

Для нас, выросших при советской власти, не знавших ни Евангелия, ни Библии, это было откровением... Уничтожить безнаказанно в один день **75 000** человек только потому, что, по мнению евреев, они против них зло мыслили, но ничего не сдела-

ли... Разве это не тот же красный террор?.. И ещё, этот день праздновать из года в год!.. Просто не верилось, что нечто подобное могло быть в Священном Писании...

Долго ещё мы сидели и обменивались воспоминаниями и мыслями, начавшимися со списков на Гороховой и закончившимися чтением Библии. А “еврейского вопроса” так и не решили.

Поступить, как рассказывает Библия или, как на наших глазах поступил Гитлер — нельзя; но нельзя же и примириться с тем, что этот новый “правлящий класс” на веки вечные останется тем, что он стал после октябрьского переворота, а мы все и дальше в своей стране будем гражданами второго или третьего класса».

* * *

Приведённое выше повествование заслуживает того, чтобы над ним глубоко задуматься. Ведь, всё сказанное — не вымысел, не злостная пропаганда тех, кого называют «Антисемитами», а факты, имена, реальная картина того, что имело место в России, переименованной в СССР, в течение первых трёх десятилетий Советского режима когда, по словам еврея Бикермана, «русский человек видит еврея и судьёй, и палачом», когда все, без исключения, командные должности и руководящие посты государства, созданного русским народом, находятся в руках иноплеменного и инородного незначительного меньшинства, чуждого русскому народу по своему мирозерцанию, миропониманию и правосознанию.

Отрицать всё сказанное невозможно — ибо, действительно, так было.

Широкие народные массы всё это видели, но принуждены были молчать, запуганные жестокими мерами нового «правлящего класса», беспощадно подавлявшего все попытки проявления недовольства.

Не только каких-либо действий скопом — бунтов, демонстраций — но даже критики или обсуждения создавшегося ненормального положения, когда незначительное иноплеменное и иноверное меньшинство заняло все командные посты в жизни великой страны.

Вот, что читаем мы по этому вопросу в книге «Россия и евреи» (стр. 63) в статье И. Бикермана:

«И всего меньше она (новая власть) может допускать нападения скопом на евреев; она хорошо ведь знает, что от разгрома евреев один только шаг до разгрома власти, глубоко ненавидимой и считаемой еврейской. Еврейский погром объявлен, поэтому, делом контрреволюционным, то есть, направленным против советской власти».

То, что эти слова написаны евреем и напечатаны в еврейском сборнике заслуживают особого внимания.

Но, как только наступал момент, когда новая власть где-нибудь теряла свою силу, настроения революционных, красногвардейских масс выливались в жесточайшие еврейские погромы, как это имело место в **Глухове** и **Новгород-Северске** в 1918 году.

«Эти погромы количеством жертв, нарочитым зверством и издевательствами над замученными превзошли известный погром в Калуше в 1917 году, произведённый революционными солдатами... красные войска не раз порывались расправиться с евреями и, во многих случаях, это им удавалось; нередко были тогда и невоенные погромы: громили евреев горожане, крестьяне, вернувшиеся с фронта солдаты... Погромы тогда (1918 г.) не только были, но и совершались безнаказанно... Советская власть замолчала и глуховскую, и новгород-северскую резню, виновных не нашла, ибо не искала»¹³...

Так обстояло дело с еврейскими погромами, объявленными «контрреволюцией», в первый год власти нового правящего класса.

Ни обуздать, ни предотвратить их она не могла, несмотря на несомненную революционность, подчинённых ей вооружённых сил страны, во главе которых тогда стоял Бронштейн-Троцкий, и множество комиссаров — пропагандистов евреев.

Настроения масс были таковы, что, как указано выше, власть не решалась производить расследование и наказывать виновных — «погромщиков», которые были объявлены «вне закона» и подлежали расстрелу на месте.

Ещё резче и определённое проявились антиеврейские настроения масс в конце 1918 и в 1919 году на Украине и в районах, где шла гражданская война.

Еврейские погромы сопутствовали вооружённым силам украинских националистов — «петлюровцев», «махновцев», разных «атаманов» за всё время их деятельности в эти бурные годы.

Причём, погромы производились воинскими частями и сопровождалась невероятными жестокостями.

Наиболее известный из этих погромов — погром в **с. Проскурове**, который учинили регулярные войска Украинской Народной Республики, правительство которой состояло из украинских социал-демократов марксистов и имело в своём составе министра-еврея, киевского адвоката **А. Марцелина**.

4 марта 1919 года командир «Запорожской Бригады», расположившейся под Проскуровым, 22-х летний атаман **Семесенко**, отдал приказ истребить всё еврейское население города Проскурова. В приказе указал, что покоя в стране не будет, пока останется жив хоть один еврей.

5 марта вся бригада, разделившись на три отряда, с офицерами во главе, вступила в город и начала истребление евреев. Врывались в дома и вырезали поголовно целые семьи.

За целый день, с утра до вечера, было вырезано три тысячи евреев, включая в это число женщин и детей (по другим данным, вырезано 5 000). Убивали исключительно холодным оружием — саблей, кинжалом.

Единственный человек, погибший в Проскурове от пули, был православный священник, кото-

рый с крестом в руках пытался остановить «запорожцев» и был застрелен одним из их офицеров.

Через несколько дней атаман Семесенко наложил на город Проскуров контрибуцию в 500 тысяч рублей и, получив её, поблагодарил в приказе «украинских граждан Проскурова» за оказанную ими поддержку «Армии Украинской Народной Республики».

Эта резня происходила буквально под носом у Украинского Правительства, находившегося тогда вблизи — в Виннице — и никаких мер против погромщиков не предпринявшего. Ни во время погрома, длившегося целый день, ни после погрома, ни впоследствии.

Проскуровские погромщики остались безнаказанны. Безнаказанными остались и все остальные погромы того времени, произведённые «петлюровцами» в **180** населённых пунктах на территории Украины, во время которых истреблено несколько десятков тысяч евреев.

По одним данным — свыше **25 000**; по другим — до **ста тысяч**.

Перечислить все погромы, с обозначением числа жертв, не позволяют ни объём настоящего труда, ни отсутствие строго проверенных данных.

В основном, все они были сходны проскуровскому, отличаясь только числом жертв и степенью организованности и прямого участия чинов армии Украинской Народной Республики.

Не меньшей жесткостью отличались и погромы, учинённые в это время разными «атаманами», не находившимися в подчинении Украинского Правительства: **Григорьевым, Соколовским, Зелёным, Ангелом** и другими.

Особенно же прославились в этом отношении партизаны **Махно**, называвшие себя «анархистами», каковыми они и были до лета 1918 года, когда всю свою ярость обратили на уничтожение евреев.

Центральный Комитет Анархистов, как известно, состоял почти исключительно из евреев. Евреи были и ближайшие сотрудники Махно в начале его движения: **Каретник, Демонский, Шнейдер** и др.

После февральской революции в большом и торговом селе Гуляй Поле, Екатеринославской губернии, родном селе Нестора Махно, анархиста-террориста, анархисты приобрели особое влияние; местный Совдеп, а также, совдепы близлежащих городков и сёл состояли почти исключительно из анархистов.

Среди них было немало евреев и никаких к ним враждебных чувств остальные анархисты не проявляли и даже выдвигали их на командные должности.

В тревожные месяцы перед оккупацией Украины немцами (начало 1918 г.) анархисты имели даже свои, анархистские боевые отряды и отдельные роты анархистов для борьбы с режимом Украинской Центральной Рады и её союзниками — немцами.

Среди этих отрядов была и еврейская рота, под командованием **Тарановского**, имевшего бли-

¹³ Стр. 64 сборника «Россия и евреи», Берлин, 1924 г.

жайшими сотрудниками **Лёву Шнейдера** и **Лемонского**, людей, по словам Махно, «неустойчивых и склонных приспособляться».

Когда соединённые украинско-немецкие силы приближались к Гуляй Полю, навстречу им были высланы «вольные батальоны» анархистов-коммунистов с заданием остановить и отбросить наступавшего врага, а в самом Гуляй Поле осталась дежурной по гарнизону еврейская рота.

Эта рота не только не защищала Гуляй Поле, но сразу же перешла на сторону украинско-немецких сил и приняла самое активное участие в разгроме Революционного Комитета и Совдепа и в арестах отдельных анархистов и им сочувствующих, которых евреи роты, как местные жители, хорошо знали.

Это выступление еврейской роты произвело огромное впечатление на всё окрестное население и породило, неизвестный раньше в Гуляй Поле (по словам Махно), «антисемитизм» и лютую ненависть к евреям вообще.

В своих воспоминаниях (вышедших в Париже в 1937 году) Нестор Махно рассказывает о своих попытках бороться с этими антиеврейскими настроениями крестьян и рабочих и о слабом успехе этих попыток.

Массы кипели ненавистью к евреям, им не верили и, при первой возможности, учиняли над евреями расправы не менее кровавые и зверские, чем это делали украинцы-петлюровцы.

И слово «махновец» стало таким же синонимом погромщиков — истребителей евреев, как и слово «петлюровец».

Из кого же состояли эти «махновцы» и «петлюровцы»?

Да из того же самого деревенского и городского пролетариата, который пошёл за новой советской властью и одобрял всецело её политику, кроме одного — еврейского вопроса.

В этом вопросе, при малейшем ослаблении власти, население проявляло свои антиеврейские настроения.

Многочисленное еврейское население Украины, на территории которой тогда хозяйничали или «петлюровцы», или «махновцы», настроения эти хорошо знало и не могло ожидать ничего доброго ни от одних, ни от других.

Единственно, при советской власти евреи могли рассчитывать на личную безопасность, да и то, не всегда, как это имело место в Глухове и Новгород-Северске, формально находившихся под властью советской, при которой, всё же, произошли кровавые погромы.

Неудивительно поэтому, что евреи, выбирая из всех зол наименьшее, отдавали предпочтение (это не значит — и симпатии) власти советской, которая их не уничтожала физически, хотя и приносила им ущерб материальный.

Но этот материальный ущерб с избытком компенсировался тем, что новая власть, состоявшая преимущественно из их единоплеменников, широко открыла для евреев возможности занятия выгодных

материально и удовлетворявших евреев морально самых различных должностей в новом аппарате государственной власти.

Население это видело и, не без основания, считало, что наступила «их» — еврейская власть.

А, так как эта новая власть предъявляла к населению требования, которые население считало и несправедливыми, и невыносимо тяжёлыми — то всё недовольство выливалось в антиеврейские настроения, которые сдерживались только страхом перед «суровыми наказаниями за проявление «анти-семитизма».

Таково было, в общих чертах, положение в той части России (на Украине), где разыгрывались события гражданской войны, во время которой власть, во многих местах, неоднократно менялась, причём, во время этих смен особенно отчётливо выявлялись симпатии евреев, как правило отдававших эти симпатии красным, а не их противникам, даже в том случае, если эти противники несли с собой восстановление права собственности и того социального строя, при котором многие евреи богатели и процветали.

В 1919 году Киев был занят частями Добровольческой Армии ген. Деникина, восстановившими полностью прежний социальный порядок, в том числе и право собственности многочисленных евреев, жителей Киева.

Через несколько месяцев, части 12-й Красной Армии прорвались в предместья Киева. Появилась угроза, что весь город будет занят красными. И киевляне, уже пережившие один раз власть красных, тысячами устремились через мост (на Днепре) на левый берег, находившийся во власти Добровольческой Армии.

Много тысяч киевлян, всех возрастов и всех социальных положений, перешло тогда этот мост. Но среди них нельзя было увидеть ни одного еврея. Хотя Киев тогда был полон богатейших евреев, весьма далёких от симпатий к коммунистическо-социалистическим мероприятиям, провозглашённым новой властью.

Это отсутствие евреев среди беженцев обращало на себя всеобщее внимание... И вспоминалось, что, всего два месяца тому назад, были оглашены списки расстрелянных, в порядке красного террора, киевлян, равно, как и списки членов Чeka, производивших эти расстрелы.

Среди первых — ни одного еврея. Среди вторых — их было подавляющее большинство.

А когда, в декабре того же, 1919-го года, «белые» из Киева ушли и его, на долгие годы, заняли «красные» — киевские евреи, даже «социально чуждые и враждебные», быстро приспособились к новым порядкам и заняли немало мест в учреждениях и комиссариатах новой власти.

Эпизоды, аналогичные или сходные описанным выше эпизодам в Гуляй Поле и Киеве, можно было наблюдать — в разных вариантах и степенях — и во многих других местах, при сменах власти, когда, в процессе гражданской войны, её захватывали красные или их противники.

Своим поведением, при всех этих сменах, основная масса многочисленного в этих районах, еврейства ясно и недвусмысленно показала, на чьей стороне её симпатии или, выражаясь точнее, к какой из сменяющихся властей еврейство относится наименее отрицательно.

Здесь имеется в виду именно масса еврейства, а не группы политически активные, как в политической и общественной жизни еврейской, так и общероссийской, в которой евреи принимали самое горячее участие.

Политически же активные группировки евреев сразу же отчётливо определили своё отношение к власти нового «правлящего класса», в котором обладали их единоплеменники.

Чисто еврейский марксистский «Бунд», куда не допускались не-евреи, всегда и неизменно был на стороне новой власти в борьбе с её противниками: «белым движением» всех оттенков, а также, украинскими и другими националистами-сепаратистами, не исключая и украинских социал-демократов-марксистов, войск Украинской Народной Республики.

Общероссийские партии социал-демократов и социалистов-революционеров, в рядах которых было много еврейской интеллигенции, а в центральных органах — евреев было большинство, в разгар Гражданской войны, в 1919 г., вынесли решение прекратить всякую борьбу против советской власти и все свои силы направить на борьбу с её врагами и на дезорганизацию и разложение тылов «белого движения».

Решение этих двух партий, получивших абсолютное большинство при выборах в Учредительное Собрание, разогнанное Советской Властью, заслуживает особого внимания, при рассмотрении роли и значения русского еврейства в создании и сохранении Советской Власти в России.

Той роли, которую отметил Ленин в своём разговоре с Диаманштейном, сказавши, что «евреи спасли советскую власть».

Что решение этих двух крупнейших и дисциплинированных партий сыграло немалую роль в деле одержания победы «красных» над «белыми» — не подлежит сомнению.

Партийная дисциплина толкнула многих колеблющихся эсдеков и эсеров, бывших в оппозиции и не одобрявших всех методов советской власти, в ряды активных защитников этой самой власти и к вступлению добровольцами в Красную Армию.

И не только рядовых членов этих партий, но и таких, которые были выдвинуты партиями на ответственные посты ещё в период Временного Правительства.

Так, например, меньшевик-«бундовец» **Соломон Шварц** при Временном Правительстве был назначен директором департамента Министерства. Пост этот был «генеральский». Директор департамента, по занимаемой должности, был «особа IV класса» — «его превосходительство».

Но, когда, разогнанное большевиками, Временное Правительство разбежалось без сопротивле-

ния и началась Гражданская война, Соломон Шварц, повинаясь призыву своей партии, добровольно поступил в Красную Армию, в которой и провоевал до демобилизации, борясь на стороне той власти, которая разогнала и Учредительное Собрание, и Временное Правительство.

Впоследствии С. Шварц выехал за границу и стал одним из активных членов партии меньшевиков, а его жена, «Вера Александрова», была постоянным сотрудником «Социалистического Вестника» и редактором «Чеховского Издательства» в Нью-Йорке.

Шварц и немало других его единоплеменников — эсдеков и эсеров — в годы Гражданской войны не словом, а делом спасали советскую власть, что признал и сам Ленин.

Спасение же советской власти, как известно, проводилось мерами жесточайшего террора, чем вызывались соответствующие настроения в широких народных массах.

А когда, по словам Ленина, «евреи спасли советскую власть», евреи же создали и каркас этой власти и тем дали основание народу отождествлять советскую власть с властью еврейства.

К чему это привело рассказывает **С. Маслов**, лидер и основатель новой партии, созданной после 1917 года — партии «**Крестьянская Россия**», в прошлом эсер, то есть, член той партии, которая, при выборах в Учредительное Собрание, получила большинство.

«Это действительно факт, что в городах Южной России, по многу раз переходивших из рук в руки, появление советской власти наибольшую радость и наибольшее показное сочувствие вызывало в еврейских кварталах, нередко только в них одних»¹⁴...

В той же книге С. Маслов пишет следующие строки:

«Юдофобство — одна из самих резких черт на лице современной России. Может быть, она — даже самая резкая. Юдофобство везде — на севере, на юге, на востоке, на западе. От него не гарантирует ни уровень умственного развития, ни партийная принадлежность, ни племя, ни возраст... Я не знаю, гарантирует ли от него даже высота общего морального облика современного русского человека. Погромом пахнет в воздухе. Напряжённая ненависть к евреям не может не окончиться им в переходной период между падением советской власти и укреплением власти-преемницы»...

То же самое об антиеврейских настроениях во всей России, в том же 1922 г., более обширно пишет **Е. Кускова** в своей статье «Кто они?», напечатанной в «Еврейской Трибуне» в 1922 году (статья, как приложение, помещена во II часть настоящего труда).

Заподозрить Е. Кускову, известную общественную деятельницу, народную социалистку, в

¹⁴ «Россия после четырёх лет революции». С. Маслов, 1922 г.

отрицательно-пристрастном отношении к евреям никак нельзя. За всю свою долгую жизнь она была юдофилкой и сотрудницей многих еврейских периодических изданий.

И не со злорадством, а с чувством глубокой горечи повествует она об антиеврейских настроениях в Советской России, не входя, однако, в рассмотрение причин, породивших эти настроения.

А четверть века спустя, в середине 50-х годов, в статье **Давида Бурга** мы читаем следующие строки:

«В случае свержения советского режима, есть опасность, что в период неизбежного безвластия, в результате настроений населения, евреи будут поголовно истреблены физически».

То же самое, что и Д. Бург, говорит в своей книге «Кремль, евреи и средний восток» известный исследователь еврейского вопроса **Джудд Л. Теллер**:

«Еврей должен с трепетом думать о моменте, который наступит после свержения коммунистической власти. Это будет самая чёрная и самая кровавая ночь в жизни еврейства»...

Приведённые выше высказывания четырёх авторов, из которых два — русские «левого» направления, бывшего всегда неотделимым от юдофильства, а два другие — евреи, писавшие 25 лет спустя, говорят об одном и том же — о наличии и даже росте антиеврейских настроений в СССР.

И, что характерно, настроения эти охватили те круги русской интеллигенции, которой они всегда были чужды, на что обращает внимание Е. Кукова в упомянутой выше своей статье «Кто они?»

Чужды были они среди учащейся молодёжи России, которая в годы войны почти полностью заменила кадровых офицеров, превратившись в офицеров военного времени, а, с началом гражданской войны, составила основные кадры белого движения, в которые влилось множество студентов, гимназистов, реалистов, вообще никогда военными не бывших.

Если не все, то подавляющее большинство этих «белогвардейцев» были сыновья русских интеллигентных семей.

Однако, в годы гражданской войны антиеврейские настроения были характерны среди этой молодёжи и нередко выливались в недопустимые эксцессы, с которыми было бессильно бороться начальство.

Эксцессы эти порождали отталкивание от белого движения даже тех евреев, которым оно несло защиту их собственности и правопорядок, нарушенный революционными событиями.

А таких евреев, противников социалистических экспериментов и революционной ломки социального порядка, среди еврейской буржуазии было немало.

Но их не было в белом движении. Ни в рядах, боровшихся на фронте, ни среди тех, кто морально поддерживал и оправдывал это движение.

«Еврей в белом движении так же редок, как белая ворона», — сказал как-то с горечью своим единоплеменникам еврей **Д. Пасманик**, всецело под-

держивавший вооружённую борьбу с Советской властью.

Антиеврейские эксцессы в районах, занятых белой армией, были, и их не отрицает никто. Даже **Деникин**, в своих «Очерках Русской Смуты» (том V, стр. 145) пишет о них и резко осуждает.

Однако, анализу причин, породивших эти эксцессы, он не уделяет много внимания, хотя это и чрезвычайно важно для правильного понимания этого вопроса, то есть, объяснения (это не значит и оправдания) антиеврейских эксцессов в рядах белого движения.

Объяснение, установление причин — вовсе не значит и оправдание действий этими причинами порождённых.

Антиеврейские настроения в среде культурной и образованной русского народа, сыновья которой пошли в белое движение, появились не сразу, а нарастали постепенно, под влиянием событий мировой войны и революции.

Патриотическое настроение, охватившее всю Россию, а молодёжь — в первую очередь, в начале войны еврейством в целом было воспринято скептически, хотя, как это уже упомянуто в предыдущем изложении, в основном, оно и было сторонником войны против Германской и Австрийской монархий, в надежде, что поражение этих империй приведёт и к переменам во внутренней политике России, в смысле благоприятном для еврейства.

Поэтому русские евреи и были формально лояльны, но это вовсе не значит, что они испытывали патриотический подъём.

Россия не была, в их понимании, родиной, а только страной временного пребывания. Родина же — это Палестина, земля обетованная, в возвращение в которую их учили верить с детских лет.

Если прибавить к этому наличие ограничений для евреев в русской армии, то станет понятным стремление, даже лояльных евреев, уклониться от поступления в ряды защитников России. И их за это не осуждали и никаких антиеврейских настроений, в основном, это не порождало.

Совсем по-иному реагировала русская интеллигентная молодёжь, находившаяся в рядах армии, на пораженческую пропаганду, в которой заметную роль играли евреи, впоследствии доставленные немцами в

пломбированных вагонах в Россию.

Для этой молодёжи Россия была их родиной, защищать которую она пошла в начале войны, и пораженческая пропаганда вызывала в ней чувства глубокого негодования и возмущения.

Такие же чувства и настроения были не только у молодёжи, но и у людей старших поколений, независимо от их политических установок и партийных симпатий.

Даже, находившиеся в эмиграции революционеры — непримиримые враги царского правительства, осознавши, что родина — в опасности, нередко сами добровольно являлись в Россию и заявляли, что считают своим долгом принять участие в защите родины.

Так, например, поступил **Хрусталёв-Носарь**, бывший председатель Совета Рабочих Депутатов в 1905 году, осуждённый на ссылку и бежавший от туда за границу.

А его товарищ Председателя, **Бронштейн-Троцкий**, сидел в это время в Нью-Йорке и занимался пораженческой пропагандой, полезной только немцам, причём, в этой пропаганде ему помогали его многочисленные единоплеменники, многие из которых, впоследствии, прибыли в Россию «углублять революцию»: **Урицкий**, **Володарский** и много других.

Так же, как и Хрусталёв-Носарь, поступил и известный революционер и террорист **Владимир Бурцев** и немало других эмигрантов — врагов царского режима, но среди них не было евреев, не только евреев-«пораженцев», что и понятно, но и евреев-«оборонцев».

«Оборонять» они предпочитали, сидя в эмиграции и всячески подрывая авторитет того правительства, которое вело (правда, не совсем удачно) борьбу не на жизнь, а на смерть со вторгшимися в Россию немцами.

А когда, весной 1917 года, все эти «оборонцы» прибыли в Россию (в plombированных вагонах или на специально зафрахтованных американским евреем пароходах) — у этих «оборонцев» не нашлось даже слова осуждения пораженческой пропаганде, доходившей до призыва убивать всех тех, кто стоит за оборону (за продолжение войны), провозглашённого Нахамкесом, тогда ещё бывшим не большевиком, а меньшевиком.

Выступление Нахамкеса осталось безнаказанным, хотя его партийные единомышленники и единоплеменники, в то время, могли без труда положить этому предел и тем спасти жизни многих тысяч молодых русских патриотов, боровшихся с врагом на фронте.

Целый легион маленьких нахамкесов на всех необъятных просторах России и в действующей армии, и в её тылах занялись натравливанием тёмных солдатских масс на всех тех, кто не желал поражения родной страны, в первую очередь, на офицеров.

Конечно, далеко не все, кто вёл пораженческую пропаганду и призывал к убийству офицеров, были евреи. Но, что их было очень много и что они, своей пропагандой, много содействовали разложению армии — это вряд ли можно оспаривать.

Какие чувства и настроения вызывало всё это, не только в офицерской среде, но и во всём населении России, давшем своих сыновей на её защиту — объяснить не надо.

А когда работа по разложению армии была закончена — от имени России поехали в Брест-Литовск заключать позорный и унижительный мир с немцами четыре еврея: **Троцкий**, **Иоффе**, **Карахан** и **Каменев**...

И никто из их единоплеменников, составлявших тогда большинство Совдепа, не догадался обратить внимание на несколько своеобразный племенной состав делегации...

Но зато, на это обратила внимание вся Россия

и сомнительно, чтобы когда-либо это было забыто.

Память русского народа не хуже памяти еврейского народа, который и по сей день ежегодно «вспоминает» своего врага — Амана и прославляет Мардохея и Эсфирь, сумевших добиться уничтожения в один день 75 000 тех, кто, по мнению евреев, был их врагом...

Чувства глубокого национального унижения и оскорбления испытывала тогда вся Россия, всё население великой страны, вся её культурная часть, независимо от политических взглядов и партийной принадлежности.

Особенно остро и больно переживала молодёжь, жертвенно защищавшая родину на фронте и теперь, при новой власти, ставшая объектом насмешек, издевательств, мучений, и самосудов распропагандированной массы, при полном не только попустительстве, но и одобрении новой власти, нового правящего класса, состоявшего из иноплеменников с чуждым русскому народу миропониманием и правосознанием.

Не удивительно, что всё это породило антиеврейские настроения там, где их не было раньше, и вызвало пересмотр отношения русской интеллигенции к евреям, о чём подробно пишет Кускова в упомянутой выше своей статье.

Кровавые расправы «в порядке красного террора» с бесчисленными жертвами, расстрелянными без суда и следствия, причём, евреи играли слишком заметную роль — ещё больше усилили и обострили эти антиеврейские настроения и создали предпосылки для вооружённой борьбы, вылившейся в белое движение.

Августовские дни 1918 года, когда за убийство одного еврея другим евреем было расстреляно 10.000 не-евреев, всё население России твёрдо помнило.

И когда, спасаясь от кровавого правосудия **Штейнберга**, **Урицкого**, **Володарского** и им подобных, русская молодёжь повела борьбу в рядах белого движения, встречая всюду на своём пути следы расправ, подобных расправе за убийство Урицкого и наблюдая нескрываемые симпатии еврейского населения к тем, кто учинял эти расправы, — то нередко доходило до эксцессов, с которыми было бессильно бороться командование.

Но эксцессы эти носили несколько иной характер, чем деятельность украинских вооружённых сил или махновцев, поголовно вырезавших еврейское население отдельных местечек и городов.

Эксцессы «белых» — это были, главным образом, самовольные «реквизиции», трудно отделимые от обычного грабежа, и сопровождалась они нередко и убийствами евреев, у которых производились подобные «реквизиции».

А, кроме того, немало было и случаев расстрелов обнаруженных сотрудников Чека или политкомиссаров и активных членов коммунистической партии, по указанию местных жителей.

А так как вышеприведённые категории врагов «белых» изобиловали евреями, то естественно, что большинство расстрелянных были евреи.

Случаев же, чтобы целая воинская часть, под командой своих офицеров, занималась систематическим истреблением евреев, включая стариков, женщин и детей в «белом» движении не было.

Это можно утверждать с достоверностью, ибо, если бы они были, то о них, несомненно, были бы сведения в мемуарной литературе и в периодической печати.

Но, из этого не следует, что «белые» не были, в массе своей, настроены определённо юдофобски и что антиеврейские чувства не проявлялись при встречах с еврейским населением занимаемых областей.

Вообще в то время (первое трёхлетие советской власти) антиеврейские настроения были господствующими. И у петлюровцев, и у махновцев, и у «белых», и у зелёных, и даже в Красной Армии, которой командовал Троцкий.

Как только дисциплина в Красной Армии ослабевала — сейчас же красноармейцы учиняли еврейский погром не хуже петлюровцев и махновцев.

Охватили эти настроения тогда все просторы России, все слои населения, начиная с тёмных крестьянских и рабочих масс и кончая кругами высококультурными.

Нередки были случаи проявления юдофобских настроений даже среди членов коммунистической партии не-еврейского происхождения.

Лозунги: «Советы без жидов!» или «Коммуна без жидов!» — были тогда очень распространены и отражали настроение широких масс.

А, в это самое время, еврей **Свердлов** был всемогущим руководителем всей внутренней политики, еврей **Бронштейн-Троцкий** стоял во главе всех вооружённых сил страны, еврей **Штейнберг** — ведал советским правосудием, еврей **Гольдендах-Рязанов** формулировал идеологические обоснования нового строя, еврей **Апфельбаум-Зиновьев** был фактическим диктатором в Петрограде, еврей **Губельман-Коген-Ярославский** ведал борьбой с религией, а оба заместителя председателя Чека Дзержинского были евреи — **Трилиссер** и **Ягода**.

Для нового правящего класса, переполненно-го евреями, настроения эти, конечно, не были секретом и уже в первый год советской власти было приступлено к борьбе с юдофобией, называемой «антисемитизмом». Борьбе мерами запрещений и устрашений, но отнюдь не мерами изучения причин и их устранения.

Самая мысль о том, что одной из причин может быть и сам еврейский народ и его особенности, вообще не допускалась и считалась «антисемитизмом».

Если бы в те времена кто осмелился сказать, что *«евреи несут антисемитизм или юдофобию с собой»*, как это когда-то сказал **Спиноза**, а не так давно повторил **Арнольд Тойнби**, известный историк — его бы причислили к «погромщикам» со всеми отсюда вытекающими последствиями...

Рисковать своей свободой или даже жизнью никто не хотел... А потому, все молчали...

Власть нового правящего класса к этому (еврейскому) вопросу была особенно чувствительна и беспощадно карала не только открытое проявление антиеврейских настроений, но даже и малейший на них намёк.

Слово «жид», громко кем-нибудь произнесённое, могло повлечь за собой большие неприятности, хотя в украинском, белорусском и польском языках евреев называют «жидами» даже сами евреи, говоря о себе.

Слово это можно встретить и в произведениях русских писателей, печатавших свои произведения до 1917 года, например, у Тургенева, Толстого и других, однако, никто их антисемитами не называл.

Но, при новой власти это слово люди боялись произносить.

Страх перед словом «жид» породил один анекдот того времени, авторство которого приписывается **Собельсону-Радеку**, одному из советских «вельмож»:

«Раньше говорили подЖИДаю трамвай; теперь надо сказать подЕВРЕИваю трамвай».

Действительно ли Собельсон автор этого анекдота — утверждать нельзя, но, что он был автором многих «еврейских» анекдотов — общеизвестно, как и то, что приведённый выше анекдот был широко распространён по всей России.

Население всей страны в то время ещё твёрдо помнило декрет новой власти от 27 июня 1918 года, гласивший:

«Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона»...

Было население и свидетелем многочисленных кровавых расправ на основании этого декрета. И «антисемитизм» был приведён в молчание.

Но, до «пресечения в корне» было далеко. Антиеврейские настроения остались. Только были загнаны внутрь.

Авторы книг об «антисемитизме» в Советском Союзе (например, **С. Шварц**) утверждают, что декрет 27 июня 1918 года «вскоре утратил всякое значение».

Как доказательство, они указывают на отсутствие в Уголовном Кодексе 1922 года и в последующих его редакциях специального указания на «антисемитизм» и на замену квалификации этого уголовного преступления общей фразой: «возбуждение национальной вражды».

Но это «доказательство» никого не убеждало, и все отлично понимали в чём дело. Понимали, а потому, молчали.

Это-то молчание и дало основание Соломону Шварцу, автору книги «Антисемитизм в Советском Союзе» (Н.-Йорк, 1952, Чеховское издательство) утверждать, что в начале 20-х годов «волна антисемитизма спала».

Согласиться с этим утверждением довольно трудно. И сам Шварц, в той же книге, обширно пи-

шет о «новой волне антисемитизма» во второй половине 20-х годов — но о причине появления этой новой волны не пишет ничего.

А, между тем, в действительности, антиеврейские настроения в широких массах населения, в частности, среди рабочих, отчётливо стали проявляться тотчас же после того, как евреи заполнили весь административный аппарат в России уже в начале 1918 г., ещё до, упомянутого выше, декрета от 27 июня 1918 г. о борьбе с «антисемитизмом».

В «Известиях» от 28 апреля 1918 года было напечатано пространное постановление Исполнительного Комитета Московского Совета «по вопросу об антисемитской погромной агитации в Москве и Московской Области».

Параграф 2-ой этого постановления гласит: «признать необходимым не создавать особой боевой еврейской организации».

Особые боевые организации начали самочинно создаваться в Москве, наполнившими её евреями, с целью вооружённой борьбы в случаях, когда, по их мнению, им угрожают «черносотенцы».

На этой почве во многих учреждениях, на фабриках и заводах отношения между евреями и остальными рабочими и сослуживцами обострились до крайних пределов.

Потребовалось вмешательство власти и срочный роспуск, уже созданных еврейских боевых дружин, чтобы предотвратить назревавшие кровавые столкновения.

Вопрос об этих еврейских боевых дружинах теперь старательно замалчивается. Но наличие параграфа 2-го, приведённого выше постановления, свидетельствует, что вопрос об этих дружинах обсуждался, что значит, что он был тогда актуален.

Хотя, в постановлении и не говорится о роспуске уже созданных дружин, а только о «необходимости их не создавать», но москвичи отлично знали, что немало еврейских боевых дружин уже было создано и были распущены, только после этого постановления.

Дальнейшие мероприятия и декреты Советской Власти по еврейскому вопросу, а также, кровавые расправы Чека с «врагами режима», к каковым причислялись все «антисемиты», нагнали такой страх на всё население России, что, как выразился С. Шварц, «волна антисемитизма спала».

Но, после введения НЭПа и некоторого общего послабления, пришедшего вместе с НЭПом, население несколько осмелело и опять поднялась волна антиеврейских настроений, как известная реакция на положение евреев при новом строе, при котором они превратились в привилегированную этническую группу и, по отношению к коренному населению России, держали себя далеко не всегда тактично.

В голодные годы «военного коммунизма», когда всё население голодало или недоедало, когда распределялась американская помощь организации АРА, население видело, в качестве переводчиков и сотрудников при американцах, почти исключительно евреев.

И у него создавалось убеждение, что помогают прежде всего евреям — «своим». А так как распределение помощи, в значительной степени, зависело от правительственных органов или переводчиков, а те, и другие, в большинстве были евреи — у населения это порождало соответствующие чувства по отношению к последним.

А, кроме того, в те годы еврейские благотворительные организации развили за границами страны деятельность по оказанию помощи голодающим в России, причём, эта помощь, весьма значительная, шла только и исключительно евреям.

Население это видело и делало из своих наблюдений выводы, далеко не благоприятные для евреев, хотя, скованное страхом, и молчало.

Видело население Москвы и тот неудержимый поток евреев, хлынувший в Москву при новой власти, и наблюдало, как в переполненной Москве, при остром жилищном кризисе, для новых москвичей находились помещения и квартиры.

Не укрылось от внимания населения и отношения новой власти, провозгласившей, что «религия есть опиум для народа», к религии православной и иудейской.

Еврей **Губельман-Ярославский** весьма рьяно боролся с христианской религией вообще, а с православием, в особенности, расхищая («конфисковывая») церковное имущество и организовывая разного рода кощунственно-скоморошеские выступления «безбожников».

Но синагоги оставались нетронуты и их имущество не «конфисковывалось». Не видали москвичи и пародийно-кощунственных выступлений в дни еврейских религиозных праздников...

Конечно, не одни только евреи составляли армию «воинствующих безбожников», главкомом которой был Губельман. Было у него немало способных и ретивых сотрудников и помощников и из русских.

Некоторые из них составили себе неплохую карьеру на «безбожнической деятельности» и стали даже членами Союза Советских Писателей.

Спрос на богохульную литературу тогда был очень велик, и награды, и гонорары за неё привлекали многих выдвинутых в литературе, делавших свою карьеру на произведениях, написанных в духе и стиле главы 39-й романа **Л.Н. Толстого** «Воскресение».

До революции эта глава была запрещена цензурой, но широко распространялась по всей России нелегально.

В особое привилегированное положение были поставлены и студенты-евреи, когда (в 1923 году) происходили во всей стране массовые исключения студентов «по социальному происхождению».

Исключали, даже с последних семестров, студентов, если устанавливалось их происхождение не пролетарское.

Сыновья не только дворян и помещиков или офицеров и чиновников царского времени, купцов и промышленников, людей свободных интеллигентских профессий, священников, диаконов и даже

дьячков — все исключались без права поступления в какое-либо другое высшее учебное заведение.

В связи с этими исключениями, периодическая печать писала о многочисленных случаях самоубийств исключённых.

Но евреев не исключали и самоубийств, на этой почве, не происходило.

Новый правящий класс, в правительственное распоряжении о «чистке» по признаку происхождения, внёс клаузулу, что студенты, представители «нацменьшинств», чистке не подлежат, ибо они были угнетаемы и преследуемы при старом режиме. Это и было применено ко всем студентам-евреям.

Конечно, всё, изложенное выше, не осталось незамеченным населением страны и, как результат, появились антиеврейские настроения там, где их раньше не было и где их можно было меньше всего предполагать: в среде рабочих, среди молодёжи — студенческой и комсомола — даже среди членов коммунистической партии и новой бюрократии не-еврейского происхождения.

Это вовсе не был «антисемитизм» или юдофобия в старом понимании этого слова, т.е., вражда и ненависть по признаку расы и религии. Это было чувство неприязни и отталкивания к привилегированному классу, который отождествлялся с еврейством.

Несомненно, играло известную роль, особенно в культурной части населения, и оскорблённое национальное чувство русского народа, от имени которого был подписан «похабный» и позорный Брест-Литовский мир с немцами — подписан четырьмя евреями, с лёгкостью пошедших на этот мир.

Во второй половине 20-х годов, когда «подъём волны антисемитизма» стал особенно заметен, печать забила тревогу. Начали появляться статьи о недостаточно энергичной борьбе с этим явлением, о появлении в рабочей среде «опасных рецидивов национализма».

В начале мая 1928 года агитпропколлегия ЦК ВКП обсудила вопрос о мероприятиях по борьбе с антисемитизмом и наметила следующие предложения:

- 1) Включить в программу партпросвещения вопрос о борьбе с антисемитизмом;
- 2) Необходимо шире и систематически разоблачать классовую подоплёку антисемитизма, используя для этой цели художественную литературу, театр, кино, радио и ежедневную прессу;
- 3) Партия должна создать атмосферу общественного презрения к антисемитизму.

Кроме этих положений общего характера, специальная комиссия агитпропколлегии выработала также ряд конкретных предложений, подлежащих утверждению ЦК ВКП;

- 1) Создание специально подготовленного персонала для борьбы с антисемитизмом;
- 2) Включение темы о борьбе с антисемитизмом в школьные учебники, фильмы, периодическую печать и литературу;

- 3) Организация публичных прений и докладов об антисемитизме.

Но, несмотря на все эти постановления и рекомендации, по словам исследователя этого вопроса Соломона Шварца, «для действительной борьбы с антисемитизмом, компартия не находила в себе достаточной решимости».

О причинах этой «недостаточной решимости» другой исследователь и автор трудов об антисемитизме **Лурье-Ларин** пишет следующее:

«Ложный стыд выпячивать еврейский вопрос (чтобы этим не развить антисемитизм ещё больше) приводит фактически к смазыванию борьбы с буржуазным контрреволюционным вредительством на этом участке идеологического фронта».

Проявлением же антиеврейских настроений (называемых С. Шварцем «антисемитизмом»), а также, публичных прений по этому вопросу в то время было немало на всей территории Советского Союза.

Много антиеврейских выступлений и высказываний на публичных собраниях приводит в своей книге «Антисемитизм в Советском Союзе» Соломон Шварц.

Не имея возможности привести всё, написанное по этому вопросу г. Шварцем полностью, приводим эти данные со значительными сокращениями. Вот несколько случаев проявления настроений населения:

1) «Из разных частей страны приходят сообщения, что среди студентов советских учебных заведений стало обычным, говоря о евреях, употреблять слово «жид».

2) «В Харькове даже студенты-коммунисты заражены антисемитизмом и часто спрашивают, почему для евреев не вводится в высших учебных заведениях процентная норма».

3) «Собрание студентов-коммунистов в Киеве потребовало введения процентной нормы для евреев при приёме в Университет. Требования это предварительно обсуждалось в заседании бюро Комсомола».

Все приведённые выше сообщения относятся к 1928 и 1929 году, т.е., к тому времени, когда студенчество было сплошь пролетарского происхождения — сыновья рабочих и крестьян, что заслуживает особого внимания.

Ведь это — настроения тех, кто впоследствии занимали разные должности в администрации и в культурной и хозяйственной жизни страны.

Сходные студенческим были и настроения в рабочей среде. Так, например:

1) В Ленинграде на заводе «Лит» антисемиты, под руководством мастера-инструктора начали с криков по адресу рабочих-евреев: «жиды!»... Потом на стенах уборной был вычерчен лозунг: «Бей жидов, спасай Россию!»... Потом, вдохновившись безнаказанностью, избили кирпичами т. Меллера, потом т. Елашевича и ряд других евреев.

2) Другой случай, тоже ленинградский: на заводе им. Марти член бюро коллектива этого завода пригрозил комсомольцу-еврею, выступавшему про-

тив него на собрании: «Если ты, жидовская морда, посмеешь ещё раз выступить, я с тобой разделаюсь»...

3) В Керчи на консервной фабрике «Воля Труда» группа рабочих преследовала чернорабочего-еврея Гутмановича... били его проволокой по спине... А антисемит Ничугин, в присутствии предфабкома и толпы рабочих, кричал: «Если этого жидёнка не уберут от нас, я его задушу»...

4) В Харькове на Госспиртзаводе № 2, во время перерыва на завтрак, возник спор евреев с не-евреями, во время которого один из спорящих, рабочий, комсомолец Добрынин, крикнул еврею-рабочему: «Вы хотите в вузы, в школы попасть? Это вам не удастся!»... А подошедший комсомолец, кандидат КП(б)У, студент сельскохозяйственного рабфака Аникеев продолжил: «Эй ты, жидовская морда, что тебе здесь нужно? Пришёл забирать хлеб у нашего брата? Мы вам, жида, покоя не дадим. Был бы 20-й год я бы с тобой расправился. Все вы — спекулянты. Ещё и сюда пришли работать»...

5) Предместкома Кузьмичёв, член ВКП, при обсуждении вопроса об увольнении русского рабочего за избивание рабочего-еврея (в магазине Мосторга) заявил: «Мы не допустим, чтобы, из-за жида, увольняли русских»¹⁵...

В той же книге С. Шварц приводит и речь **М. Калинина** по еврейскому вопросу, произнесённую им в ноябре 1926 года. Калинин сказал следующее:

«Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это — вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полуинтеллигентская еврейская масса. Как нация угнетённая, никогда не бывшая в управлении, она естественно устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление...

В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом, по сравнению со своей численностью и начала работать в органах управления. Для еврейского народа, как нации, это явление (т.е. широкое участие евреев в «революционных органах») имеет громадное значение, и, я должен сказать, значение отрицательное.

Когда на одном из заводов меня спросили: почему в Москве так много евреев? — я им ответил: если бы я был старый раввин, болеющий душой за еврейскую нацию, я бы предал проклятию всех евреев, едущих в Москву на советские должности, ибо они потеряны для своей нации.

В Москве евреи смешивают свою кровь с русской кровью, и они для еврейской нации со второго, максимум с третьего поколения потеряны — они превращаются в обычных русификаторов» (стр. 16-17 упомянутой выше книги).

¹⁵ Все приведённые выше случаи проявления антиеврейских настроений в студенческой и в рабочей среде взяты из книги С. Шварца «Антисемитизм в Советском Союзе», стр. 21, 22, 28.

Почти одновременно с выступлением М. Калинина, 2 декабря 1926 года в Москве, в помещении консерватории состоялся митинг, посвящённый еврейскому вопросу. На этом митинге проф. **Юрий В. Ключников** сказал следующее:

«Уже февральская революция (1917 г.) установила равноправие всех граждан России, в том числе и евреев. Октябрьская революция пошла дальше. Русская нация проявила самоотречение. Создалось определённое несоответствие между количественным составом евреев в Союзе и теми местами, которые в городах евреи временно заняли...

Вы видите, как по всей Москве настроились мелкие будочки с хлебом и колбасой, являющиеся еврейскими. Вот вам первоисточник этого недовольства. Когда русские видят, как русские же женщины, старики и дети мёрзнут по 9-11 часов на улице, мокнут под дождём над ларьком Моссельпрома, и когда они видят эти, сравнительно тёплые, еврейские ларьки с хлебом и колбасой — у них появляется ощущение недовольства...

Это явление упускать из виду нельзя. С этим нужно считаться. У жителей больших городов может появиться это сторожкое чувство, поскольку страшно нарушена пропорция и в государственном строительстве, и в практической жизни, и в других областях между численным составом евреев и населением.

Если бы у нас в Москве не было жилищного кризиса — масса людей теснится в помещении, где нельзя совершенно жить; а, в то же время, вы видите, как люди приезжают из других частей страны и занимают жилую площадь. Это — приезжие евреи...

Дело — не в антисемитизме, а в том, что растёт национальное недовольство, национальная сторожкость, настороженность других наций. На это не надо закрывать глаза. То, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет.

Массы говорят, что слишком много евреев в Москве. С этим считайтесь, но не называйте это антисемитизмом»¹⁶...

Вопрос всё растущих случаев проявления резко антиеврейских настроений всё больше и больше тревожил власть, и она бросила все силы на борьбу с этим явлением, ибо она не могла не понимать, что под угрозой ставилось самое существование власти и правящего класса, состоявшего тогда преимущественно из евреев.

По всей стране начала вестись разъяснительная работа по этому вопросу. В процессе этой разъяснительной работы проводились «консультации по антисемитизму», об одной из которых, состоявшейся в августе 1928 года в Москве в «кабинете партработы одного из райкомов Москвы», сообщает председательствовавший на ней Лурье-Ларин в своей, упомянутой выше, книге «Евреи и антисемитизм в

¹⁶ Приведённый выше отрывок из речи проф. Ключникова взят из стенограммы Лурье-Ларина, который на этом митинге присутствовал и лично стенографировал слова проф. Ключникова, которые и привёл на страницах 124-125 своей книги «Евреи и антисемитизм в СССР», Ленинград-Москва, Госиздат, 1929 г.

СССР».

На собрании-«консультации» присутствовали несколько десятков рабочих из различных московских промышленных предприятий: «передовики-партийцы», комсомольцы и несколько «сочувствующих», словом, весь человеческий материал, из которого формируется партийный, комсомольский и профсоюзный актив.

На «консультации», после доклада-разъяснения председателя (Лурье-Ларина) участники подавали записки-вопросы, чрезвычайно характерные для определения настроения присутствующих.

В своей книге Ларин-Лурье приводит полностью 6 вопросов-записок, которые заслуживают того, чтобы привести их дословно:

- 1) Почему евреи не хотят заниматься тяжёлым трудом?
- 2) Почему евреи везде устраиваются на хорошие места?
- 3) Почему евреев много в вузах, не подделывают ли они документы?
- 4) Не изменят ли евреи, в случае войны, и не уклоняются ли они от военной службы?
- 5) Почему евреям дали хорошую землю в Крыму, а русским — где похуже?
- 6) Отыскивать причину антисемитизма следовало бы в самой еврейской нации, в её нравственном и психологическом воспитании.

Примерно, в таком же духе и все остальные «вопросы-записки». Ни в одной из них нельзя обнаружить мотива расово-религиозного, упоминаний о том, что евреи распяли Христа — мотивов характерных для подлинного антисемитизма в старом, классическом понимании и аргументации дореволюционных противников евреев.

Во всех «вопросах-записках», в той или иной редакции, ясно звучит момент экономический — недовольство привилегированным положением еврейской этнической группы при новом режиме.

Из описанных выше выступлений трёх видных коммунистов — двух русских (Калинина и Ключникова) и одного еврея (Ларина-Лурье) — видно, насколько серьёзно и угрожающе стоял тогда (в конце 20-х годов) еврейский вопрос в Советском Союзе. И власть, не без оснований, забила тревогу.

В условиях коммунистического режима, обсуждение этого вопроса в печати было немыслимо.

Возможно было только одностороннее его освещение, с точки зрения правящего класса, которое сводилось к сообщениям в печати, да и то, редко, об отдельных случаях проявления недовольства той «обратно-пропорциональной процентной нормой», которая установилась при новом строе, причём, эти случаи назывались «рецидивом черносотенства», «выходками погромщиков» или «буржуазно-капиталистическим вредительством».

Ни спорить, ни опровергать, ни обосновывать антиеврейские настроения тогда никто не мог и не смел.

Когда же, в самом конце 20-х годов и начале 30-х, начались пятилетки и коллективизация, которым сопутствовали крутые меры правительства по отношению ко всем недовольным или саботирующим новые мероприятия (или, по мнению власти, могущим стать таковыми) — тогда, как будто, всё утихло и открытых проявлений антиеврейских настроений стало значительно меньше (что не значит, что исчезли и антиеврейские настроения).

Это видимое успокоение и принял С. Шварц за «спад волны антисемитизма».

Каковы же были подлинные настроения широких народных масс, ни С. Шварц, ни Лурье, ни многочисленные евреи правящего класса узнать не могли. По той причине, что «то, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет», — написал в своей книге С. Шварц, цитируя речь проф. Ключникова...

Вряд ли можно сомневаться и в том, что, «что скажет еврей еврею, того он русскому не скажет».

В этом, может быть, и лежит причина той осторожности, а иногда и отталкивания, которые характерны в русско-еврейских отношениях за всё время пребывания евреев в границах русского государства.

Конечно, в этом отношении были и исключения, но исключения, как известно, только подтверждают общее правило. Хорошо ли это или плохо — об этом судить не приходится. Но и отрицать это явление (хорошее или плохое) тоже нельзя. Оно существует.

Только в частной жизни, в разговорах людей, безусловно, доверяющих друг другу, люди иногда нарушали молчание и более или менее откровенно высказывали своё недовольство. Да иногда в состоянии возбуждения вырывались неосторожные фразы и слова, за которые многие жестоко поплатились.

В литературе того времени, которая, казалось бы, должна была отображать народные настроения, над «еврейским вопросом», точнее, над вопросом недовольства ролью евреев в государстве, было «табу» и его вообще не затрагивали.

А если кто из советских писателей того времени в своих литературных произведениях в бытовых сценах, стараясь быть возможно реалистичнее, писал то, что могло быть истолковано, как проявление «антисемитизма» — это влекло за собой последствия весьма неприятные для автора и ему приходилось на страницах печати оправдываться и выражать своё *«восхищение еврейским народом»*, как это пришлось сделать писателю **Борису Пильняку** в 1931 году.

История этого «покаяния», в кратких словах, такова: в своём рассказе «Ледоход», написанном в 1924 году и вошедшем в Собрание его сочинений, изданное в 1929 году Госиздатом, Пильняк рассказывает о занятии отрядом «повстанцев» небольшого городка на Украине.

Атаман отряда — анархист, но комиссар отряда — коммунист; в отряде регулярно получают и читают «Известия» и отряд живёт жизнью советских повстанцев. Но «жидов» вешают и в городке

устраивают еврейский погром, который Борис Пильняк описывает так:

«К утру в городке начался еврейский погром, всегда страшный тем, что евреи, собираясь сотнями, начинают выть страшнее сотни собак, когда собаки воют на луну, и гнусной традиционностью еврейских перин, застилающих пухом по ветру улицы...» (том 3, стр.81).

Тогда (до самого конца 20-х годов) положение было таково, что, по словам Лурье-Ларина, приведённым в предыдущем изложении, существовал «ложный стыд выпячивать еврейский вопрос, чтобы не развить антисемитизм ещё больше».

Надо полагать, что по этой причине на страницах печати не появилось никаких протестов или возражений в связи с содержанием рассказа «Ледоход» и этот рассказ был даже включён в собрание сочинений Б. Пильняка в 1929 г.

Но, его не забыли. О нём вспомнили в начале 30-х годов, когда, в результате крутых мероприятий правительства, населению были замкнуты уста, наступил, по словам С. Шварца, «спад волны антисемитизма» и можно было забыть о «ложном стыде выпячивания еврейского вопроса».

24 июня 1931 года в «Известиях», в статье **М. Горького** «Об антисемитизме» было и упоминание о рассказе Пильняка «Ледоход», разумеется, с указанием на то, что этот рассказ свидетельствует о пассивно-толерантном отношении автора к крайним проявлениям «антисемитизма».

Существовавшее тогда в Москве «Еврейское Телеграфное Агентство», сокращенно **ЕТА**, немедленно телеграфировало об этом в Нью-Йорк и на следующий же день в «Нью-Йорк Таймс» появилась соответствующая заметка об отношении к «антисемитизму» Бориса Пильняка, который находился тогда в США.

Через десять дней, 5 июля 1931 года, в том же «Нью-Йорк Таймс» был напечатан протест Б. Пильняка против обвинения его в «антисемитизме».

В этом протесте Пильняк высказывает своё «восхищение еврейским народом», категорически отвергает, что у него когда-либо были неприязненные чувства к евреям, указывает, что его произведения были переведены на «идиш и иврит» и сообщает, что его бабушка была еврейкой...

Антиеврейские настроения широких народных масс, которые явились, в результате превращения евреев в привилегированное «сословие», как пишут многие евреи — исследователи этого вопроса, были «активны, массовы и стихийны».

Называют они эти настроения «антисемитизмом», хотя, как указано выше, с подлинным антисемитизмом они ничего общего не имеют.

И, может быть, невольно и бессознательно, некоторые талантливые писатели и поэты того времени, рисуя типы отрицательные, вызывающие страх и ненависть, изображают их евреями, дают им еврейские имена.

Так, например, прославленный поэт **Сергей Есенин** написал следующий диалог:

Замарашкин:

Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И чёрт с тобой, что ты жил
За границей...
Всё равно — в Могилёве твой дом.

Чекистов:

Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара...
И приехал сюда не как еврей,
А, как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячу лет.

За это своё произведение Есенин, насколько известно, никаких неприятностей не имел и ему не пришлось писать в «Таймс» о своём «восхищении евреями».

Наоборот, нью-йоркские русские евреи восхищались им и, во время его пребывания в Нью-Йорке, чествовали его в Бронксе в одном частном доме. Под конец ужина, сильно подгулявший Есенин начал вести себя не совсем прилично и начал «давать волю рукам».

Желая его утихомирить, хозяева и остальные гости схватили его за руки и намеревались связать. Есенин отбивался и не давался... Подбежал к открытому окну и истошным голосом начал кричать: «Спасите! Жиды режут!.. Бей жидов, спасай Россию!»...

Инцидент был, конечно, замят и никаких последствий для Сергея Есенина не было.

Другой известный советский поэт, **Эдуард Багрицкий** (одесский еврей), написал «Думу про Опанаса», в которой есть следующие крамольные строки:

Я бежал из продотряда
От Когана, жида.

По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище.

Глянет вправо, глянет влево,
Засопит сердито:
Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!..

Ну, а кто поднимет бучу —
Не шуми, братишка!..
Усои в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка.

«Дума про Опанаса» не вызвала никаких откликов, хотя в ней и стоит слово «жид», считавшееся тогда проявлением «антисемитизма». Но и поэт был еврей.

Все три, приведённые выше, выдержки из произведений советских писателей и поэтов были написаны и напечатаны в первое десятилетие власти нового правящего класса — до конца 20-х годов.

Во втором десятилетии ничего подобного на

страницах печати в СССР найти нельзя.

Начались пятилетки и коллективизация, сопровождавшиеся такими мероприятиями правительства, которые крепко замкнули уста всех недоброжелателей; и население станы боялось не только говорить, но и подумать о «еврейском вопросе».

Наступила тишина, которую С. Шварц называет «спадом волны антисемитизма». Народ молчал... Но это не значит, что он не видел и не мыслил...

Когда-то Шевченко сказал: «народ молчит... ибо благоденствует»... Замолчал народ и под властью «династии Кагановичей»...

Было ли это молчание результатом «благоденствия» или молчал, скованный страхом, — это народ выявил только в конце 40-х и начале 50-х годов, когда, по словам Давида Бурга, настроения населения СССР были таковы, что, в случае свержения Советской Власти, в момент неизбежной при этом анархии, все евреи «будут попросту перебиты»...

А правительство СССР, после победоносной войны, учитывая эти настроения, постепенно стало заменять племенной состав правящего класса, назначая и выдвигая на ответственные посты представителей коренного населения страны.

Назвать это «антисемитизмом» — это значит намеренно и сознательно искажать действительность.

Не следует ли причину настроения населения искать в «обратной пропорциональности» племенного состава правящего класса с коренным населением (меньше 2% евреев в стране и больше 80% среди правящего класса), а также, в поведении самих евреев, составивших, после 1918 года, привилегированную часть населения России?

Но вопрос этот, как уже упомянуто выше, старательно замалчивался.

Причину отлично понимали все евреи, как в СССР, так и за границей, но в объяснениях того явления, которое они называли «антисемитизмом», причина эта не фигурировала.

Однако, при внимательном чтении статей и исследований, написанных евреями на русском языке в эмиграции в разных периодических изданиях и отдельных книгах, ясно проскальзывает почти **панический страх** перед возможностью ослабления или падения власти, которая сдерживает «антисемитов» и не допустит до погромов и избиения евреев.

Не имея возможности привести здесь много сходных и аналогичных высказываний авторов — русских евреев, ограничимся некоторыми выдержками из очерка «Евреи и советская диктатура» помещенного в ежегоднике «Еврейский Мир» (1939 год).

Очерк написал **Семён Осипович Португейс**, подписавшись русским псевдонимом «Степан Иванович» (в эмиграции Португейс был редактором с. д. журналов «Заря» и «Записки социал-демократа» и др. социалистических органов печати на русском языке).

Вот что пишет «Степан Иванович»:

«За границей многие верят, что в России нет антисемитизма, и, на этом основании, благорасполагаются к советской власти. Но в России знают, что это — неправда и, зная, что это неправда..., уповают на долголетие советской власти, которая как-никак до погромов не допускает и, как надеются, не допустит».

За границей относятся благосклонно к советской власти, потому что верят в эту рекламу: “в СССР нет антисемитизма”; в России относятся благосклонно к советской власти и очень боятся её смерти, потому что не верят в эту рекламу и знают, что в СССР антисемитизм есть... но до погромов Сталин не допускает и, надеются, не допустит».

В другом месте той же статьи «Степан Иванович» пишет следующие строки:

«Падение советской власти будет для евреев катастрофой, и всякий друг еврейского народа должен с ужасом отбросить такую перспективу»...

Приводя в своём очерке, цитированные выше, объяснения поддержки евреями советской власти, «Степан Иванович» лично с этим не солидаризируется, но приводит их, как «типичные и весьма распространённые мнения, как среди еврейства в СССР, так и еврейства, пребывающего вне границ СССР, а также, друзей еврейского народа во всём мире».

Свой очерк «С. Иванович» написал после 20 лет пребывания его единоплеменников на положении правящего класса СССР, почти накануне 2-й мировой войны, а напечатан был сборник «Еврейский Мир» в том году, когда Сталин заключил свой пакт с Гитлером, причём, этот пакт был одобрен и Коминтерном, в котором евреи играли далеко не последнюю роль.

Ещё большую роль играли тогда (в годы предшествовавшие этому пакту) евреи в иностранной политике СССР — подавляющее большинство полпредов были евреи, равно как и ответственных работников Народного Комиссариата Иностр. Дел.

И только, за несколько месяцев до подписания пакта с Гитлером, Сталин заменил на посту Комиссара Иностранных Дел еврея **Финкельштейна-Литвинова** русским **Молотовым** (правда, **женатым на еврейке**, при этом, политически весьма активной).

Сделано это было в угоду Гитлеру, ибо он мог не согласиться вести переговоры с евреем Финкельштейном.

Из каких соображений и побуждений евреи, руководившие тогда и политикой СССР, и Коминтерном, пошли на соглашение с Гитлером до сих пор не выяснено. Этим вопросом, надо полагать, займутся будущие историки, которым будут доступны архивы и данные, в связи с этим пактом.

Нам, современникам, судить об этом трудно. Мнения по этому вопросу — различны и противоположны.

Одни придерживаются мнения, что руковод-

ство СССР считало столкновение с Германией неизбежным и, заключая пакт с Гитлером, хотело это столкновение отсрочить и выступить только тогда, когда Германия будет ослаблена войной с Западом, на каковую войну Гитлер пойдёт только обеспечивши себя пактом с СССР, что и произошло в действительности.

Правда, расчёты не оправдались. Запад от сентября 1939 года и до июня 1941 года не смог создать фронт, который бы связал Гитлера, и тем дал ему возможность совершить нападение на СССР, повлёкшее за собою неисчислимые жертвы, как человеческих жизней, так и материальные.

Но, теоретически, расчёт этот нельзя не признать логичным, разумеется, при предпосылке неизбежности столкновения Германии и СССР.

Но существует и другое мнение: что руководство СССР вооружённый конфликт с Германией не считало неизбежным, во всяком случае, в близком будущем, и что, учитывая, настроения масс, а также, тенденции нового союзника — Гитлера, возможен и крутой поворот политики СССР в еврейском вопросе: ради сохранения власти, возглавление СССР принесёт в жертву евреев, несмотря на то, что оно само состоит почти сплошь из евреев.

На первый взгляд, это мнение звучит парадоксально. Но, при внимательном чтении высказываний русских евреев-эмигрантов в период, непосредственно предшествовавший заключению пакта с Гитлером, мы находим немало высказываний, подтверждающих это парадоксальное мнение.

Так, например, в упомянутой выше книге «Еврейский Мир», 1939 год, стр. 51, мы читаем следующее:

«Если диктатура, возвращающаяся ныне к некоторым национальным традициям Московской Руси и Императорской России, сочтёт полезным для себя и для своей власти над умами и душами подданных прибегнуть к этой традиции гонения на евреев, если ей понадобится этот “опиум для народа”, то ни в прошлом, ни, тем более, в настоящем, советской власти нет для этого абсолютно никаких препятствий.

Права, гарантированного чем-нибудь, права не быть громимыми, не быть отданными в жертву «народному негодованию» — такого права у русских евреев нет сейчас, да и никогда при большевизме не было. Был только весьма большой шанс на это, но не было на это никогда права».

Написано это было в конце 30-х годов, т.е., в период максимального заполнения евреями всех ключевых позиций в культурной, экономической и политической жизни СССР, когда «династия Кагановичей» доминировала в правящей верхушке страны.

В чём усмотрел автор приведённых выше строк (Португейс-Иванович) «возвращение к национальным традициям Московской Руси и Императорской России», он не объясняет или пытается обосновать свои опасения следующими словами:

«Как явствует из материалов, собранных и опубликованных Г. Аронсоном, советская власть уже стала стесняться, приписываемого ей юдо-

фильства и ожидания, и в ряде фактов обнаруживается её активное и последовательное стремление совершенно замолчать существование в СССР евреев.

Евреев стали систематически выселять даже из текста таких официальных документов, в которых обозначены десятки мельчайших народностей и племён, самое имя которых стало только недавно известным. Советская власть перестаёт, так сказать, “отвечать за евреев”. Они стали явно стеснительными для того курса на “любовь к отечеству”, на “народную гордость” и шапками-закидайловский “патриотизм”, который ныне столь глуповато и дубовато проводится в СССР».

Беря в кавычки понятия «патриотизм», «народная гордость» и «любовь к отечеству» авторы, приведённых выше высказываний, тем самым, выражают и своё субъективно-еврейское отношение к чувствам любви к отечеству, народной гордости и патриотизма русского народа, создавшего величайшее в мире государство, в границах которого немало евреев до 1917 года создали себе завидное материальное положение и получили образование, а после 17-го года, стали вельможами великой страны и распорядителями её судеб.

Как известно, патриотизм каждый народ, а еврейский — в особенности, культивирует и им гордится.

Почему же патриотизм народа русского не находит одобрения у Португейса и Аронсона? — этого они не объясняют, а попросту выражают достаточно отчётливо своё к нему отрицательное отношение.

Это неизменно отрицательное отношение евреев диаспоры к патриотизму и национализму любой страны и любого народа, среди которого они живут, как «нация без языка и территории», научно разъяснил и обосновал проф. Соломон Лурье в своей книге «Антисемитизм в древнем мире», пространные выдержки из которой приведены в части II настоящего труда.

Ревниво оберегая свою еврейскую самобытность и чистоту расы, неразрывно связанной с религией, не допуская в свою среду иноплеменников, евреи диаспоры сами стремятся проникнуть во все отрасли жизни иноплеменного народа, среди которого живут и, если к этому предоставляется возможность, занять руководящие посты.

В странах и государствах с высоко развитым чувством патриотизма и национализма и населением однородного племенного состава это гораздо труднее и вызывает отпор коренного населения, рассматривающего себя, как расширенную семью — потомков одних предков.

Гораздо легче это осуществляется в государствах многоплеменных с населением, связанным только единством территории и верховной власти, или же, в государствах, в которых, по тем или иным причинам, патриотические чувства заглушены и приведены в латентное состояние.

В таких государствах для евреев открываются неограниченные возможности к проникновению в правящий класс без какого-либо противодействия

коренного населения.

Пробуждение патриотизма в коренном населении, естественно, рассматривается евреями, как возможность, что будет поставлен вопрос о их роли в жизни страны и о возможности, оставаясь по своему миропониманию и правосознанию чуждыми коренному населению, занимать руководящие посты в политической и культурной жизни государства, в котором они, в данное время, живут.

Все евреи, во всех странах их пребывания, это обстоятельство отлично понимают, а потому и рассматривают всякое проявление народной гордости и патриотизма, как угрозу для себя и своего положения в стране.

Эта угроза мерещится им часто там, где её и нет, как, например, в СССР во второй половине 30-х годов, когда какое-либо проявление русского патриотизма квалифицировалось, как «великодержавный шовинизм» и жестоко преследовалось.

И, конечно, никакого «возвращения к национальным традициям Московской Руси и Императорской России» в то время в СССР не было.

Но предпосылки для пробуждения национальной гордости и патриотизма русского народа, которым два десятилетия управляли и от имени которого выступали инородцы, превратившиеся в привилегированный класс, к концу 30-х годов уже были созданы.

Недовольство этим привилегированным классом уже тогда носилось в воздухе, что не могло остаться незамеченным евреями и они наперёд забили тревогу, предвосхищая на целое десятилетие события и, со свойственной им субъективностью, сгущая краски, как это сделали в своих высказываниях Португейс-Иванович и Аронсон — выразители мнений, настроений и опасений евреев в СССР и вне его границ.

«Советская власть уже стала стесняться приписываемого ей юдофильства и ожидания», — читаем мы в «Еврейском Мире» за 1939 год. Не-евреи этого «стеснения» не замечали, наблюдая, как именно в этот период «обратная пропорциональность» — процент евреев на высших должностях и в дипломатии достигли своего максимума.

Все, без исключения, полпреды в крупнейших европейских государствах в 1937 году были евреи. В Англии — **Майский**, во Франции — **Суриц**, в Германии — **Юрнев** (Ганфман), в Италии — **Штейн**, в Бельгии — **Рубинин**.

Ни одного русского не было в составе делегации СССР в Лиге Наций. Делегация состояла из 8 членов: Финкельштейн-Литвинов, Розенберг, Штейн, Маркус, Бреннер, Гиршфельд, Гальфанд, Сванидзе. Кроме одного — грузина Сванидзе — все остальные были евреи.

А во главе Комиссариата Иностранных Дел стоял Финкельштейн-Литвинов.

Если же в каком-либо государстве полпредом СССР был не-еврей, то весь остальной персонал полпредства (советники, секретари, атташе) были евреи, как это видно из списка, помещенного ниже.

Примерно в такой же пропорции были пред-

ставлены евреи в многочисленных Торговых Представительствах (Торгпредствах) СССР за границей.

Весь личный состав Отдела Дипломатических Курьеров Комисс. Иностр. Дел состоял почти исключительно из евреев.

Так обстоял вопрос с представительством СССР за границей. Так же обстоял он и во всех остальных отраслях жизни СССР во второй половине 30-х годов, т.е. в годы перед 2-й мировой войной.

Чтобы дать возможно полную картину участия евреев в жизни СССР, ниже приводится список служащих СССР в разных отраслях госуд. аппарата¹⁷. Приведённый ниже список, в основном, не претерпел изменений до самого начала 2-й мировой войны.

Правящий класс в СССР состоял преимущественно из евреев, занимавших ключевые позиции во всех отраслях жизни страны.

Процессы и чистки в 30-х годах, в результате которых немало евреев не только были сняты с занимаемых должностей, но и расстреляны или сосланы (**Апфельбаум-Зиновьев**, **Собельсон-Радек** и др.), соотношения евреев и не-евреев в государственном аппарате СССР не изменили — они по-прежнему сохранили за собой и своими родственниками-соплеменниками те позиции, которые были заняты в первые годы после октября 1917 года.

Конечно, в новом правящем классе были и не-евреи, хотя бы тот же **Ленин**¹⁸, положивший начало этому правящему классу.

Но все они были духовно едины в своём отрицательном отношении к России, как национальному государству. Все они были «связаны с Германией Маркса, как своей духовной родиной».

А свою будущую деятельность они не ограничивали пределами какого-либо государства, а представляли себе в масштабах интернациональных.

О том, как сложились взгляды той группы людей, к которым попала власть над Россией в 1917 году проф. **Федотов** в своей книге «И есть, и будет — размышления о России и революции» пишет следующее:

«В десятилетие реакции (1907-1917) за границей происходило сближение большевистского штаба с верхушкой левого Интернационала. Затишье в России, вынужденная праздность эмиграции обращала их внимание к европейским делам.

Здесь завязались прочные связи у Ленина, Зиновьева, меньшевика Троцкого с Розой Люксембург, Радеком, Раковским, с польско-еврейско-немецкими радикалами, кочующими из страны в страну и связанными с Германией Маркса, как своей духовной родиной.

Во время войны и измены социалистов делу революции, совершилось в Циммервальде-Кинтале

¹⁷ См. Приложение 2 в конце 1-й части, стр. 260-272.

¹⁸ Сейчас точно известно, что Ленин был, как минимум, полувреем. — *Прим. Д.Б.*

рождение Третьего интернационала, связавшего с мировой войной чаяния всемирной революции. В эту эпоху Ленин, а особенно Троцкий, менее всего чувствовали себя русскими революционерами.

Подобно Радекам и Раковским, это были бесплотные духи, жаждущие воплотиться в любой стране. Они могли бы спуститься в тело Австрии или Германии, если бы Россия не развалилась первой.

Единственно русское в Ленине того времени — оборотная сторона патриотизма — его особая ненависть к России, как злейшей из, так называемых, «империалистических стран».

Но в центре политических интересов его, и вообще большевиков до 1918 года, была, конечно, Германия, духовно импониравшая им в обоих своих полюсах: Маркса и Людендорфа. Францию и романские страны они презирали.

Российская революция всегда рисовалась им прелюдией, провинциальным бунтом. Только в Германии могло начаться строительство социализма».

Вернувшись в Россию, Ленин увлек за собой и головку Третьего интернационала. Состояла же эта головка, как известно, почти исключительно из евреев — как русских, так и евреев немецко-польских.

Головка эта быстро разрослась, за счёт русских евреев, пополнивших её ряды и создавших тот правящий класс, который всё национально-русское, даже самое слово «Россия» или «Русь», в течение почти 30 лет, охаивал и оплёвывал, вызвавши в народе чувства и настроения обратные.

И, когда, в конце 40-х годов, было произнесено слово «безродный космополит», широкие народные массы почувствовали, что это начало конца власти нового правящего класса, а евреи, не только в СССР, но и во всём мире, усмотрели в этом начало «правительственного антисемитизма».

В своё время, как известно, Ленин сказал: «...а на Россию мне наплевать!»

А, привезённая им в Россию головка Третьего интернационала, взявшая в свои руки дело воспитания русского народа, в правительственных органах печати писала следующее:

«У нас нет национальной власти — у нас власть интернациональная. Мы защищаем не национальные интересы России, а интернациональные интересы трудящихся и обездоленных всех стран¹⁹».

«Русь!... Сгнила?... Умерла?... Подохла?... Что же!.. Вечная память тебе²⁰...»

«Писатели должны выкинуть за борт литературы мистику, похабщину, национальную точку зрения²¹».

Между национальной точкой зрения и похабщиной поставлен знак равенства...

Так, в таком духе, тридцать лет велась политика России, переименованной в СССР, и воспитывались народные массы, попавшие под власть той «головки III Интернационала», что привёз с собой Ленин.

Причём, головка эта разбухла и разрослась, вписавши в себя не только интернационально себя ощущавших жителей СССР, но и немало родственных по духу и племени уроженцев разных стран Запада, которые во вне выступали уже, как представители СССР — «родины всех пролетариев».

В связи с этим, небезынтересно привести выдержку из газеты «Новое Русское Слово (25 февр. 1965 года), с описанием персонажей, подвизавшихся в Испании во время гражданской войны 1936-39 годов.

Интернациональными бригадами командовал **Лазарь Штерн** из Буковины (по паспорту «Эмиль Клебер» из Канады, но в Канаде никогда не бывший).

Другой **Штерн** — Григорий, комдив Красной Армии, назывался в Испании «Григорович».

Яков Смушкевич, комкор Красной Армии, в Испании был «Дуглас».

Генерал Кр. Арм. **Баткин** был «Фриц», Венгерский еврей-коммунист **М. Залка** работал в Испании под псевдонимом «генерал Лукач».

Абрам Слуцкий, заведующий иностранным отделом НКВД, приезжал в Мадрид под именем «Черниговский».

Главный резидент НКВД в Испании, имевший даже «собственную тюрьму» в городе Алкаладе, был некий «генерал Александр Орлов», а на самом деле, на Лубянке он значился, как «Никольский» или «Кацнельзон».

Послом СССР в Испании был **Марсель Розенберг**. Помощником военного атташе при посольстве — **Львович**, выступавший также под псевдонимом «Лоти».

Все поименованные представители СССР были евреи. Единственным не-евреем был латыш **Ян Берзин**, в течение 15 лет возглавлявший Главное разведывательное управление Красной армии. В Испании он работал под псевдонимом «генерал Гришин».

На короткие сроки за три года гражданской войны побывали в Испании и русские — маршалы (нынешние) Советского Союза Малиновский, Конев, Рокоссовский, Мерецков и Родимцев.

Все они приезжали на короткие сроки и не под своими именами, а под псевдонимами. В Испании тогда производились чисто военные опыты в предвидении скорой большой войны.

Все иностранные разведки, конечно, отлично знали, кто такие по народности все эти «русские», представлявшие СССР в Испании, но об этом в мировой печати нигде не писалось.

Страх быть заподозренными в «антисемитизме» был сильнее желания сообщить своим читателям биографические данные об этих «русских».

Примерно в такой же пропорции были пред-

¹⁹ «Известия», 8 февраля 1921 года.

²⁰ «Правда», 13 августа 1925 года.

²¹ «Правда», 1 января 1925 года.

ставлены евреи и во всех других странах и государствах в полпредствах и торгпредствах СССР.

В связи с этим, накануне последней войны, в Европе был распространён характерный анекдот.

В Женеве было назначено совещание полпредов и торгпредов СССР в крупнейших государствах Европы. Понятно, английская разведка хотела знать, о чём будет вестись разговор на этом совещании.

Инсталировали микрофон и нашли двух русских эмигрантов и одного англичанина для стенографирования всего совещания. Но... получился большой конфуз. Все трое ничего не смогли записать, ибо «русские дипломаты» всё совещание вели на еврейском языке...

Но, дальше анекдотов, да и то, передаваемых только устно, дело не шло. Ни печать эмигрантская, ни мировая этого «щекотливого» вопроса не касалась.

Молчали и чисто еврейские органы печати вне СССР, так много и часто писавшие раньше о процентной норме и всевозможных видах дискриминации евреев в России.

То же самое явление, в смысле переполнения евреями разных учреждений, наблюдалось не только в ведомстве Иностранных Дел, но и во всех других наркоматах (министерствах) СССР.

Вот впечатления иностранцев, посетивших Москву в 1935 году и имевших возможность убедиться в этой обратной «пропорциональности» между евреями и не-евреями в ответственных государственных учреждениях в СССР.

Впечатления эти и наблюдения изложены в книге «Ярмарка Безумия», которую написал англичанин **Дуглас Рид**, английский журналист, который, совместно с **Антони Иденом** провёл несколько дней в Москве.

На страницах 194, 199, 200 этой книги он пишет следующее:

«Два больших британских учреждения, представленных Антони Иденом и мною, никогда до сих пор не посылали своих представителей в Советскую Россию... Ни один государственный деятель не посетил Москву... Моя газета никогда не посылала корреспондентов в Москву, из-за советской цензуры. Таким образом, эти два визита были большим событием, каждый в своей области.

Советское правительство неоднократно жаловалось, что русские новости (корреспонденции из Москвы) передавались из Риги и спрашивало, почему газета не пошлёт своего представителя в Москву. Ответ всегда был — цензура... Таким образом, мой визит имел характер долго ожидаемого и желаемого посещения.

Не пробыл я там и пяти минут, как представители правительства начали споры со мной из-за ничтожных вещей: я написал (в своей корреспонденции), что Иден проходил по улице, где «молчаливая толпа в затасканной одежде стояла в очередях». Немедленно появился мелкий цензор-еврей и потребовал, чтобы я вычеркнул это выражение (из посылаемой корреспонденции).

На это требование я ответил: «Не хотите ли Вы, чтобы я написал, что улицы наполнены буржуями в цилиндрах?»... Он остался непреклонен. Таков культурный уровень цензоров...

Министерство Цензуры, а это значит — вся машина контроля (намордников) для представителей иностранной прессы, было набито евреями и это меня удивило больше, чем, что бы то ни было в Москве.

Там не было ни одного не-еврея, а они были те же самые евреи, что и в Нью-Йорке, в Берлине, Вене или Праге — хорошо упитанные, наманикюренные, с налётом дендизма в одежде.

Мне раньше говорили, что процент евреев в Правительстве небольшой. Но в этом министерстве, которое я узнал очень близко, они были монополистами»...

Дальше, в той же книге, Дуглас Рид пишет так:

«А где же русские?.. Надо полагать, это те молчаливые, плохо одетые толпы, что стоят в очередях»...

Другое свидетельство о евреях в государственном аппарате СССР мы находим в книге «От свободы к Брест-Литовску», изданной в 1919 г. в Лондоне, автор которой — **А. Тыркова-Вильямс**, жена долголетнего корреспондента английской газеты «Манчестер Гардиен», **Харольда Вильямса**, сама журналистка по профессии, принимавшая активное участие в политике в рядах «Конституционно-Демократической партии», состоя членом ЦК этой партии.

Вот, что читаем мы в этой книге:

«Среди большевистских заправил было очень мало русских, т.е. мало людей, пропитанных русской культурой и интересом к русскому народу. Никто из них никогда ни в какой области не занимал видных позиций в русской жизни до революции»...

Наряду с просто иностранцами, большевизм привлёк много приверженцев среди эмигрантов, проживших долгие годы в эмиграции за границей. Особенно много среди них было евреев. Они очень плохо говорили по-русски. Некоторые никогда раньше в России не бывали.

Нация, над которой они захватили власть, была им чужда. К тому же, они вели себя, как победители в покорённой стране. Вообще, за всё время революции, а за время большевизма в особенности, евреи заняли всюду очень влиятельные посты.

Явление это — очень сложное и странное. Но факт остаётся; например, с выборами в первый и второй советы (1905 и 1917 гг.) — знаменитое трио: **Либер, Гоц и Дан**.

В Советской Республике все комитеты и комиссариаты были заполнены евреями. Они часто меняли свои еврейские имена... Но этот маскарад никого не обманывал. Скорее наоборот, псевдонимы комиссаров подчёркивали интернациональный и даже иностранный характер большевистской власти.

Конечно, были среди большевиков и русские

— рабочие, крестьяне, солдаты. Ленин, Луначарский, Бонч-Бруевич, Коллонтай, Чичерин — влиятельные большевики по происхождению тоже были русские²²...

Но доминирующий класс, который очень быстро выкристаллизовался кругом большевиков, в большинстве своём состоял из инородцев, людей чуждых русскому народу.

Этот факт, возможно, был полезен для них, чтобы держать в подчинении массы, т.к. большевистская автократия была построена на их абсолютном презрении и пренебрежении к народу, которым они управляли²³.

Какова же была численность еврейской этнической группы в пределах СССР во второй половине 30-х годов, т.е., в годы максимального заполнения евреями всех отраслей жизни страны?

Дать абсолютно точные цифры нет возможности по целому ряду причин: много евреев приняло типично русские псевдонимы и выступают под псевдонимами; ещё больше — совершенно официально — переменили свои еврейские фамилии.

Целые страницы «Известий» в начале 20-х годов были заполнены сообщениями о перемене имён и фамилий, что законом разрешалось и не было сопряжено с какими бы то ни было расходами и волокитой.

Кроме того, надо иметь в виду, что при переписи населения, рубрики «вероисповедание» вообще не было, а ответить на вопрос о «национальности» предоставлялось самому опрашиваемому.

Пользуясь этим, немало евреев, не меняя своей фамилии, могли заявить, что они «украинцы», «русские», «белорусы»...

В статистических сводках в рубрику «евреи», без какой-либо проверки, зачислялись все те, кто, при переписи, сами назвали себя и своих несовершеннолетних детей «евреями».

Естественно, что, при таком способе проведения переписи, некоторое число настоящих евреев не попадало в рубрику «еврей» и тем уменьшалось абсолютное число евреев, пребывавших в СССР.

Возможно, что чисто еврейские организации вели свою собственную статистику, более точную, чем официальная советская, но в статистических исследованиях никаких данных об этом нет.

Предположение это не невероятно. Не так давно, в 1965 году в США, в Нью-Йорке, объединение чисто еврейских организаций выступило с обвинением правлений 50 нью-йоркских банков в том, что они не допускают на руководящие посты и в

состав правлений евреев или, если и допускают, то в процентном отношении, которое не соответствует проценту евреев — жителей Нью-Йорка.

По утверждению еврейских организаций, в Нью-Йорке **25%** жителей составляют евреи, а на руководящих постах в банках евреи составляют всего от двух до трёх с половиной процентов.

Дальше в этом обвинении стоит, что в **82%** нью-йоркских банков на ответственных местах нет евреев, а в **60%** банков нет евреев в числе членов правлений.

Все, приведенные выше цифровые данные есть результат секретного четырёхмесячного обследования племенной принадлежности 1250 высших служащих и членов правлений в 50 банках Нью-Йорка. Это обследование произвели восемь служащих еврейской центральной организации.

Председатель объединения банков Нью-Йорка **Остин С. Морфи** на это ответил, что банки не знают и не интересуются, кто из их служащих, директоров или членов правления еврей, а кто нет.

В анкетах и личных делах служащих нет рубрик о расе, происхождении, цвете кожи, вероисповедании, что должно бы было быть известно еврейским организациям.

Как и на основании каких данных еврейские организации пришли к приводимым ими цифрам и процентам — неизвестно²⁴.

После этого ответа объединённые еврейские организации этого вопроса больше не поднимали на страницах печати, хотя, конечно, это не значит, что вопрос этот окончательно снят с очереди.

Приведённый выше случай показывает, насколько внимательно и организованно евреи следят за всеми успехами и неудачами своих единоплеменников во всех странах мира.

Так, например, в Лондоне регулярно выходит бюллетень «Евреи и еврейский народ» — сборник материалов из советской печати (на русском и английском языках).

В этом бюллетене приводятся все данные о назначениях, производстве в чины, наградах, орденах получаемых евреями — гражданами СССР за отчётный период (обычно, трёхмесячный). Начиная от генералов и кончая знатными доярками и героинями труда — еврейками.

Приводимые данные комментируются и подчёркиваются, если, по мнению евреев, их единоплеменники недостаточно награждены и продвинуты в СССР.

Учитывая всё изложенное выше, при установлении числа евреев в СССР, приходится исходить из официальной советской статистики, делая при этом поправку на тех евреев, которые провозгласили себя «русскими», «украинцами», «белорусами» или представителями какой-либо другой национальности.

По данным, опубликованным в 1939 году в ежегоднике «Еврейский Мир» (очерк С. Познера),

²² Дед Ленина по матери — Израиль (после крещения — Александр) Бланк был евреем (см., напр., В. Солоухин. «При свете дня. М.» 1992, стр. 28-31; П. Васильев. «О еврейских предках Ленина», Буэнос-Айрес, 1964). «Луначарский-Хаимов родился... в еврейской семье» («Мол. гвардия», № 12, 1994, стр. 189). У многих других революционеров с русскими фамилиями матери были еврейками. (Прим. изд-ва «Благовест»).

²³ Стр. 207-299 книги «От свободы к Брест-Литовску».

²⁴ Напечатано в «Хералд Трибюн» 21 октября 1965 года.

число евреев в СССР в 1935 году было **2 900 000**, что составляло **1,8%** всего населения государства.

Надо полагать, что в действительности их было несколько больше, но насколько больше — неизвестно. Предположительно их было не меньше **3 000 000**.

Вот эти-то три миллиона евреев и дали из своей среды почти весь правящий класс двухсот-миллионного Советского государства, что, с предельной очевидностью, явствует из списков, помещённых в настоящем труде, а также, из приведённых выше, высказываний и свидетельств наблюдателей-иностранцев.

В первый период — период захвата власти над Россией — особых знаний, образования, опыта, квалификации для занятия ответственных и руководящих постов во всех областях жизни государства не требовалось.

Для этого достаточно было напористости, самоуверенности, верности Партии и, конечно, родственной и племенной близости с теми, кто составлял ядро власти.

Но, когда власть была захвачена, новый правящий класс столкнулся с необходимостью, для занятия ответственных постов, иметь и соответствующее образование, которого не было у разных «активистов», которые с храбростью невежества брались решать все вопросы.

Дореволюционная интеллигенция и крупные специалисты были безжалостно истреблены, а тем из них, которые уцелели, новая власть не доверяла.

Если кого и принимали на службу — к нему приставляли «комиссара», который, ничего не зная и не понимая, только тормозил работу.

Надо было создавать свою интеллигенцию, кадры образованных людей из тех групп населения, в верности и преданности которых новой власти не могло быть сомнений.

Группы эти были, почти все, еврейство и те многочисленные активисты, которые выдвинулись в начале революции и были беззаветно преданы новой власти.

Обеспечивши себя от опасности проникновения в ряды образованных людей элементов «социально чуждых» (т.е., ненадёжных), недопущением таковых в высшие учебные заведения, и сделавши исключение для евреев, как представителей «угнетаемой и преследуемой» при старом режиме нации, было приступлено к созданию новой интеллигенции, новой элиты страны.

Теоретически она должна была быть создана из людей «от сохи и станка», для чего даже были созданы, так называемые, «рабфаки» для подготовки этих активистов к прохождению курса в высших учебных заведениях.

Во что вылилось это практически, показывают статистические данные о племенном составе студентов высших учебных заведений в СССР.

По данным **С. Познера** («Еврейский Мир», 1939 год), евреев — студентов в высших учебных заведениях было больше 20 процентов (**20,4%**), в то время, как еврейская этническая группа составляла

меньше 2 процентов (**1,8%**) по отношению ко всему населению СССР.

Если сравнить процент студентов на тысячу душ населения, то получим:

На одну тысячу русских было студентов (русских) — 2,8.

На одну тысячу украинцев — студентов (украинц.) — 2,00.

На одну тысячу белорусов — студентов (белорус.) — 2,4.

На одну тысячу евреев — студентов (евреев) — 20,4.

Приведённые выше данные относятся к 1935 году. В следующее десятилетие процент евреев-студентов неуклонно рос. Точных данных о проценте студентов-евреев не имеется. Есть только косвенные указания на это.

Так, например, бывший московский студент **Давид Бург** в своей статье «Еврейский вопрос в СССР» (помещённой во II части этой книги, как Приложение) сообщает, что процент студентов-евреев на одном из технических факультетов Москвы перед войной был равен **40%**.

А, по многочисленным сообщениям лиц, бывших студентами в те времена, процент студентов евреев был значительно выше.

Обстоятельство это не могло не вызывать соответствующих настроений среди остальной, не-еврейской массы студенчества.

Студенты не-евреи, равно, как и всё население страны, отлично понимали, что если рост процента студентов-евреев продолжится таким же темпом, как это шло до войны, то, в недалёком будущем, студент не-еврей станет редкостью в высших учебных заведениях страны.

К этому надо добавить и ещё одно обстоятельство: при сдаче экзаменов, неудовлетворительная оценка знаний студента-еврея могла вызвать обвинение профессора в «антисемитизме» — в отрицательно пристрастном отношении к студентам-евреям, чего профессора не могли не бояться.

Конечно, это бывало не всегда и не везде. Но бывало. И нередко. При сдаче экзамена студент-еврей обнаруживает своё незнание и неподготовленность. Экзаменатор высказывает своё мнение. В ответ студент-еврей говорит:

«Это потому Вы меня режете, что я еврей»... Смущённый профессор задаёт ещё несколько «детских» вопросов, на которые не ответить трудно... А потом, ставит удовлетворительную отметку и студент-еврей, с видом победителя, возвращается на своё место...

О подобных способах сдачи экзаменов рассказывают бывшие студенты высших учебных заведений СССР, каковых немало оказалось вне границ СССР после последней войны.

Об этом же явлении рассказывают и бывшие профессора... Конечно, не иностранцам-евреям, а своим, русским, которым они скажут то, чего не скажут еврею, как пишет в своей книге С. Шварц.

Зная всё вышеизложенное, не приходится

удивляться сообщению С. Шварца, что студенты требовали введения для евреев процентной нормы, как об этом более подробно рассказано в предыдущем изложении.

Нельзя не учесть и ещё одно обстоятельство. Подавляющее большинство студентов-евреев, в материальном отношении, были в лучшем положении, чем остальные студенты.

По той простой причине, что они были дети или родственники людей того правящего класса, который был обеспечен и мог, если не содержать полностью, то, во всяком случае, помогать весьма существенно своим детям или родственникам-студентам.

Все эти обстоятельства содействовали тому, что студенты-евреи быстро кончали университеты и институты и, получивши диплом, легче, чем другие, устраивались там, где они хотели.

Новый правящий класс быстро подготовил себе «смену», которая теперь уже не только по признаку «активности», а на основании дипломов, заполнила советские учреждения.

Заполнила настолько, что даже в половине 50-х годов, т.е., почти через десять лет после того, как в СССР евреи постепенно стали терять свои монопольные позиции, **Катерина Фурцева**, министр народного просвещения СССР на собрании студентов Московского Университета заявила, что и сейчас есть Министерства, в которых больше половины служащих — евреи.

Надо полагать, что Фурцева сказала правду, ибо её утверждение никогда не было опровергнуто в еврейской печати, которая содержание речи Фурцевой напечатала.

Правда, к тому времени, т.е., к половине 50-х годов, под давлением настроений всего населения СССР, после войны и создания государства Израиль, в целях государственной безопасности, евреи были сняты с руководящих постов и прежнего доверия к ним не было.

Но их никто не преследовал и учреждения, заполненные раньше до отказа евреями, только постепенно начали пополняться представителями коренного населения России. Насколько медленно шёл этот процесс, видно из неопровергнутого утверждения Фурцевой.

После 30 лет управления Россией (ими же переименованной в СССР) евреи перестали быть правящим классом, но их никто не уничтожал, как они, в своё время, поступили со свергнутым правящим классом дореволюционной России, который был частично уничтожен физически, а уцелевшие превращены в лишенцев.

Посмотрим теперь, что сделал этот правящий класс за время своего привилегированного положения, и как он поступил с огромным культурным наследием великого народа, попавшим в его руки.

* * *

Ценности материальные, оказавшиеся в руках нового правящего класса, после его прихода к власти, были огромны, неисчислимы.

«Весь “кристаллизованный труд”, превращённый в капитал в разных его видах и формах — плод и результат грабежа капиталистами трудящихся» — так поучали на митингах разные ораторы всех калибров и оттенков... И бросали в темные массы зажигательный и возбуждающий лозунг: «грабь награбленное!»...

И начался всероссийский грабёж, называемый тогда «социализацией», «национализацией», «реквизицией»...

Грабили все и всё. Начиная с носильных вещей, нательных крестов и обручальных колец и кончая драгоценностями и бесценными произведениями искусства... Ведь, всё это было «награбленное», «народное»...

Сколько всего награблено — ни счесть, ни учесть невозможно и вряд ли когда-либо сможет быть установлено.

Куда шло награбленное — об этом судить можно только на основании косвенных данных и воспоминаний активных участников этого всероссийского грабежа. Так, например, в газете «Новое Русское Слово» в 1965 и 1966 году есть указание, кто и как распоряжался социализированными драгоценностями.

Пространная выдержка из воспоминаний участников приведена во II части этой книги — Приложения («Социализированные драгоценности и их применение»).

В Тегеран, в первые послереволюционные годы, прибывали целые вагоны или грузовые автомобили с серебром, продававшимся, как «лом» по весу. В то время в Персии были серебряные туманы.

На одну чашку весов помещали серебряный «лом», а на другую — одинаковое по весу количество серебряных персидских монет. Шло килограмм за килограмм...

Этот серебряный «лом» были сорванные с евангелий и икон оклады и ризы, а также, разные изделия из серебра: подстаканники, столовая посуда, лампы и т.д.

Было очень много среди этого «лома» изделий работы известных русских ювелиров: **Хлебникова, Овчинникова, Фаберже...**

Более ценное и более портативное шло в крупные антикварные магазины Европы и Америки и продавалось, разумеется, не на вес...

Ещё и теперь, через полстолетия, у разных антикваров и на аукционах, время от времени, появляются драгоценности, иконы, художественные произведения, происхождения несомненно российского. Но пути и способы, как это всё попало к продавцам, — неизвестны. О них можно только догадываться.

Капиталистический мир, так ревниво оберегающий частную собственность и строго карающий её нарушителей, в этом случае, закрывал глаза на происхождение продаваемого и охотно покупал то, что было «заведомо краденное», не задавая нескромных вопросов.

Не было ли это, правда косвенным, оправданием всероссийского грабежа и признанием права

распоряжаться тем, кто стоял тогда у власти?

Здесь уместно будет вспомнить случай с держателями полисов страхового общества «Россия», часть капиталов которого находилась в США.

Несколько эмигрантов, имея полисы на руках, по которым они имели неоспоримое право получить известные суммы со страхового общества «Россия», обратились в американский суд с просьбой о выплате причитающихся им денег из капиталов «России», находящихся в банках США.

Суд вынес решение о выплате. Но в дело вмешалось правительство США и «разъяснило», что, ещё в 1918 году, страховое общество «Россия», декретом советской власти, было социализировано, а потому в иске надлежит отказать...

Это, однако, не помешало замороженные в США капиталы страхового общества «Россия» употребить на удовлетворение претензий, аналогичных претензиям русских эмигрантов, но предъявленных лицами, имевшими американское гражданство в момент писания декрета о социализации.

* * *

Кроме драгоценностей, камней, золота, серебра и предметов искусств, которые легко можно было разбазарить по всему миру новому правящему классу, как добыча, после захвата власти, достались и бесчисленные сокровища национально-исторические и культурные памятники великого народа и его тысячелетней культуры: монастыри, храмы с бесценными фресками, созданные целыми поколениями, места и центры, где творилась русская история, русская культура. Всё то, что каждый народ бережет и лелеет, как неотъемлемую часть своего прошлого.

Для новых властителей страны всё это было не только чужое и чуждое, но и вредное и даже опасное.

Оно напоминало о тех временах, когда Россией правили русские, когда за стенами монастырей отсиживались от набегов врагов, когда в монастырских кельях писались летописи, выковывалось русское национальное миропонимание и правосознание.

А потому, новая власть, не будучи в состоянии продать и разбазарить эту часть достояния всей России и всего русского народа, с исключительным ожесточением, принялась за уничтожение.

Дело это было поручено **Губельману**, принявшему псевдоним «Ярославский» и занявшемуся осквернением и разрушением храмов, кощунственно-издевательскими выступлениями, возглавляемых им «воинствующих безбожников», глумлением над всем тем, что было свято и дорого народу.

Сколько на просторах России было уничтожено, испаковано, осквернено неповторимых и незаменимых памятников русской культуры и неразрывно с ней связанного Православия — ни учесть, ни перечислить невозможно.

Может быть, это сделают грядущие поколения. Нам же, не только нужно, но и должно это помнить...

И то, что сейчас, среди молодёжи в СССР появляется повышенный интерес к прошлому своего народа доказывает, что не так легко убить в народе его национальный дух, сознание.

Русская, точнее российская, культуры (литература, искусство, наука) в начале нынешнего столетия занимала, если не первое, то, несомненно, одно из первых мест в мире.

Культурная элита выросла и была воспитана в гуманных и либеральных традициях рубежа 19-го и 20-го столетий, одинаково чуждых и ксенофобии французов, и сухому и высокомерному делчеству англо-саксов, и сомнению и напыщенности немцев.

Она носила в себе зародыши космополитизма и потому так легко и свободно принимала в свою среду представителей всех племён, рас и народов.

Русский национализм был в латентном состоянии и «национальное отталкивание», ярко проявляемое у других народов, среди русской культурной элиты, почти отсутствовало.

Этим обстоятельством, надо полагать, и объясняется необычная лёгкость, с которой элементы инородные и иноплеменные сначала проникли, как равные, в ряды русской культурной элиты, а, после 1917 года, почти полностью захватили в свои руки руководящие позиции во всех отраслях культурной жизни России.

Захват этот произошёл как-то незаметно. А, когда российская элита себя национально осознала — было уже поздно.

Новый правящий класс, с редкой энергией и целеустремлённостью, устремился на борьбу с историческим прошлым России, в чём и преуспел в первую четверть столетия своей власти.

Даже самые слова «Россия», «русский» оказались под запретом, а за малейшее проявление недовольства этим новым курсом культуры, уличенный или просто заподозренный в этом, легко мог попасть в места не столь отдалённые...

Преподавание русской истории и с ней связанных предметов, как в средней, так и высшей школе стало профессией небезопасной. История России менялась и приноравливалась к новому курсу. Менялась часто и надо было зорко следить, чтобы не впасть в ересь...

В печати советской, разумеется, об этом не писалось. А в печати мировой, если об этом и писалось, то одобрялось, ибо это считалось борьбой с русским шовинизмом и искоренением остатков «квасного патриотизма»...

И только в 1966 году в книге американского историка-исследователя **Вествуда** «Россия 1917-1964 годов» можно прочесть следующие правдивые строки: **«коммунисты боролись не столько с белыми, буржуазией, кулаками или фашистами, сколько с историческим прошлым России».**

Это, может быть, первый случай, когда правильно подмечена и отчётливо сформулирована главная цель правящего класса, заключавшаяся в искоренении в сознании народа чувства своей национальной принадлежности и превращения новых

поколений в «советских людей» с психологией «безродного космополита».

Понимая и учитывая огромное значение для внедрения в умы своих идей, новый правящий класс, сразу же после прихода к власти, во-первых, во всей стране запретил все периодические издания некоммунистического направления, а, во-вторых, во главе всех газет и журналов поставил своих людей, не только политических единомышленников, но и своих единоплеменников²⁵.

Новые руководители печати в СССР сразу же стали проводить основную линию, прибывшей из-за границы головки III Интернационала — неуклонную борьбу с историческим прошлым России.

Борьба эта шла широким фронтом. Кроме периодической печати, всячески охаивавшей прошлое русского народа и созданного им великого государства, этим же делом занялась и литература того времени, а также, весь огромный аппарат «народного просвещения», стремившийся воспитать новые поколения в полном незнании прошлого своего народа и страны...

Расчёт был на создание **«нового человека», не помнящего своего родства**, не знающего и не понимающего, что такое родина, человека интернационального.

И всё, что этому новому курсу воспитания могло мешать, подвергалось запрещению и уничтожению. Разные скоморошествовавшие приспешники правящего класса «метлой выметали русских классиков и прочую дребедень, засоряющую мозги пролетария».

Пушкин был под запретом, не говоря уже о Достоевском, Лескове и других корифеях русской литературы... Диктатором в литературе стал племянник Свердлова — **Леонид (Лейба) Авербах**, деятельность которого описана в отдельном приложении в части II настоящего труда²⁶.

Целый легион новых «советских писателей и журналистов» евреев появился на авансцене литературной жизни, в дополнение к тем евреям, которые и раньше заполняли страницы русских газет и журналов, как например, Багрицкий, Сильвинский, Бабель, Катаев, Петров, Шкловский, Герман, Ильф, Каверин, Лидии, Гольдберг, Левилов, Инбер (сестра Троцкого), Финк, Рубинштейн, Кольцов, Никулин, Киршон и множество других.

В результате, во второй половине 30-х годов, среди «русских» (советских) журналистов, писателей было так же трудно найти русского, как и среди многочисленных «русских» (советских) дипломатов, торговцев и остального персонала Министерства Иностранных Дел.

Та же самая картина наблюдалась и в области искусства: музыки, театра, кинематографа... Пере-

числять всех не разрешает объём настоящего труда, а также и то, что многие выступали под русскими псевдонимами.

Население России молча наблюдало всё происходящее. Но никакое обсуждение создавшегося положения, когда численно незначительное меньшинство, чуждое русскому народу по своему мировоззрению и правосознанию захватило в свои руки почти все руководящие посты в государстве, было немыслимо.

А о каких-либо протестах и думать боялись. Ведь это было бы квалифицировано, как «антисемитизм» и повлекло бы за собою строгое наказание...

Исследователь вопроса об «антисемитизме» в СССР, Соломон Шварц, это молчание называет «спадом волны антисемитизма». А С. Познер в «Еврейском Мире» (за 1939 год) сообщает следующее:

«Еврейская зарубежная пресса тщательно следила за всеми проявлениями антисемитизма в Советской России и, надо констатировать, могла отметить, лишь незначительное количество их. Последние случаи имели место в 1935 и 1936 годах. Еврейское Телеграфное Агентство насчитало в 1935 г. два случая, а в 1936 г. — один. Во всех трёх случаях против виновных в антисемитских выступлениях были возбуждены судебные дела и они поплатились тюремным заключением от двух до пяти лет»...

Дальше С. Познер высказывает своё предположение, что «поколение, выросшее за время советского правления, по всей вероятности, свободно от антисемитских настроений, ибо было воспитано вне всякого воздействия расовых и религиозных идеологий»...

Но, на той же странице, С. Познер пишет и следующее: «На 8 всероссийском съезде советов Молотов говорил о наличии в стране и, как можно было заключить из его слов, в советской администрации, антисемитских чувств, но, от имени правительства, он грозил за проявление их, смертной казнью».

Не следует ли в этом последнем, т.е., в угрозе от имени правительства смертной казнью за проявление «антисемитских» чувств, искать объяснение, как того явления, которое С. Шварц называет «спадом волны антисемитизма», так и незначительного количества судебных дел по обвинению в «антисемитизме»?

Не страх ли смертной казни замкнул уста населения?... Да так крепко и надёжно, что даже такой знаток «антисемитизма», как Соломон Шварц не мог распознать этих чувств.

Смертная казнь за проявление враждебных чувств — наказание неслыханное не только в мирное время, но даже в обстановке войны и оккупации...

И не мудрено, что население России молчало и не протестовало против правящего класса и всех его экспериментов над захваченной им Россией...

В то время — во второй половине 30-х годов — этот новый правящий класс широко и всеобъем-

²⁵ чтобы не перечислять здесь всех редакторов влиятельнейших газет и журналов СССР в разные периоды власти нового правящего класса, рекомендуется взглянуть в соответствующие списки помещённые в этой книге — на стр. 271 и 458

²⁶ См. «Лёнька и железный Генрих», стр. 463-467.

люще захватил власть в СССР.

Ближайшим сотрудником **Сталина (женатого на еврейке)** был его зять **Лазарь Каганович**. Другой зять, **Моисей Каганович**, стоит во главе всей тяжёлой промышленности страны.

Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД) в руках **Гершеля Ягоды** и его помощника и заместителя **Агранова-Соренсона**.

Делом сыска ведаёт **Лев Беленький**. Концлагерями управляет **Мендель Берман**, ближайшими помощниками которого являются: Яков Раппопорт, Лазарь Коген и Семён Фирин. Всеми тюрьмами страны ведаёт Хаим Апетер.

Политическое Управление Красной Армии в руках **Янкеля Гамарника** и **Моисея Владимирского**. Внутренняя торговля производится под управлением **И. Вейцера**, а кооперация — **И. Зеленского** (еврея).

Государственным Банком и всеми ценностями страны распоряжается **Лев Мариазин**. Лёгкая промышленность в руках **И. Любимова** (Козлевского). Продуктами питания для всего государства распоряжается **Моисей Калманович**.

Транспорт и все пути сообщения в ведении зятя Сталина **Лазаря Кагановича**, при котором, в должности Главного Прокурора Транспорта состоит **Сигал**.

Всё управление строительными материалами СССР возглавляет **Самуил Гинзбург**. Вся металлургия страны в руках **А. Гуревича**. Во главе треста «Руда СССР» стоит **Трахтер**; треста «Калий СССР» — **Цифринович**; треста «Кожа СССР» — **Маргулис**.

Главные предметы вывоза из СССР за границу находятся тоже в руках евреев: «Экспортхлеб» — **Абрам Кисин**, «Экспортлес» — **Борис Краевский**.

Председателем Торговых Палат СССР состоит **Саул Брон**, ближайшие сотрудники которого тоже евреи. Вся внешняя торговля — **Арон Розенберг**.

Возглавляет борьбу с религией, как уже упомянуто, еврей **Губельман**, а литературу — **Л. Авербах**.

Периодической печатью руководит **Собельсон-Радек**, слабо владеющий русским языком, дающий директивы редакторам газет и журналов.

Правительственное телеграфное агентство (ТАСС) в руках евреев **Вайсберга**, **Гинзбурга** (Кольцова), **Шацкого**, **Цехера**, **Хейфеца** и других.

Перечисленные выше лица находятся также и в более подробных списках, помещённых в этой книге, как «Приложения». Здесь же они приводятся, не боюсь повторений, для вящей наглядности, кто в то время распоряжался всеми ресурсами СССР, равно как и его культурной жизнью.

Но, в то же время, этот правящий класс ревниво оберегал «национально-культурную» жизнь своих единоплеменников, создавших, некое государство в государстве, назвавши его «национально-персональной автономией», никого не допуская (кроме евреев) вмешиваться во внутренние дела этого государства в государстве, не имеющего ни своей территории, ни языка.

Национально-персональная автономия

(Государство в государстве)

Прежде чем перейти к краткому изложению сущности того, что называется «национально-персональной автономией» и результатов её проведения в жизнь в СССР, необходимо уточнить понятия: «нация», «национальность».

Понятие «нация», как показывает самое название, происходит от латинского слова «натус», что значит «рождённый». Так, совершенно правильно, в русском языке существовало и существует, равнозначное слово «народность». Говорилось также «племенная принадлежность».

Существовало и существует в русском языке и слово «подданство», равно, как и слово «гражданство», наряду с «народностью» или «племенной принадлежностью».

В государствах с однородным по племени, языку и культуре народонаселением понятия «национальность», «народность», «племенная принадлежность», «подданство-гражданство» могут быть заменяемы одно другим, не влияя на точность определения.

Но, далеко не все государства имеют монолитное, в смысле племенном, народонаселение. В таких государствах необходимо строго разграничить понятия «гражданство-подданство» от понятий «национальности», «народности», «племенной принадлежности».

Подданный России или гражданин Союза Советских Социалистических Республик — не значило ещё, что данное лицо есть русский или даже славянин.

Гражданин Франции не обязательно и француз по национальности. Или гражданин государства Израиль — еврей. Есть там и арабы. В США есть чернокожие, краснокожие, жёлтокожие и белые «американцы» или, как часто говорят, «люди американской национальности».

Россия дореволюционная была многоплеменной. СССР — тоже многоплеменное государство.

Все племена или народы-народности, составляющие народонаселение СССР, имеют и свои территории, которые теперь принято называть «национальными территориями».

Одна только народность — этническая группа в СССР, при его образовании, не имела своей «национальной территории» — это еврейская этническая группа, составлявшая меньше 2% всего народонаселения и рассеянная по всей территории страны.

До революции все народности и племена России, считаясь русскими подданными, были равноправны и никаких ограничений не испытывали.

Единственно, по отношению к евреям, существовали некоторые ограничения в правах, но не по признаку племенной принадлежности, а только по признаку вероисповедания.

Еврей, порвавший с иудейской религией, автоматически получал все права, наравне с остальными подданными Российской Империи.

После 1917 года, централизованное раньше, Российское Государство начало перестраиваться в административном отношении в федерацию отдельных территорий, населённых разными народностями России, за каждой из которых было признано право на самоопределение, вплоть до отделения.

И все народности, в той или иной степени, это своё право на самоопределение осуществили, создавши «национальные республики» или «автономные области». Конечно, по указанию и под руководством коммунистической партии, и «национальные по форме, но социалистические по содержанию».

Только евреи не могли это сделать по той причине, что они не имели своей территории и не были «нацией», а только «этнической группой».

В демографии, в специальной литературе, существует немало определений слов «нация» с перечислением признаков необходимых для этнической группы для того, чтобы она могла быть признана «нацией».

Самое короткое определение, данное известным английским историком **Карлейлем**, сказавшим, что «нацию составляют земля и предки».

Итальянский ученый **Манчини** (половина 19 века) даёт такое определение:

«Нация есть натуральное общество людей, при единстве территории, происхождения, языка, приспособленного к жизненному общению, и социального сознания».

Сходное определение понятия «нации» мы находим и в произведениях коммунистических авторов, как до революции, так и после. Гласит оно так:

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».

Это последнее определение было впервые напечатано в 1913 году, повторено в 1929 году и ещё раз повторено в 1960 году. А посему, есть все основания считать это определение догмой марксистов-коммунистов.

Совершенно очевидно, что ни под одно из приведённых определений еврейская этническая группа подойти не могла из-за отсутствия своей земли — территории. Хотя, она и обладала исключительно отчётливо выраженной «устойчивостью» и «особенностями психического склада» (по определению проф. Соломона Лурье — «духовного облика», отличающего всех евреев от всех остальных народов мира).

Сами же евреи, находясь в рассеянии и даже говоря на разных языках, «считали себя народом-государством со своими законами, но не имеющим своей территории» (определение проф. Лурье).

В своё время в Польше это положение было регламентировано «Калишским Статутом», по которому евреи жили в Польше, придерживаясь «своих законов», в содержание которых Польша не

вмешивалась. (Смотри стр. 35 настоящей книги).

Нечто подобное Калишскому Статуту, только со значительными изменениями в пользу еврейской этнической группы, и была та «национально-персональная автономия», которая была выдвинута евреями России ещё в годы первой революции (1905), а осуществлена только после второй революции 1917-го года.

Изменения эти состояли в том, что евреи, в отличие от положения в Польше, получили все гражданские права, одинаковые с остальным населением (чего не имели в Польше), но, в то же время, сохранили замкнутый характер еврейской этнической группы в области еврейской «национально-культурной-религиозной жизни» и в быту имели возможность жить по своим, еврейским законам, например, иметь свои отдельные кладбища, что в СССР не разрешалось никому, кроме евреев.

Удовлетворение культурных нужд, таких, как театры, газеты, школы в «национальных» республиках и областях оплачивались из бюджетов соответствующих республик и областей.

На бюджеты этих же областей пали и расходы по «национально-культурному» обслуживанию групп евреев, проживающих на территории разных национальных республик и областей.

И если в какой-либо город государства приезжало и поселялось на жительство значительное количество евреев — там создавались и чисто еврейские культурные институты — театры, газеты, по желанию евреев, и школы на еврейском языке. Всё — на средства города или соответствующей национальной республики или области.

За тем, чтобы всё это неукоснительно проводилось, следила и заботилась «Евсекция» коммунистической партии. — Отдельной еврейской коммунистической партии, как это было, например, с украинскими коммунистами, оформившимися, как УКП (в начале советской власти) не было.

Против этого решительно восстал Сталин, считавший, что евреи не есть «нация», а потому и создавать еврейскую «национальную» коммунистическую партию не могут.

Её отсутствие компенсировалось наличием «Евсекции», которая фактически вела все «еврейские дела» в СССР, подобно тому, как некогда в Польше это делал «Еврейский Сейм».

Конечно, судить в синагогах и приводить в исполнение приговоры не разрешалось. Но все «дела» и «конфликты» в плоскости «национально-культурно-персональной» автономии «Евсекция» проводила и разрешала, в духе и смысле законов народа израильского.

Всемерная помощь и содействие правительства «Евсекции» было обеспечено и деятели её были старыми партийными товарищами по «Бунду» многих советских вельмож.

Первым мероприятием «Евсекции» было учреждение в Москве «Еврейского Телеграфного Агентства», сокращенно ЕТА.

Минуя официальное телеграфное агентство — «ТАСС», ЕТА посылало свои сообщения за гра-

ницу в те органы печати, в которые оно хотело, например, в «Нью-Йорк Таймс».

Ни одна другая национальная группа такого агентства и возможности непосредственно сообщаться с заграницей не имела, хотя немало украинцев, грузин, армян имели постоянное жительство в Москве, а на верхах Партии и Правительства — своих единоплеменников.

Эту привилегию имели только евреи и пользовались ею для поддержания постоянной и регулярной связи с остальным еврейством, рассеянным по всему миру.

Освещая всё, происходящее в СССР, со своей, еврейской точки зрения, ЕТА, несомненно, в значительной степени оказывало влияние на настроения широких кругов мировой общественности, не-еврейской, но читающей газеты, находящиеся в руках или под влиянием евреев.

И нельзя не признать, что роль ЕТА в деле формирования мнения всего мира об СССР и всём, там происходящем, была огромна.

Но, вместе с тем, огромна была и ответственность, при наличии односторонних и пристрастных сообщений, что случалось нередко.

Политика многих государств в, так называемом, «русском вопросе» была и есть в прямой зависимости от мнения о том, каково положение евреев и отношение к ним правительства (России или СССР).

В первые тридцать лет советской власти главным осведомителем всего мира о положении евреев в СССР было, главным образом, ЕТА.

Впоследствии, после закрытия ЕТА и облегчения возможности посещения СССР и переписки с родственниками и знакомыми, осведомителями стали многочисленные «специалисты по русскому вопросу», почти исключительно русские евреи, заполнившие разные учреждения в разных государствах.

Кроме связи с остальным еврейством диаспоры, осуществлявшимися через ЕТА, «Евсекция» развивала свою деятельность и в других направлениях.

Прежде всего, в заботе и попечении о процветании и развитии еврейской национальной культуры в пределах СССР, а также, о максимально возможных, в условиях коммунистического режима, поощрениях иудейской религии при общем курсе на атеизм и воинствующее безбожничество.

Надо принять во внимание, что среди активных деятелей «Евсекции» было очень много бывших еврейских «социалистов-сионистов» и «бундистов», значительная часть которых, если не все, были, по словам **М. Слонима**, «часто встречающийся в действительности тип еврея-коммуниста, фанатически верившего в учение Ленина и странным образом сочетавшего заветы Библии или Талмуда с требованиями и доктриной коммунистической церкви».

Зная это, станет понятно, что, почти через двадцать лет, после начала безбожнической деятельности Губельмана-Ярославского, в Москве можно было наблюдать сцены из религиозной жизни

евреев, которые вовсе не подтверждали официальный курс на искоренение религии из быта.

В сборнике «Еврейский Мир» за 1939 год можно прочитать следующее:

«В Москве три синагоги открыты, это — Большая, бывшая Поляковская и в Марьиной роще. Сохранилось в Драгомилове и особое еврейское кладбище, которым ведаёт «хевре-кадише» при большой синагоге. Имеется при ней и «бет-гамидраш», где можно увидеть за фолиантами Талмуда старцев, убелённых сединами, и несколько юношей, мечтающих уехать в Палестину».

Как в доброе старое время, в синагогальных правлениях идёт борьба «партий», ведутся избирательные кампании, и дело иногда не обходится без поклёпов на противников, доходит и до вмешательства в общинные дела властей.

Так, в Москве недавно «оппозиция» правления Большой синагоги обратилась к Моссовету по поводу выпечки мацы, указывая на неправильность действия заправил. Результатом было то, что Моссовет, заинтересовавшись делом, пришёл к выводу, что выпечка мацы — вещь весьма прибыльная и сам занялся ею».

Сомневаться в точности приведённого выше описания не приходится. А у читателя, не-еврея, естественно, возникает вопрос: «А, как же обстояло дело с куличами и пасхами в эти же годы в Москве?»...

Как всем хорошо известно, в те годы (конец 30-х) не только Моссовет не занимался производством куличей и пасох, но этим не смели заниматься и отдельные семьи в Москве и во всём СССР.

В бюллетене ЕТА от 9 сентября 1938 года мы читаем следующее:

«Накануне последних еврейских праздников 1938 года «Эмес» (газета на еврейском языке в Москве) в передовой статье жаловался на то, что «еврейские клерикалы», оказывающее большое влияние на религиозную жизнь населения, обращают особое внимание на точное соблюдение религиозных предписаний и праздничных обычаев».

Раввины и их последователи, писал коммунистический орган, усиленно агитируют за обрезание новорождённых, соблюдение субботы и кошерную кухню. Они делают хорошие дела с их погребальными братствами. Эти братства, не будучи признаны законом, существуют во многих городах во вред советским гражданам. Попытки устраивать хедеры и эшиботы отмечались прессой много раз».

В «Еврейском Мире» за 1939 год можно прочитать ещё и следующее:

«„Эмес“ писал, что кое-где дело доходит до того, что в еврейские праздники еврейские дети не ходят в школу и их за это не преследуют; что, например, в колхозах Сталинградского округа евреи невозбранно совершают обряд обрезания».

Первый подал тому пример ударник колхоза «Озет» Радуй, а за ним последовал ударник колхоза «Трудовик», а затем и другие. На Пасху евреи повсеместно пекут мацу, и в указанном округе пример

тому подал секретарь компартии Рабинович²⁷».

Приведённые выше выдержки из еврейских источников свидетельствуют, что не так уж сильно было давление советской власти на евреев, если они, в конце 30-х годов, имели и свои отдельные кладбища, чего не имели остальные граждане СССР, могли безнаказанно не посылать детей в школу в еврейские праздники, совершать обрезания, печь мацу, иметь особые похоронные братства, делающие хорошие дела, не будучи признаны законом...

Не было препятствий со стороны новой власти и к самому интенсивному развитию еврейской культуры во всех её проявлениях: литературе, театре, периодической печати на еврейском языке.

Наоборот, всё это поддерживалось и поощрялось, в результате чего, появился целый ряд писателей, поэтов, журналистов, писавших и печатавших свои произведения на еврейском разговорном языке — «идиш».

В 1939 году исследователь этого вопроса Познер, в сборнике «Еврейский Мир», даёт следующие данные:

«Из еврейских писателей прежнего времени только Менделе-Мо-хер-Сфорим и Шолом-Алейхем пользуются бесспорным признанием, почитаются классиками и их произведения издаются с комментариями и вариантами... За годы советского режима появился ряд новых писателей на еврейском языке, среди коих есть люди очень даровитые. Назовём Переца Маркиша, Давида Гофштейна, Итцика Фелера, Квитко, Ноаха Лурье, Эзру Фининберга, М. Тайтца, С. Годионера, С. Халкина».

Кроме писателей-евреев, писавших на «идиш», на тот же язык переведены были и изданы (на государственный счёт) и произведения мировой литературы: Шекспир, Гейне, Гёте, Байрон, Бальзак, Гюго, Диккенс, Анатоль Франс, даже Гомер.

Приведённые выше данные, очевидно, свидетельствуют о всемерном поощрении правительством СССР развития еврейской культуры, а отнюдь не её подавления или преследования, как часто пишут недобросовестные исследователи положения еврейской культуры в СССР.

Никогда, за всё время своего рассеяния, ни в одном государстве делу развития еврейской культуры не оказывалось государством такой помощи и содействия, как это имело место в СССР, в первые три десятилетия советской власти.

То обстоятельство, что, расходуя народные деньги на переводы и издание на «идиш» произведений Гомера или Шекспира и других иностранных писателей, правительство не поддерживало «хеды» и «эшиботы», в которых изучался Талмуд, никакого отношения к еврейской культуре не имеет, хотя евреи и до настоящего времени, с этим не согласны и свою, еврейскую, культуру не отделяют от иудейской религии.

Иудейская религия, как и все остальные религии, была провозглашена «опиумом для народа» и с

ней велась борьба, но мерами гораздо более мягкими и деликатными, чем она велась с другими религиями.

На развитие же образования на «идиш», а также, разного рода научных учреждений на этом языке, правящий класс СССР, выделивший из своей среды правительство, не жалел государственных средств.

Начиная со школьной сети (включая и средние школы) с преподаванием на «идиш» и кончая «еврейскими отделами» Академий Наук (Белорусской и Украинской).

Но, констатируют сами евреи, «заботы о сохранении и развитии национальной культуры чужды еврейской интеллигенции Советской России. Её мало огорчает то, что еврейские массы не питают должного доверия к еврейской школе и, во многих случаях, предпочитают посылать детей в школы русские, украинские, белорусские, так, что еврейская школьная сеть слабо развивается²⁸».

В 1936 году сотрудник еврейской газеты «Дер Тог», **Шульман**, посетил СССР, чтобы убедиться, как обстоит дело с развитием еврейской культуры в СССР. В Минске он поинтересовался работами еврейского отдела Белорусской Академии Наук.

Во всех других отделах жизнь была ключом, а в еврейском Шульмана поразила мертвящая тишина. Секретарь Академии объяснил ему, что еврейский отдел успевает очень слабо за отсутствием желающих работать в нём.

«Евреи-учёные предпочитают работать в русских или белорусских учёных учреждениях», — пояснил секретарь.

В Киеве, где имелся «Институт Еврейской Пролетарской Культуры», широко задуманное еврейское высшее учебное заведение, дело обстояло не лучше. В 1936 году Институт был закрыт «для реорганизации» и долго не открывался.

Часть его библиотеки была переслана в Биробиджан, так что Шульман, кроме здания, ничего увидеть не мог.

А когда он, приехавши в Москву, в разговоре с редактором московской газеты на «идиш» («Дер Эмес») — **Литваковым** выразил своё удивление слабому развитию интереса к еврейской национальной культуре и отсутствию соответствующей пропаганды и указал, что, без пропаганды и социализм не преуспел бы в СССР — Литваков ответил: «Так Вы думаете, что еврейская школа — такое же важное дело, как построение социализма?»...

Не проявляли евреи-граждане СССР и большого интереса к прошлому еврейского народа, как это имело место в дореволюционные годы в России.

Несмотря на огромные материальные возможности, предоставляемые государством для людей науки, независимо от языка на котором ведётся научная работа, научная работа на «идиш» почти отсутствует.

«Приходится констатировать, — пишет еврейский обозреватель, — что лиц, посвящающих

²⁷ Бюллетень ЕТА, 10 августа 1937 года.

²⁸ «Еврейский Мир», 1939 г.

себя в Советской России наукам о еврействе — еврейской истории, философии, филологии, этнографии, экономике — очень мало».

По какой причине их мало? Ведь, все возможности — налицо, а желающих стать учёными-гебраистами нет. Ведь, правительство этому не только не препятствует, но, наоборот, содействует.

Ответ на этот естественный вопрос дан утверждением еврейского журналиста, написавшего, что *«заботы о сохранении и развитии национальной культуры — чужды еврейской интеллигенции Советской России»*, а *«массы потеряли доверие к еврейской школе»*...

Логический и психологический отсюда вывод — стремление приобщиться к культуре русской, что и происходит, порождая и питая ассимиляционные настроения.

Незвизывая на противодействие этим настроениям, как еврейских клерикалов (раввинов), так, в одинаковой степени, и многочисленных представителей еврейской интеллигенции, не освободившихся от сионистско-социалистических установок прежних еврейских партий «Бунда», «Поалей-Цион» и «социалистов-сионистов-интернационалистов», к которым, до революции, принадлежало большинство еврейской интеллигенции России.

Атавистический страх нарушения чистоты расы, в результате смешанных браков был сильнее всех интернациональных и социалистических программ, последователями и пропагандистами которых были евреи. Это было чувство иррациональное, освободиться от которого еврею было очень трудно.

Не менее трудно было освободиться от чисто иррационального чувства известного «отталкивания» от евреев не-евреям, особенно жителям тех частей России, которые раньше входили в черту оседлости, где коренное население имело много точек соприкосновения с евреями, например, на Украине.

Это отталкивание и было той причиной, которая препятствовала процессу быстрой ассимиляции, в результате смешанных браков и, тем самым, ликвидации «еврейского вопроса» в границах СССР.

Показательны статистические данные о проценте смешанных браков в разных частях России, заключённых после революции, т.е., когда все препятствия религиозного брака отпали и был введён институт гражданского брака на всей территории СССР.

По данным за 1924-26 годы в районах бывшей черты оседлости — на Украине и в Белоруссии — с огромным процентом еврейского населения, было зарегистрировано всего 3,6% смешанных браков (евреев с не-евреями), а во внутренней России процент этот был 16,8 %.

Приводя эти цифры в «Еврейском Мире» за 1939 год, автор не пытается исследовать причину этого несоответствия процента, а кратко говорит, что «это понятно».

На самом же деле это — совсем не так понятно, чтобы там, где процент евреев был больше, про-

цент смешанных браков был меньше и наоборот.

Понятно это несоответствие становится только тогда, если принять во внимание, что во внутренней России население евреев не знало и соприкосновения с ними до революции почти не имело, а в черте оседлости население евреев знало и имело, по отношению к ним, «отталкивание».

Кроме того, несомненно, играла большую роль и социальная структура еврейства в черте оседлости и вне её.

Евреи, жившие во внутренней России, в большинстве принадлежали к еврейской интеллигенции или буржуазии и в быту не так уже строго придерживались старых еврейских обычаев, и охотно общались с русскими семьями.

Но случаи смешанных браков были редчайшим исключением не только в среде еврейской буржуазии и интеллигенции, но, даже и среди евреев-революционеров.

Все они, как правило, женились только на еврейках, за исключением Троцкого, который был женат на русской.

Исключение составляли революционные лидеры-русские, такие, как Авксентьев, Чернов, Сухомлин, Керенский — все они были женаты на еврейках (Керенский — уже в эмиграции).

Еврейство вообще, а не только русское, смотрит на смешанные браки, как на начало конца для евреев и всячески против них борется.

В связи с этим, заслуживает внимания один случай, имевший место в 1960 году в США.

В Филадельфии на большом митинге, посвящённом вопросу, как бороться с антисемитизмом, выступил приглашённый еврейскими организациями известный английский историк **Арнольд Тойнби**, который порекомендовал изжить антисемитизм, путём смешанных браков...

Совет Тойнби вызвал взрыв негодования многочисленного собрания евреев, усмотревших в этом совете желание уничтожить еврейство. 800 раввинов выступили в печати с протестом против такого способа искоренения антисемитизма в США.

В СССР, как уже упомянуто выше, борьба против антиеврейских настроений велась другими методами — запрещением и строгими наказаниями.

Вопрос смешанных браков советское правительство не интересовало, хотя, в нём было множество евреев. Скорее наоборот, смешанные браки одобрялись и сами советские вельможи показывали тому пример: Сталин, Молотов, Ворошилов, дипломаты Крестинский, Трояновский и немало других были женаты на еврейках.

Жизнь брала своё. Разрушенный революцией замкнутый быт евреев, в котором раввины были непререкаемый авторитет, уже не мог быть восстановлен, даже при помощи «национально-персональной автономии».

К ужасу стариков, еврейская молодёжь начала есть «трефное», ездила в трамваях в субботу, перестала посещать синагоги, начала общаться с «гоями»...

Послереволюционное поколение евреев невосвратимо отходило от еврейства и устремлялось включиться в общерусскую культуру. И никакие усилия «Евсекции» не могли предотвратить этот процесс.

Потерялся всякий интерес к изучению еврейского языка, который всё больше и больше переставал быть разговорным языком евреев в СССР. И, по данным последней переписи, 80% евреев в СССР не умеют не только писать, но и читать по-еврейски-«идиш», не говоря уже о древне еврейском языке.

Еврейская «национальная культура» в дореволюционной России, несмотря на все «ограничения» (или благодаря им), достигла такого расцвета, какого не имела никогда и нигде за всё время пребывания евреев в рассеянии, о чём подробно и с большим знанием вопроса пишет **И. Зисман** в своей рецензии на «Книгу о русском еврействе»²⁹.

Но, как показала жизнь, она была возможна только в условиях самоизоляции евреев, пребывания их в своеобразном добровольном гетто, каковой была до 1917 года еврейская культура русских евреев.

Неразрывно связанная с иудейской религией и пропитанная расово-мистическо-схоластическими моментами, в своё время, культура эта дала ряд политических деятелей, создавших еврейские партии «Бунд» и «Сионистов-социалистов», сочетавших в себе позитивизм и материализм марксизма с элементами расово-мистическими иудейства.

И когда, с приходом коммунистов к власти, были запрещены все политические партии, не исключая и еврейские, бывшие члены «Бунда» и «С-С» (а также, частично и партии «Поалей-Цион») устремились в «Евсекцию» ВКП(б), по линии которой и стали проводить «национально-культурно-персональную» автономию на всех просторах России, не жалея для этого материальных средств всей страны и не считаясь с желаниями и настроениями коренного населения СССР.

В Москве создаётся «еврейское отделение Пролетарского Университета», директором которого назначается **Мария Лившиц-Фрумкина** («Эстер»), бундовка.

В Киеве отводится огромное здание для «Института Еврейской Пролетарской Культуры» (который, как упомянуто выше, закрылся в 1936 г., за отсутствием желающих обучаться в нём).

В Минске открывается и содержится на государственный счёт пустующий «еврейский отдел» Белорусской Академии Наук.

В городах и местечках со значительным еврейским населением открываются и содержатся школы (включая и средние) с преподаванием на еврейском языке.

Еврейский язык признаётся государственным и на нём ведётся судопроизводство в населённых пунктах со значительным процентом евреев, например, в Белоруссии.

В национальных республиках не только разрешается, но и поощряется создание обособленных еврейских профессиональных организаций, членами которых могут быть только евреи, которые, в то же время, состоят и членами аналогичных профессиональных организаций общегосударственных или республиканских соответствующей советской республики.

Так, например, в Киеве, наряду и параллельно с Союзом Украинских Писателей, существует и «Украинский Союз еврейских писателей».

Аналогичных примеров подобного рода «совместительств» можно привести множество.

«Евсеки» — члены еврейской секции ВКП(б) — проявляли необыкновенную активность в деле осуществления и внедрения «национально-культурно-персональной автономии» евреев везде, где к этому предоставлялась возможность, начиная с судопроизводства на «идиш» в Белоруссии и кончая изданием газеты в далёком Биробиджане или еврейских театров в Крыму.

Но «евсеки» старели и их пыл выдыхался, а смены им не было, по причине потери интереса к еврейской культуре у новых поколений, тяготевших включиться в культурную жизнь общероссийскую.

К тому же, они начали между собой ссориться и проявлять непривлекательные черты — внутреннюю склоку, подсиживание, доноительство.

Бюллетени ЕТА от 19 июня и 7 августа 1938 года сообщают:

«Харьковская газета «Дер Штерн» атаковала виднейших евсеков Москвы — московский «Дер Эмес» отвечал нападка на Украинский Союз еврейских писателей. Общее собрание Гезерда в Москве в декабре 1937 года явило позорную картину публичного доноительства на видных евреев-коммунистов, имевших несчастье состоять когда-то членами Бунда, Поалей-Цион, сионистов-социалистов и т.п. В Киеве и Харькове, вследствие аналогичных происков, были «вычищены» многие видные еврейские писатели — Макс Эрик, Михаил Левитан, Хаим Гильдин и др.»

Подводя итоги положению еврейской культуры в СССР, обозреватели (евреи-эмигранты) констатируют, что «мы присутствуем не при укреплении и развитии еврейской культуры в Советской России, а при истреблении кое-кого из тех немногих её носителей, которые ещё уцелели» (С. Познер).

А известный еврейский историк **Дубнов** пишет: «вырастает поколение, которое не знает своего происхождения и многовекового прошлого».

Оспаривать мнение знатоков этого вопроса, конечно, не приходится. Они совершенно правы, давши такую пессимистическую картину успехов еврейской культуры после двадцати лет её насаждения в СССР.

В дальнейшем этот отход самого еврейства от еврейской культуры ещё значительно усилился, за счёт совершенно добровольных ассимиляционных настроений.

Специфические особенности того, что называется «еврейской культурой» были тому главной и

²⁹ Рецензия эта полностью помещена во II части этой книги, как «Приложение», стр. 445-450

основной причиной. Ведь, еврейская культура — единственная в мире культура, органически и неразрывно связанная с религией.

«Евсеки» же, как коммунисты, религию вообще не признавали и проявление евреями религиозных чувств порицали или, в лучшем случае, относились только терпимо.

И не удивительно, что вся дорогостоящая забота с насаждением еврейской культуры в коммунистическом государстве кончилась полным провалом.

Религиозная жизнь евреев в СССР чахнет, а вместе с ней чахнет и еврейская культура.

Землеустроительная деятельность

(Еврейские национальные районы и области)

На протяжении всего многовекового пребывания в рассеянии, евреи никогда и нигде не занимались земледельческим трудом, что вызывало критическое отношение к ним коренного населения.

Ещё до того, как евреи стали подданными России, в Польше, в 18 столетии, делались попытки и разрабатывался закон о включении евреев в земледельческий труд. Но конкретно, в этом отношении ничего не было сделано.

В России, в первой половине 19-го столетия, правительство само приступило к организации чисто еврейских земледельческих посёлков на плодородных и богатых, полупустых тогда, землях южной России.

Новым поселенцам обещаны были разные льготы, а на постройку изб и прочих хозяйственных строений были ассигнованы соответствующие суммы.

Надзор за всем был поручен «Новороссийской опекунской (переселенческой) конторе», в распоряжение которой было предоставлено 30 000 десятин земли.

Здесь следует отметить, что переселенцы направлялись на новые земли только тогда, когда для них уже были построены избы (руками не евреев, а наёмных рабочих). Переселенцам выдавались также и денежные ссуды на устройство хозяйства на новом месте.

В результате этих мероприятий правительства, к 1810 году, в Херсонской губернии были созданы 8 еврейских земледельческих колоний, которые насчитывали 600 семейств с 3640 душ населения.

На устройство этих колоний правительством было израсходовано 145 000 рублей — огромная, по тому времени, сумма.

В дальнейшем переселенческая деятельность была сокращена, в результате слабых сельскохозяйственных успехов новых земледельцев-переселенцев, что вызвало сокращение кредитов.

Но самочинное, спорадическое переселение небольших групп евреев ещё продолжалось.

Тяжёлые материальные условия жизни в пе-

ренаселённых евреями местечках Западного края и Волыни, а также, надежда на получение разного рода льгот, в том числе и освобождение от несения воинской повинности (указ 1827 года) толкали евреев на самочинное переселение.

Но конечные результаты всего этого переселенческого движения и попыток правительства «привлечь евреев к земледелию» оказались ничтожны. И еврей-земледельцы, к моменту революции 1917 года, представляли величину микроскопическую, в «еврейском вопросе» в России, в общей шестимиллионной массе русского еврейства никакой роли не игравшей.

Объём настоящего труда не даёт возможности уделить достаточно места более подробному описанию этой попытки создать евреев-земледельцев.

Еврейские земледельческие посёлки — «колонии», кое-где существовавшие до революции, являли собою картину унылую и безотрадную: небрежно обработанные поля, в жалком виде хозяйственные постройки...

К тому же, посёлки эти были разбросаны и нигде не занимали сколько-нибудь значительную территорию, которую можно было бы провозгласить еврейской, «национальной территорией», если не областью, то хоть районом.

По этой причине, в первые послереволюционные годы вопрос о создании какой-либо еврейской территориальной единицы не поднимался.

Евреи ограничились «национально-персональной автономией» и распространением по всей России еврейских культурных учреждений для обслуживания евреев, пожелавших где-либо поселиться.

Только в 1924 году, когда закончилась гражданская война и наступило известное успокоение, по постановлению президиума ЦИК СССР, был создан, при Совете Национальностей, особый комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ) и возникла особая организация для пропаганды в еврейских массах идеи перехода к земледельческому труду.

Эта организация названа была обществом ОЗЕТ и объединила вокруг себя сотни тысяч членов.

КОМЗЕТ и ОЗЕТ привлекли к своей работе не только граждан СССР, но и еврейские организации вне СССР.

Например, в США еврейская благотворительная организация «Агроджойнт» собирала и направляла в СССР немалые суммы для помощи в землеустроительной деятельности КОМЗЕТ-а и ОЗЕТ-а.

Советское правительство отвело большие площади первоклассной земли для поселения евреев-земледельцев.

Больше всего в Крыму — свыше 342 тысяч гектаров; в Укр. Сов. Соц. Респ.: — 175 тысяч; Белорусской ССР — 28 тысяч.

Кроме того, было запланировано создание на Дальнем Востоке отдельной еврейской «национальной области» в Биробиджане, для чего было отведено около 4 млн. гектаров — целая область, грани-

чащая с Китаем, с умеренным климатом и огромными природными богатствами: громадными залежами железа (Хинган), магнезита, угля, не говоря уже об огромных массивах ценного леса.

Создание еврейской национальной области Биробиджан было запланировано на 1933 год, а к организации земледельческих посёлков и отдельных еврейских районов в европейской части России приступлено уже со второй половины 20-х годов.

Еврейская печать, как в СССР, так и за границей отнеслась к этим мероприятиям правительства СССР не только одобрительно, но даже восторженно.

Обстоятельно и подробно об этом пишет **Д. Заславский** в отдельной книжке «Евреи в СССР», изданной на русском языке в Москве в 1932 году еврейским издательством «Эмес».

Об этом же, в сборнике «Еврейский Мир», вышедшем в Париже в 1939 году, С. Познер пишет следующее:

«В интересах еврейского населения организованы шесть автономных еврейских районов, в коих все административные учреждения, суд, учебные заведения имеют, в качестве официального языка, идиш.

Все еврейские общественные и просветительские учреждения содержатся на государственный счёт. Вот данные об этих районах:

Районы	Территория (гект.)	Еврейское население (человек)
Калиндорфский	75.000	16.000
Ново-Златополь	45.000	14.000
Сталиндорфский	100.000	35.000
Фрейдорфский	100.000	20.000
Лариндорфский	100.000	20.000
Биробиджан	3800.000	20.000

Еврейские автономные районы существуют десять лет. За это время, указывает **Зингер**³⁰ «в них было создано 17 колхозов, построено 8 машинно-тракторных станций, основано 113 школ, из них 42 средние, 4 техникума, в них выходят две ежедневные газеты и один ежемесячный журнал, имеется одна музыкально-балетная школа, два театра, есть библиотеки, кино и т.д.»...

Не менее восторженно пишет о деятельности КОМЗЕТ-а и её результатах и известный в эмигрантских русско-еврейских кругах Марк Слоним, в

своём очерке «Писатели-евреи в советской литературе», напечатанном в сборнике II «Еврейский Мир» (Нью-Йорк, 1944 год):

«В некоторых случаях евреи осознали себя, как национальное меньшинство, имеющее право на культурную автономию. В литературе мало рассказано о жизни Биробиджанской республики, в которой, как и в некоторых колхозах Украины, официальный язык — еврейский (на нём же ведётся преподавание в школах).

В этих районах, до войны, создавалась какая-то особая форма существования и быта для тех, кто, в силу органического тяготения или сознательного решения, не хотели подчиниться ассимиляции и пожелали сохранить свои национальные особенности.

С особенной любовью еврейские писатели описывают Биробиджан, где молодёжь, преодолевая все трудности и борясь с жестокими природными условиями, с энтузиазмом строит «еврейско-советский дом». Поэт **Н. Фефер** горячо верит в блестящее будущее этой попытки:

По мраморным глыбам шагаю.
Шепчу по-еврейски в забвеньи,
И горный ручей, замедляя
Свой бег, зашумел в изумленьи...

Мне будущий город сияет,
Мне видится мрамор строений...
На мраморных плитах читаю
Чудесных времён наступленье...

Отношение к созданию еврейских «национальных территорий», с самого начала деятельности КОМЗЕТ-а, было неизменно одобрительное, нередко переходящее в восторженное у всех евреев, как советских, так, в одинаковой мере, и евреев-эмигрантов, и евреев, никакой связи с Россией в прошлом не имевших.

Все поддерживали, одобряли, а евреи иностранные и щедро жертвовали на это дело.

Особенный энтузиазм вызывало создание «Еврейской Республики» в Биробиджане. Ведь, там евреи были полные хозяева и могли устраивать жизнь по своему усмотрению и желанию.

В выдержавшей 9 изданий, обширной «Иллюстрированной истории еврейского народа» **Натана Аузбеля**, Биробиджану посвящена отдельная глава со множеством иллюстраций, из которых читатель видит, что для поселенцев были построены города и посёлки с хорошими домами, проведены дороги, установлено даже автобусное сообщение.

Упорная и непрекращающаяся пропаганда ОЗЕТ-а велась не только в пределах СССР — как на идиш, так и на всех языках СССР — но и за границей, в особенности в США, где она имела большой успех.

При посредстве Агроджойнта были собраны большие суммы денежных пожертвований, а, кроме того, около тысячи евреев из США направились в Биробиджан, чтобы принять участие в создании еврейской национальной области.

В Советском Союзе ставились специальные пропагандные фильмы с целью привлечь внимание

³⁰ Л. Зингер. «Ди социале ауфрихтунг».

переселенцев в Биробиджан.

Так, например, в фильме «Путь к счастью» изображался путь в Биробиджан и достижения там еврейских переселенцев, едущих создавать еврейскую республику. Популярной во всём СССР, в те времена, была песенка из этого фильма: «Ветер дует, дождь идет... Пиня золото несёт...» (вследствие шаржированно-карикатурного изображения персонажей фильма, он был скоро снят, как носящий «привкус антисемитизма»).

Но пропагандная деятельность ОЗЕТ-а не была прекращена. Однако, результаты всей этой кампании были более, чем скромные.

Перспектива превратиться в земледельцев или пионеров на Дальнем Востоке мало соблазняла евреев, ставших полноправными гражданами СССР и выделивших из своей среды значительную часть тогдашнего правящего класса. Еврейское население Биробиджана почти не увеличивалось.

В своё время, на 1 сионистском Конгрессе в 1897 году в Базеле, основоположник сионизма Теодор Герцль сказал: «мы не хотим омужичивать евреев»...

Он предвидел и понимал, что не в превращении евреев в крестьян-земледельцев видит он будущее еврейства.

Его последователи в СССР, создавшие ОЗЕТ, этого не понимали. А потому и не имели успеха, несмотря на огромные средства и энергию, затраченные на «омужичивание» евреев, да ещё, не в земле обетованной, а в рассеянии.

Точных цифр, во что обошлось государству (СССР) и жертвователям дорогостоящая затея с созданием еврейских национальных районов и области Биробиджан привести нельзя, ибо они не были опубликованы, несмотря на любовь коммунистической власти ко всякого рода статистике, цифрам и планам.

Но, всё же, некоторое представление обо всей этой затее можно составить, на основании косвенных данных, которые были опубликованы.

Прежде всего, количество гектаров плодородной земли, предназначенное для евреев-поселенцев. Исключая Биробиджан, в пяти чисто земледельческих еврейских национальных районах (перечислены выше) было отведено **420 000** гектаров земли для **105 000** еврейских поселенцев.

Это составляет на душу 4 с лишним гектара, а на семью, считая таковую в среднем в 5 членов, выходит 20 гектаров.

Такого количества гектаров не имело подавляющее большинство крестьян-земледельцев в тех районах, которые граничили с новосозданными еврейскими районами.

Все объективные данные для процветания этих земледельческих поселений были налицо. Но, на деле, не только не было никакого процветания, а через некоторое время, после создания, всё пришло в запустение.

И, к началу войны, «цветущие еврейские земледельческие посёлки и районы» были только в воображении тех, кто их сам не видел, а желал, чтобы

они были «цветущими».

Как это произошло, описано подробно одним агрономом, который, по распоряжению правительства, принимал участие в организации этих районов и был свидетелем всего дальнейшего³¹.

Описание относится только к Фрайдорфскому району. Но, во всех остальных районах произошло то же самое.

Что же касается Биробиджана, то там условия были другие. Огромная территория, несмотря на всю пропаганду и материальную помощь, заселялась евреями очень слабо.

И, хотя это и была еврейская национальная область, в которой всё было на идиш — евреев там было мало. Большинство населения еврейского Биробиджана составляли не-евреи: великороссы, украинцы и другие.

Правда, там издавались газеты на идиш, печатались книги, создавались учебные заведения, возводились постройки (не-еврейской рабочей силой), передавались радиовещания по-еврейски... Но, непонятно, для кого всё это было. Ведь, процент не-евреев значительно превышал процент евреев.

Неудавшаяся попытка создать для евреев свою еврейскую национальную республику при всемерной помощи всего государственного аппарата страны, в которой евреи составляли всего один с небольшим процент населения, заслуживает того, чтобы остановиться на этом и описать эту попытку подробнее.

После революции, Советская власть гарантировала «национальную автономию» меньшинственным этническим группам, обусловивши, однако, что, претендующая на национальную автономию, группа должна составлять большинство на той территории, на которой создаётся автономный национальный округ, область или республика.

Евреи СССР были рассеяны по всей стране и нигде не имели сколько-нибудь значительной территории (кроме некоторых местечек и маленьких городков), на которой они бы составляли большинство населения.

Такую территорию решено было создать, путём переселения, и выбор пал на Биробиджан на Дальнем Востоке.

Огромная, почти ненаселённая территория около 4 миллионов гектаров граничила с Китаем по реке Амур, с огромными природными богатствами, умеренным климатом, обилием лесов и богатых рыбой рек, была намечена для создания сначала еврейского национального округа, а потом и республики.

Инициаторы этой затеи рассчитывали, что в самый короткий срок в Биробиджане будет, по крайней мере, 500 000 еврейского населения, что создаст предпосылки для провозглашения Биробиджана «Еврейской Социалистической Советской Республикой».

Пока же, в 1928 году, Биробиджан был объявлен только еврейским национальным округом, а 6 лет спустя, в 1934 году округ переименован в об-

³¹ Смотри «Приложение» в ч. II, стр. 477-480.

ласть.

В расчёте на полумиллионное, а то и больше, население было запланировано и создано всё нужное для культурного обслуживания новых поселенцев.

Построена столица — город Биробиджан с удобными домами, проведено электричество, проложены дороги. Построен театр «имени Кагановича», библиотека «имени Шолом Алейкум» со **110 000** книг на идиш и на русском языках, а кроме того, **44** библиотеки-читальни по всему Биробиджану.

Открыто **132** школы с преподаванием, главным образом, на идиш, в том числе — четыре средние; педагогический и медицинский техникумы, железнодорожное училище, музыкальное училище. Открыт краеведческий музей, а также, музей еврейской культуры.

Организовано было всё самоуправление и суд на идиш, равно, как и издание ежедневной газеты на идиш и многих периодических изданий.

Средств на это всё не жалели. Ни государственных (СССР), ни тех, что поступали из США через Агроджойнт.

Так как новые поселенцы, для которых всё это создавалось, прибывали очень медленно и небольшими партиями, а, к тому же, не обладали квалификациями строительных рабочих и вообще, не были людьми, привычными к физическому труду, то, для осуществления плана, пришлось прибегать к труду не-евреев, чьими руками, в основном, и было создано всё, что предусмотрено было планом создания «Еврейской Республики».

Евреев-пионеров, которые бы сами своими руками пожелали строить свой «еврейский дом» не нашлось или почти не нашлось. Не нашлось много и желающих ехать в Биробиджан и поселиться в уже построенных для них домах.

Они предпочитали ехать в Москву, где, к концу 30-х годов, по данным «Еврейского Мира» за 1939 год, скопилось **500 000** евреев и их число продолжало неуклонно расти.

В Биробиджане же, по данным того же «Евр. Мира» (стр. 381), к концу 30-х годов, евреев было, всего-навсего, **20 000**.

Дальнейший приток прекратился, несмотря на всю пропаганду и огромные возможности для развития национально-культурной деятельности.

Провал начинания был очевиден. И в 1938 году правительство СССР вынесло решение о ликвидации КОМЗЕТ-а и уведомило Агроджойнт в США о том, что нет больше надобности в присылке средств на землеустройство евреев в СССР.

По данным, напечатанным в «Иллюстрированной Истории Еврейского Народа» (Натан Аузубель, Н.-Йорк, 1960 г.) в 1941 году всё население Биробиджана было **113 930**, из какового числа евреи составляли меньше одной трети части, но насколько меньше — об этом не пишется.

Упоминается только, что обнаружена «тенденция к уменьшению числа переселенцев в Биробиджан».

В действительности же, дело было не только в

уменьшении новых переселенцев, но в оставлении евреями Биробиджана вообще, о чём свидетельствуют официальные статистические данные, опубликованные в 1965 году в справочнике «Население земного шара» (стр.59).

О Биробиджане там напечатано следующее:

«Еврейская автономная область (в составе Хабаровского края). Площадь 36 тысяч квадратных километров. Численность населения, по переписи 1959 года — **162,9** тысяч человек (на начало 1965 г. — **172** тысячи). Основные национальности (в тысячах человек): русские — **127,3**; украинцы — **4,4**; евреи — **4,3**».

Как явствует из этих цифр, евреи в еврейском Биробиджане, в настоящее время, составляют не только «меньше одной трети», но вообще, только незначительное меньшинство.

Чем занимается это четырёхтысячное еврейское меньшинство, в специально для евреев созданной «еврейской национальной области», точных данных не имеется.

В СССР, в широких кругах населения, существует убеждение, что, оставшиеся в Биробиджане евреи там все находятся на положении командующих и распоряжающихся, но отнюдь не работающих.

Насколько это соответствует действительности — проверить (в настоящее время) не представляется возможным. Об этом хранит молчание и официальная статистика СССР, и евреи-эмигранты, будным оком следящие за жизнью своих единоплеменников в СССР.

30-летние итоги

За всё своё двухтысячелетнее пребывание в рассеянии, евреи всегда и у всех народов, среди которых они жили, как «государство без территории, но со своими законами», вызывали известное отталкивание, выражавшееся, как в ряде прямых ограничений, так и в затруднениях в возможностях для евреев выдвижения в самых различных областях жизни того народа или государства, среди которого они жили.

На преодоление этих ограничений или затруднений евреям приходилось тратить много сил и энергии — гораздо больше, чем коренным жителям страны.

А стремление к занятию известного положения в стране у евреев было не только не меньшее, чем у коренных жителей, но и гораздо большее, ибо они, с младенческих лет, воспитывались в сознании, что *евреи — «избранный народ»*.

Стремления эти они были принуждены обстоятельствами сдерживать и не выявлять. Накоплялся огромный запас потенциальной энергии, которая не находила себе выхода и применения в обстановке юдофобии, характерной в большинстве государств, в которых жили группы евреев.

Но, зато, когда в каком-нибудь государстве ослабевали юдофобские настроения и начинало появляться благожелательное к евреям отношение,

эти, скрываемые раньше, стремления евреев к власти, проявлялись особенно бурно и евреи быстро занимали в государстве руководящие положения.

По словам проф. Соломона Лурье, автора книги «Антисемитизм в древнем мире», «тогда у евреев оставалось столько свободной энергии, прежде тратившейся на борьбу со специально антиеврейскими препятствиями, что часто, продолжая по инерции борьбу с прежней напряжённостью, они выдвигались более, чем, пожалуй, сами того желали».

Так, когда в Египте, на короткое время, ставилась у власти партия, отказавшаяся от традиционной юдофобской политики — виднейшие военные посты оказывались занятыми евреями» (здесь имеется в виду династия Птолемеов — первые столетия нашей эры³²).

Нечто подобное произошло и в России в 1917 году, когда были отменены все до того существовавшие ограничения для евреев.

Сразу же они устремились к занятию тех положений в жизни страны, которые раньше были для них недоступны. И преуспели в этом гораздо больше, чем в *пине* при Птолеме IV.

Не прошло и года, как они фактически превратились в правящий класс, занявши подавляющее большинство ключевых позиций во всех отраслях жизни страны и государственного аппарата.

Это своё привилегированное положение они сохранили вплоть до начала и первых лет II мировой войны.

Попробуем подвести итог, чего же достигло русское еврейство, в целом, за этот период, длившийся 30 лет (от 1917-1947 гг.), и какой ущерб понесло, как замкнутая этническая группа, каковой они были за всё время пребывания на русской территории, вплоть до 1917 года.

Достижения эти были огромны, такие, каких евреи никогда и нигде до этого не имели.

Как указано выше, они стали правящим, привилегированным классом со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Без преувеличения можно сказать, что их влияние на всю жизнь страны и народа, на внутреннюю и внешнюю политику государства было решающим.

В прежние времена, в других государствах и среди других народов, для евреев, достигших власти, была возможность накопления материальных благ и передачи их по наследству своим потомкам и родственникам, чем обеспечивалось их положение в социальном и политическом строе в будущем.

Такой возможности в социалистическом Советском Союзе, где была упразднена частная собственность, не было.

При новом строе, основными предпосылками для преуспевания в жизни было образование, которое, при родственных и племенных связях с правящим классом, обеспечивало за потомками этого

правлящего класса соответствующие позиции в жизненной карьере.

Понимая это, русское еврейство хлынуло широким потоком в высшие учебные заведения и заполнило их в такой пропорции, которая никак не соответствовала их проценту, по отношению к общему числу населения.

За первые 30 лет своего пребывания, в качестве правящего класса, евреи смогли дать высшее образование такому числу своих единоплеменников, что и сейчас процент евреев — граждан СССР с высшим образованием во много раз превосходит процент не-евреев.

Достижения в этой области были огромны и несомненны. С мнением же и настроениями коренного населения новый правящий класс не считался.

Приведённые выше достижения повлекли, однако, за собой и немало явлений, которые для еврейства и его быта, и сплочённости явились огромным ущербом, вряд ли вообще поправимым.

Ущерб этот, прежде всего, выразился в отходе всего еврейства СССР, а молодёжи — в особенности, от иудейской религии, которая, будучи неразрывно связана с происхождением и особенностями быта, веками служила надёжной и верной защитой от растворения евреев в окружающей среде, чего евреи всего мира так боятся и против чего ведут ожесточённую борьбу.

Жизнь оказалась сильнее обветшалых схоластическо-мистических установок иудаизма. И все попытки еврейских политических партий, таких, как «Бунд», «Поалей-Цион» и «Сионистов-Социалистов» совместить верность иудейской религии с верностью атеистическому марксизму-коммунизму — не привели ни к чему.

Недёшево обошедшаяся всему населению СССР попытка «евсеков» создать еврейские национальные области и еврейские учебные заведения, а также, еврейскую «национально-персональную» автономию и культурные учреждения, как указано выше, претерпела полный крах.

И причиной этого краха было отнюдь не противодействие коренного населения, а самих евреев.

Многочисленная в начале революции категория евреев, совмещавших верность Талмуду с верностью догмам коммунизма, как, например, **Исаак Бабель**, быстро стала исчезать. «Евсеки» и их последователи уходили со сцены, не сумевши создать себе смену из молодого поколения.

Неразрывно связанные с отходом от Талмуда и замкнутого еврейского быта, ассимиляционные настроения в еврействе стали крепнуть и расти.

Смешанные браки, замена в быту разговорного языка «идиш» языком русским, нежелание даже изучать «идиш», на котором, по данным последней переписи (1959 г.), могли читать и писать только 20% евреев — граждан СССР — всё это несомненные признаки процесса ассимиляции, совершенно добровольной.

Процесс этот не идёт так быстро, благодаря наличию сохранившегося и до настоящего времени у евреев иррационального отталкивания от тех, кого

³² Подробнее изложено в части II — «Приложение», страницы 291-358.

их предки называли «гоями», что препятствует и смешанным бракам, и полному растворению в культуре окружающей среды.

Подсознательно, сам не отдавая себе в этом отчёта, еврей продолжает всех людей делить на «наших» и «не наших». Преодоление этого деления идёт гораздо медленнее, чем отход от религии и языка. Когда оно будет изжито — предсказать нельзя.

Ущерб для русского еврейства, в результате его превращения в правящий класс не ограничился только областью религиозно-культурной жизни евреев в СССР.

Резко изменилось отношение к еврейству в целом и всего населения СССР. Не только широких народных масс, но и русской интеллигенции, которая всегда традиционно была настроена, по отношению к евреям, дружелюбно.

Чрезмерная, бросающаяся в глаза, активность евреев, при проведении мероприятий новой власти, не только не вызывающих одобрения населения, но и порождающих резко отрицательное отношение, как к самим мероприятиям, так и к исполнителям, в корне изменила отношение к евреям даже тех, кто всегда был настроен юдофильски.

Это обнаружилось в первые же годы советской власти, о чём написала статью Е. Кускова («Кто они?»), напечатанную в еврейской эмигрантской газете. Статья эта полностью приведена в части II этой книги (См стр. 486-487).

В дальнейшем причины, порождающие отрицательное отношение к евреям, непрестанно росли: огромный процент евреев в органах Чека, в деятельности активных безбожников, в издевательском отношении к национальным чувствам народа и памятникам его культуры, в искоренении самого слова «русский», во всех действиях новой власти, направленных к разрушению многого того, что для народа было свято.

И, в то же время, тоже бросающееся в глаза, относительное материальное благополучие евреев, на фоне общего голода и недостатка во всём необходимом, от чего страдало всё население страны.

Способствовать благорасположению к евреям это, конечно, не могло. И свои плоды принесло, укрепивши антиеврейские настроения, которые не проявлялись только из страха суровых наказаний.

Эти антиеврейские настроения ничего общего с тем, что называется «антисемитизм» не имели.

Причина их была вовсе не в области религиозно-расовой, а только и исключительно в области материальной — недовольство голодного и бедного, наблюдающего жизнь сытых и богатых, да, к тому же, иноплеменников, пренебрежительно-презрительно относящихся к прошлому и культуре того народа, среди которого они живут и которым правят.

Не ощущать и не замечать этого всего народ не мог. Не замечал это и относил на счёт «контрреволюции» и «пережитков прошлого» только новый правящий класс.

Русское же еврейство в целом, в результате,

понесло такой моральный ущерб, который вряд ли когда-нибудь сможет быть восстановлен.

Оно, если не навсегда, то на долгий срок, потеряло надежду на возможность хороших отношений с тем народом, на земле которого оно живёт.

И ещё один ущерб и себе, как евреям, и русскому народу нанёс новый правящий класс.

Самим своим существованием и безнаказанной разрушительной работой над историческим прошлым великого народа, своими выступлениями перед всем миром от имени этого народа, как монопольные его представители, новый правящий класс показал соблазнительный пример Гитлеру и его последователям, как незначительное чужеродное меньшинство может владеть и править огромной страной, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Этим аргументом нередко пользовались немецкие национал-социалисты в своей пропаганде.

Заменить три миллиона евреев, правящих Россией, тремя миллионами немцев — и всё будет в порядке...

Такие мысли высказывались не раз немецкими пропагандистами в их психологической подготовке к освоению России. Разумеется, обращаясь к немцам.

А пропаганда, идущая из Германии в СССР, неустанно твердила, что «*жиды правят Россией*», приводя множество имён и фактов.

Нельзя не признать, что пропаганда эта находила в СССР внимательных слушателей и имела известное влияние на настроение широких народных масс.

Правящий же класс в СССР, в своей пропаганде оперировал больше лозунгами пролетарско-интернациональными, которые достаточно набили оскомину за четверть века и на массы действовали слабо, что и обнаружилось в первые же месяцы войны.

Война за мировой пролетариат и III Интернационал никого не воодушевляла. А бахвальство правящего класса о «полной боевой готовности» СССР никого не убеждало.

К тому же — что нельзя выпускать из вида — в народе ещё живы и свежи воспоминания о тех периодах, когда всё население голодало и испытывало острую нужду во всём, а евреи, получая помощь от своих заграничных единоплеменников, были в неизмеримо лучшем положении, чем все не-евреи.

Если народ не протестовал и не бунтовал — это не значит, что он не видел, не понимал и не запоминал.

Живы ещё были и миллионы «репрессированных» и «раскулаченных» и членов их семей, а также, родственников и друзей заключённых в лагерях, которыми, как известно было всем, управляли почти исключительно евреи.

Правда, в Красной Армии, в кадровых частях, этих, «ненадёжных», с точки зрения политической, элементов не было.

Но, в случае войны и мобилизации, предотвратить их проникновение в ряды армии было не-

возможно, а это, вне всякого сомнения, не могло не повлиять на дух и настроение всей армии, в случае большой войны.

Надо полагать, что, учитывая это, СССР всячески старался избежать столкновения с Германией или, хотя бы, его возможно дольше отсрочить.

Соглашение с Германией летом 1939 года было принято всем правящим классом СССР без протестов и возражений, хотя это и было соглашение со злейшим врагом еврейства — немецкими антисемитами, а правящий класс СССР находился всецело под влиянием евреев, составлявших его значительную и наиболее влиятельную часть.

Одобрено было это соглашение и Коминтерном, тоже состоявшим, в основном, из евреев.

И в Германию потянулись из СССР огромные составы поездов, нагруженных сырьём, нужным для ведения войны.

Правящий класс откупался этим от агрессивного немецкого нацизма, если не окончательно, то, хоть на время.

И расчёт, нельзя не признать, был правилен, если бы немцы серьёзно увязли на Западе.

Но, произошло непредвиденное и непредусмотренное: бескровная победа немцев над всеми своими противниками в Европе освободила мощную немецкую военную машину. И она устремилась на Россию.

Началась II мировая война.

Ещё до её начала, почти два года немцы распоряжались в оккупированной ими Польше, где, с предельной очевидностью, показали на какое к себе отношение могут рассчитывать евреи-граждане СССР, в случае войны Германии с СССР и занятия немцами, хотя бы временно, некоторых территорий СССР, на которых были евреи.

Правительство СССР и весь правящий класс отлично это знали и, тем не менее, когда началась война, оказалось, что своевременно не были приняты нужные меры для спасения евреев.

А ведь, тогда, евреи, при желании, легко могли заблаговременно принять нужные меры. И, конечно, не русский народ виноват, что некоторое количество евреев-граждан СССР было уничтожено немцами, а тот правящий класс, т.е., евреи, который не принял своевременно нужных мер.

Малопонятное равнодушие со стороны советских дипломатов при заключении соглашения с немцами к судьбе евреев в Польше было проявлено в августе 1939 года, когда фактически предreshалась судьба польских евреев.

А, между тем, прояви тогда дипломаты СССР хоть малейшее желание при переговорах о ликвидации Польши, принять, как иммигрантов, в СССР всех евреев из той части Польши, которая отходила к Германии, — немцы бы против этого не только не протестовали, но всячески приветствовали.

Оно и логично: ведь, три миллиона польских евреев для немцев не были ни нужны, ни полезны, а только излишний балласт.

Во время переговоров, перед подписанием со-

глашения, обсуждался также и вопрос о репатриации украинцев и белорусов, которые бы остались за линией, намеченной Советско-германской границы, каковой и был разрешён к обоюдному согласию.

Немцы не протестовали против того, чтобы изтерритории, отходящей к ним, могли репатриироваться (по собственному желанию) и численно незначительные группы белорусов и украинцев.

После достигнутого соглашения о белорусах и украинцах, Риббентроп предложил Молотову: «А не хотите ли взять и три миллиона евреев?»... — В ответ было гробовое молчание советской делегации...

Вопрос о евреях был «выделен» для обсуждения впоследствии... Но, так и не обсуждался. Не поднимали его ни немцы, оставшиеся при своём предложении, ни советское правительство.

После капитуляции Германии, когда многие дипломатические документы стали достоянием гласности, нигде нельзя было найти следа или указаний, что этот вопрос вообще обсуждался и что немцы предложили СССР принять всех евреев из Польши.

То, что такой важный вопрос вообще не был занесён в протокол, маловероятно.

Ближе к истине будет предположение, что это предложение немцев и реакция на него СССР было пропущено, при оглашении подробностей соглашения Гитлера со Сталиным, дабы не дать оснований к обвинению СССР, в хоть и косвенном, но несомненном содействии в деле уничтожения евреев — граждан Польши.

Выяснить этот вопрос — дело будущих историков и исследователей этой эпохи. Сделать это нам, современникам, невозможно. Многие ещё недоступно для изучения и невозможно для опубликования.

Но делать указания на то, что подлежит изучению в будущем, мы не только можем, но и должны.

Должны оставить для исследования в будущем не только документы и указать на факты, но и высказать мнения, предположения, гипотезы, которые, не будучи нигде напечатаны, всё же, были, их обсуждали, о них говорили. И легко могут выпасть из поля наблюдения будущих историков.

В годы войны мне лично довелось услышать о предложении Риббентропа от разных лиц. Как от немцев, близких к правящим тогда кругам, так и от бывших видных членов ВКП(б), находившихся, в момент переговоров, в Москве и, по их словам, слышавших это от лиц, занимавших высокие посты в Министерстве.

Так, например, бывший в 1939 году председателем Горсовета в Москве **Жиленков**, в 1944 г. когда он был главным редактором газеты «Воля Народа» (орган Власовского движения) рассказывал о предложении Риббентропа, равно, как и о том, как оно было воспринято Сталиным.

Когда Молотов доложил Сталину о предложении — Сталин сказал: «надо обдумать» и сразу никакого ответа не дал. И только на следующий

день, вызвавши Молотова, кратко сказал ему: «предложение Риббентропа не подходит. Нет расчёта... Молчи...»

И вопрос о трёх миллионах польских евреев во время переговоров больше не поднимался.

Короткой фразой Сталина: «нет расчёта» была решена судьба польских евреев.

Сталин, без сомнения, был хорошо осведомлён об антиеврейских настроениях широких народных масс СССР и учёл, что появление трёх миллионов евреев, привыкших в Польше к условиям жизни весьма далёким от таковых в СССР, неизбежно вызовет ряд конфликтов и никакой пользы ни государству, ни режиму не принесёт.

И, наоборот, оставление их на милость и немилость немцев (тогда ещё массовых расстрелов и сжиганий не было) более, чем вероятно, вызовет усиление антинемецких настроений в США, где редко кто из польских евреев не имел родственников или друзей, что и произошло на самом деле.

Отказать Сталину в способности реально учитывать обстановку нельзя. Действительно, для него лично и для всего правительства СССР «не было расчёта» проявлять гуманность и спасать евреев Польши.

Несмотря на то, что, как уже указано выше, в то время евреи в СССР во всех областях жизни, а в дипломатии в особенности, занимали руководящие положения.

Но, в этом случае, они принуждены были свои проеврейские симпатии подчинить безжалостной догме коммунистического интернационала и в этом вопросе молча следовать указаниям Сталина.

Своё нежелание превратить СССР в прибежище бегущих от Гитлера евреев Сталин не ограничил отказом на предложение Риббентропа о трёх миллионах польских евреев; их не пропускали в СССР и тогда, когда они одиночками или небольшими группами пытались перейти границу СССР, после ликвидации Польши и проведения демаркационной линии между СССР и Германией.

В своей книге «Евреи в Советском Союзе» (Н.-Йорк, 1966 г.) Соломон Шварц весьма подробно описывает многочисленные случаи, когда советские пограничные власти не только не пропускали на советскую территорию евреев, пытавшихся, без виз и разрешений, попасть в СССР, но принудительно возвращали их к немцам.

Что это действительно так было — никто не оспаривает. Ведь, всё это происходило в октябре 1939 года, непосредственно после капитуляции Польши, проведения границы между СССР и Германией, которые, всего за несколько недель до этого, подписали договор «дружбы».

Естественно и нормально, что государства, находящиеся в дружественных отношениях должны соблюдать существующие во всём мире правила о въезде в страну граждан или подданных другой страны, хотя бы и дружественной.

Этого и придерживались советские власти, препятствуя проникновению на свою территорию кого бы то ни было, без соответствующего разре-

шения. При этом, никаких исключений для евреев не делалось.

Это обстоятельство — что не делалось исключения для евреев — и возмущает г. Шварца, который, как юрист по образованию, должен бы был знать, что ни одна страна в мире не делает исключений ни для кого, в том числе и для евреев.

Должен он знать также и то обстоятельство, что, за самовольный пропуск через границу кого бы то ни было, даже еврея, по закону полагалось строжайшее наказание, неизмеримо более строгое, чем в государствах несоциалистических.

Перечисление всех случаев недопущения без разрешения в СССР свидетельствует только о бдительности Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которой правительством была поручена охрана границ, что г. Шварцуследовало бы знать и своим возмущением не демонстрировать своё полное непонимание основных норм права.

Ведь, не подлежит сомнению, что, если бы было соответствующее распоряжение правительства — все евреи беспрепятственно были бы пропущены на территорию СССР, без всяких виз и особых разрешений.

Тем более, что в прошлом были случаи, когда русское правительство, без виз, принимало тысячи людей, которым угрожала смерть в стране, подданными которой они состояли. Случаи эти общеизвестны — армяне и балканские христиане, спасаясь от резни турок, в неограниченном числе, принимались в России.

Но, в октябре 1939 года, евреев никто не резал и не расстреливал только потому, что они евреи. Началось это гораздо позже, только в 1941 году.

Почему же правящая верхушка СССР не добилась распрямления о свободном пропуске евреев в СССР — это вопрос особый. Ведь, желание помочь своим соплеменникам у евреев СССР, несомненно, было.

Что же их удержало от того, чтобы настоять на свободном приёме евреев в СССР?

Ответ на этот вопрос мы находим в одной из статей в «Социалистическом Вестнике»: «нежелание, чтобы население отождествляло советскую власть с евреями», — как явствует из слов Хрущёва, сказанных в начале 1944 года в Киеве, после его занятия советскими войсками.

Одна еврейка — **Ружа Годес**, которой удалось пережить оккупацию Киева немцами, пожаловалась Хрущёву, что её не хотят принимать на службу потому, что она еврейка.

На это Хрущёв сказал следующее:

«Я понимаю, что Вы, как еврейка, рассматриваете этот вопрос с субъективной точки зрения. Но мы — объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине евреи нам не нужны. И, я думаю, для украинских евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда. Лучше бы они поехали в Биробиджан... Ведь мы — здесь на Украине... Понимаете ли Вы? Здесь — Украина. И

мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти, как возвращение евреев».

Сказано предельно ясно и точно³³.

И, вне всякого сомнения, то, что сказал Хрущёв в 1944 году, отлично знал Сталин в 1939 году, когда он отверг предложение немцев взять в СССР польских евреев.

Хоть он и был диктатор, но, всё же, с настроениями населения не считаться он не мог и учитывал, что, если прибавить к трём миллионам евреев советских ещё три миллиона евреев польских — это могло вызвать последствия весьма нежелательные и для самого Сталина и для евреев правящего класса.

По этой, надо полагать, причине и было проявлено такое безразличное отношение к судьбе польских евреев.

За несколько лет до 1939 года эту возможность предвидели и писали о ней г. **Аронсон** и **С. Португейс**, как это упомянуто в предыдущем изложении.

Они, напомним, допускали возможным и вероятным, что, если для тех, в чьих руках находится власть в СССР, будет выгодно не только отречься от какой бы то ни было защиты евреев, но и превратиться в их гонителей — это будет осуществлено.

Как показали последующие события, пессимистическое предсказания Аронсона и Португейса частично и, в незначительной степени, оправдались.

Правда, никаких «гонений» на евреев в СССР не произошло, но настроения населения были учтены и, во избежание могущих произойти крупных волнений и недовольства, что было особенно опасно в предвидении возможной войны, евреев стали «втихую» отстранять с более заметных общественных должностей и заменять их представителями других народностей страны.

Производилось это всё без громких процессов и газетной шумихи, но твёрдо и неуклонно.

Население, конечно, это заметило и, нельзя не признать, что эти мероприятия власти не вызывали недовольства.

Так шло и в годы войны, когда особенно ярко обнаружилось недовольство населения привилегированным положением евреев в СССР.

Годы войны

Была ли война с Германией для правящего класса неожиданностью или её предвидели и ожидали, до сих пор с достоверностью не установлено.

Немало хорошо осведомлённых исследователей этого вопроса и мемуаристов держатся мнения, что Сталин рассчитывал или её вообще избежать, или вступить в неё в тот момент, который он сам выберет.

В пользу последнего предположения говорит и то обстоятельство, что, как показали события, вооружённые силы СССР, наступлением немцев 22

июня 1941 года были застигнуты врасплох, что, конечно, не могло бы случиться, если бы Сталин рассчитывал на возможность внезапного нападения Германии.

Перед русским еврейством война поставила ребром вопрос о физическом истреблении всех евреев — граждан СССР, если немцы не будут побеждены или отбиты.

А, для правящего класса, в котором такую огромную роль играли евреи, война была проверкой и испытанием отношения к евреям всего населения, которое и определилось к концу войны.

Участие в войне, как известно, не ограничивается непосредственным участием в боях и сражениях и проявлением личной храбрости, жертвенности и полководческих дарований.

Тыл, понимая его широко, как организацию всех ресурсов и соответствующую пропаганду, как в стране, так и вне её — играет также огромную роль, и от хорошей организации тыла зависит и конечная победа.

Понимая это, евреи СССР, с самого начала войны проявили лихорадочную деятельность, имевшую конечной целью победу над Германией, причём, везде подчёркивается активное участие евреев в боевых действиях на фронте.

Так, например, на первом митинге евреев в Москве, как единственный оратор не-еврей, выпускался красноармеец **Кузнецов**, восхваляющий фронтовые подвиги «сынов еврейского народа».

Съезд евреев — граждан СССР, собравшийся в Москве через несколько месяцев после начала войны, публикует воззвание ко «всему еврейству» с призывом всемерно поддержать СССР в войне с Германией.

Создаётся в Москве «Еврейский Антифашистский Комитет», развивающий пропагандную деятельность и состоящий почти исключительно из евреев.

Мировая печать вне Германии полна сообщениями об активном участии евреев в войне и об их воинских подвигах и жертвенности.

Характерно, что в ведущейся пропаганде атеистическая советская власть допускает то, что раньше было немыслимо. Так, например, в «Еврейском Мире» (сборник II, 1944 г., Нью-Йорк) мы читаем следующее:

«Во время больших еврейских праздников в 1941 году синагоги Москвы, Ленинграда и Харькова были переполнены молящимися, и не только людьми старшего поколения, но и молодыми еврейскими солдатами, сражающимися в рядах Красной Армии. Во время пасхальной недели 1942 года были впервые, со времени октябрьской революции, устроены большие общественные седыры» (стр. 237).

Какое впечатление это сообщение могло произвести на консервативные еврейские круги, которые имели известное «отталкивание» от СССР по причине официального атеизма, там провозглашённого — вряд ли нужно комментировать.

А 20 декабря 1941 года московская радиостанция в радиопередаче на польском языке, повто-

³³ См. ч. II, стр. 488-497.

ренной на следующий день пять раз по-немецки, «сравнивала удачное русское зимнее наступление с чудом Маккавеев, напоминая немцам, что 134-я Нюрнбергская дивизия, названная по имени того города, в котором возникло расовое законодательство, была истреблена, как раз, в ханукальную неделю, когда евреи празднуют победу над угнетателями еврейского народа³⁴».

Наряду с этим, регулярно сообщалось в заграничной печати, как об отваге отдельных евреев на фронте, так о числе боевых наград, полученных евреями за боевые подвиги.

Так, например, только за первые 15 месяцев войны 5 163 еврея получили награды за храбрость. Советская армия имела 100 генералов-евреев, а кроме того, много новых генералов-евреев можно было найти в каждом новом списке о наградах и производствах...

Е. Сталинский, еврей-эмигрант, в статье «Евреи в Красной Армии», напечатанной в 1944 году в США, перечисляет множество отличившихся на войне евреев, а также, носящих на груди золотую звезду Героя Советского Союза, кончает своё перечисление словами: «список их весьма длинен, чтобы быть включённым в рамки небольшой статьи».

Не будем перечислять и мы. Добавим только, что установить, кто из генералов или героев еврей, а кто таковым не является, не представляется возможным, ибо, при производствах и награждениях, нет данных о племенной принадлежности или народности.

Как это устанавливают евреи — неизвестно. Тем более, что часто еврей имеет чисто русскую фамилию, как например, генералы **Карпоносов, Баринов, Златоцветов...**

Наличие евреев в разных чинах, до генеральского включительно, в Красной Армии никто и не оспаривает.

Правда, того, что было в начале революции, когда всеми вооружёнными силами страны командовал еврей Бронштейн-Троцкий, а политическая часть была в руках еврея Гамарника, во время последней войны не было.

Не было евреев ни среди командующих фронтами, группами армий, армиями или даже корпусами.

Еврей-генералы были больше в тыловых учреждениях, военно-технической части, военно-медицинской. Но были, конечно, и в боевых частях, были среди них и убитые, и раненные.

А были и такие генералы, как, например, инженерно-технической службы **Нафталий Аронович Френкель** или **Яков Данилович Раппопорт**, которые были заняты концлагерями и поддержанием порядка в них.

Но все они — и на фронте и в тылу — прилагали все свои силы, чтобы не попасть под власть немцев, что было для них равносильно смерти.

Для еврея, независимо от чина, не было возможности, попавши в плен, «кончить войну», како-

вая возможность для евреев существовала и бывала используема во время 1 мировой войны.

По этой причине, евреи, которые оказались в рядах Красной Армии, не обнаруживали каких-либо пораженческих настроений и воевали и за совесть, и за страх..., если не удавалось получить освобождение от фронта (броню), как специалисты и нужные в промышленности.

А таковых — имеющих броню, среди евреев было великое множество, что не оставалось незамеченным всей страной и вызывало чувства далеко не дружественные по отношению к евреям.

Броня давалась ответственным работникам в разных отраслях промышленности, а, при эвакуации, в первую очередь эвакуировались эти ответственные работники, разумеется, с семьями и имуществом.

А, так как подавляющее большинство этих ответственных работников были евреи, которые, при эвакуации, спасали и свои семьи, то получалось, что эвакуируются евреи, занимая поезда и автотранспорт.

Кроме того, правительство СССР, учитывая опасность уничтожения для евреев, попавших к немцам, со своей стороны, старалось, прежде всего, эвакуировать евреев.

Это последнее обстоятельство — **всемерное содействие правительства СССР делу спасения евреев перед наступающими немцами** — замалчивается или даже некоторыми еврейскими исследователями этого вопроса вообще отрицается.

Признать это — значило бы признать и нечто положительное, сделанное для евреев правительством СССР, которое, с начала 40-х годов, в большой немилости у мирового еврейства, обвиняющего его в «антисемитизме» и «преследовании» евреев.

Но в годы войны сами евреи говорили совершенно другое. Марк Вишняк, один из инициаторов создания центрального органа для борьбы с антисемитизмом (на собрании еврейских федераций в Кливленде, в 1943 г.) в 1944 году в сборнике «Еврейский Мир» на странице 98 пишет следующее:

«О СССР и убеждёнейшие его противники не скажут, что там культивируется антисемитизм»...

Марк Вишняк — бывший Секретарь Всероссийского Учредительного Собрания и долголетний редактор толстого эмигрантского журнала на русском языке — человек весьма осведомлённый.

В другом же месте, в том же «Еврейском Мире» мы читаем признание, что **«советское правительство, для спасения евреев, представляло нужный транспорт, даже в ущерб делу ведения войны».**

Эвакуация евреев перед наступающими немцами шла не только по железной дороге, на грузовиках и легковых автомобилях, переполненных евреями и их движимым имуществом (нередко везли и мебель, пианино), но частично и на лошадях.

Немцы бомбили ж.-д. линии и большие шоссе-дороги, а по просёлочным дорогам ехать было сравнительно безопасно. Поэтому немало евреев предпочли этот способ эвакуации, как, хоть и

³⁴ Цит. по книге «Еврейский Мир», стр. 238.

медленный, но зато, безопасный.

От горсовета получалось предписание председателям колхозов и совхозов предоставить предьявителю пару лошадей, перевозочные средства и необходимый фураж.

С такими предписаниями евреи и ехали по просёлкам, меняя в попутных колхозах или совхозах лошадей и пополняя запас фуража, до того пункта, где можно было погрузиться в вагоны для дальнейшего следования за Урал. Лошади и повозки, при этом, бросались на произвол судьбы.

Немецкие войска, при наступлении, обнаружили в нескольких километрах от областного города Сумы, недалеко от Харькова, много тысяч брошенных лошадей со сбитыми холками и плечами и поэтому негодных для упряжки. Это были брошенные евреями лошади, на которых они эвакуировались на восток.

Сумские власти, незадолго до прихода немцев, организовали ветеринарный лазарет с целью подлечить этих лошадей и сделать пригодными для упряжки.

Так, всеми путями и способами, впереди наступающих немцев двигалась на восток волна эвакуирующихся евреев.

Согласно заявлению советского еврейского писателя **Бергельсона**, из районов, попавших под власть немцев, **80%** проживавших там евреев были эвакуированы.

Только в городах, которые, в результате быстрого продвижения немцев, попадали в «котлы» — окружения, как, например Киев, некоторая часть евреев не успевала эвакуироваться и немцы их уничтожали.

Точное число евреев, уничтоженных немцами в оккупированных ими районах СССР до настоящего времени (1966 год) с полной достоверностью не установлено.

Так, например, данные о самом крупном массовом уничтожении евреев в Киеве (Бабий Яр — 1941 год) не могут быть признаны абсолютно точными. В разное время, разные авторы и исследователи называют разные цифры.

Сначала говорилось о **70** или даже о **80** тысячах; теперь эта цифра упала до **34** тысяч. Установить точную цифру — задача будущих объективных исследователей этого вопроса, если это вообще окажется осуществимым.

Необходимо принять во внимание, что немцы уничтожали не одних только евреев, если не массовым расстрелом, как в Бабьем Яру, то голодом в лагерях военнопленных, как это имело место всего в нескольких километрах от Бабьего Яра — в Дарнице, где от голода и лишений погибли десятки тысяч из тех **665** тысяч советских бойцов и офицеров, которые попали в плен в киевском «котле» в сентябре 1941 года.

Точное число их неизвестно, но что их было не меньше, а больше, чем евреев, расстрелянных в Бабьем Яру — не подлежит никакому сомнению.

Вообще, каждый объективный исследователь вопроса об эвакуации евреев, при наступлении

немцев, не может не признать что те, в чьих руках тогда была власть в СССР, делали всё возможное для спасения евреев, часто в ущерб коренному населению, по отношению к которому забот проявлялось меньше (или вовсе никаких), чем к представителям еврейской этнической группы.

Население это видело, но, скованное страхом, молчало и не смело поднять голос протеста.

Только иногда, в моменты паники, настроения эти прорывались и можно было, из толпы «граждан второго класса», т.е., не-евреев, слышать слова негодования и угрозы...

Но представители правящего класса, которые распоряжались эвакуацией, делали вид, что ничего не слышат или пытались ласковыми уговорами успокоить протестующих.

В годы войны, а также, в первые годы после её окончания, вопрос о том, что советская власть всемерно содействовала спасению евреев считался не подлежащим никакому сомнению и об этом много писалось в периодической печати вне СССР, как еврейской, так и не-еврейской.

Так, **Евгений М. Кулишер** в бюллетене «Хайаса» в 1946 году пишет:

«Не вызывает сомнений, что советские власти принимали специальные меры для эвакуации еврейского населения или для облегчения его стихийного бегства. Наряду с государственным персоналом и промышленными рабочими и служащими, всем евреям отдавалось преимущество при эвакуации... Советские власти предоставили тысячи поездов специально для эвакуации евреев, сознавая, что они являются наиболее угрожаемой частью населения».

Позже, в своей большой работе о миграциях еврейского населения, изданной в 1948 году Колумбийским Университетом, Кулишер пишет:

«Из городских центров были вывезены фабрики, вместе с обученными и другими рабочими. Кроме того, были эвакуированы государственные служащие и широкие массы евреев, чтобы спасти их от немецких жестокостей».

Моше Каганович, бывший партизан, выпустил две книги воспоминаний (одну — в 1948 году в Италии, вторую — в 1956 году в Аргентине), в которых категорически утверждает, что, по предписанию властей, для эвакуации евреев предоставлялись все имеющиеся транспортные средства, а также, что было приказано **евреев эвакуировать в первую очередь**.

Зимой 1946-47 года, чтобы проверить всё на месте, корреспондент нью-йоркской газеты «Дер Тог» (еврейской) **Б.Ц. Гольдберг** побывал в СССР, в частности, в Киеве, и о своих впечатлениях и расследованиях написал статью «Как во время войны эвакуировали евреев в Советской России³⁵», в которой он пишет о своих украинских впечатлениях.

Автор, как он пишет, поставил себе задачей выяснить, «какова была политика власти в вопросе об эвакуации евреев».

Об этом он расспрашивал многих: евреев и

³⁵ «Дер Тог», 21 февраля 1947 года.

христиан, военных и эвакуированных; все отвечали, что «политика власти заключалась в том, чтобы предоставить преимущества при эвакуации евреям, стараться вырвать их чем больше, чтобы наци не могли их уничтожить».

В числе лиц, с которыми разговаривал Гольдберг, он называет и киевского раввина **Шехтмана**.

Приведённые выше высказывания нескольких евреев-эмигрантов полностью совпадают с многочисленными свидетельствами очевидцев, тех граждан СССР, которые сами были свидетелями того, как происходила эвакуация евреев.

И, **до 1948 года**, когда наступил резкий перелом в отношении еврейства к СССР, никто больше этого вопроса и не поднимал.

Но, как только выяснилось, что **евреи в СССР начинают терять монопольное право на управление страной** — всё сразу и резко переменялось и подверглось переоценке, в том числе и вопрос о том, помогло ли советское правительство евреям во время войны или к их судьбе было безучастно.

В 1966 году вышла книга **С. Шварца** «Евреи в Советском Союзе с начала второй мировой войны» (Нью-Йорк, 1966 г.), в которой автор опровергает все прежние высказывания разных лиц о содействии и помощи Советской власти в деле спасения евреев от немцев и их своевременной эвакуации.

Всё высказанное и

напечатанное по этому вопросу С. Шварц берёт под сомнение, даже и свидетельство раввина Шехтмана, по той причине, что нигде в советских органах печати и правительственных распоряжениях ему не удалось найти письменного подтверждения, что евреев надлежит эвакуировать в первую очередь или им оказывать преимущество.

«А, раз это не было напечатано — значит этого и не было», — делает вывод Соломон Шварц, забывая при этом, что немало происходило в мире событий и действий разных правительств, о которых не было напечатано, но они в действительности были.

Нигде, например, не было напечатано о переполнении евреями российских революционных партий и их центральных комитетов, всякого рода совдепов, руководящих постов во всех областях жизни СССР, дипломатических и торговых представительствах за границей, органов Чека и отделов пропаганды в первые четверть века после октябрьской революции...

Однако, всё это было и отрицать не сможет даже Соломон Шварц.

Нигде, например, не было напечатано, что дипломатическим представителем государства Израиль не может быть лицо не-еврейского племени и не-иудейского вероисповедания.

Однако, это нигде не напечатанное правило неукоснительно проводится в жизнь в демократическом государстве Израиль, которое имеет больше десяти процентов населения не-евреев,

То, чего искал в советской печати С. Шварц и не мог найти не было напечатано по причине, ясной для каждого объективного исследователя.

Причина этого — нежелание обострять резко отрицательное отношение всего населения страны к тому привилегированному положению, которое, к моменту войны, занимали евреи в СССР.

Напечатать что-либо подобное тому, что искал и не нашёл С. Шварц — было бы вызовом, по отношению ко всему населению страны и легко могло бы привести к последствиям, нежелательным для всего правящего класса.

Настроения широких народных масс были отлично известны тем, кто руководил тогда политической и пропагандой. А потому, ничего и не печаталось, в интересах самих евреев.

Но зато, неукоснительно проводилось в жизнь, благодаря чему, не одна сотня тысяч евреев избежала расправы немцев и смогла благополучно отсиживаться за Уралом.

В чём другом (и во многом) можно упрекнуть Советскую власть, но только не в нежелании спасать евреев...

Не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить себе, что бы произошло, скажем, в Киеве в августе 1941 года, если бы было напечатано и обнародовано распоряжение властей о предоставлении евреям транспортных средств для эвакуации «преимущественно» или «в первую очередь»...

Как бы на это реагировали киевляне, не-евреи? Не стало бы это поводом к бунту, причины к которому назревали уже два десятилетия?...

Почему «не напечатали, почему не подчеркнули, почему не упомянули, почему не отметили, почему не поставили памятник евреям в Бабьем Яре?»...

Так на все лады повторяет вопросы С. Шварц в своей объёмистой (425 стр.) книге «Евреи в Советском Союзе с начала второй мировой войны».

Ответ на все вопросы сразу может дать и всё население СССР, и исследователь, способный быть объективным, а не рассматривать всё со своей, исключительно субъективной, еврейской, точки зрения.

Ответ может быть только один: «чтобы не вызывать раздражение и возмущение всего населения страны выделением евреев, пострадавших от немцев, в, то время, как **не-евреев погибло неизмеримо больше**, чем евреев.

Чтобы не пробуждать воспоминаний о многих миллионах не-евреев, погибших в годы террора и искусственного голода, когда страной управлял еврей.

Чтобы не воскрешать в памяти народа то время, когда **евреи, правя Россией, издевались над её историческим прошлым**, уничтожая и разрушая памятники этого прошлого»...

Если всё это не ясно г. Шварцу, бросающему обвинение всему населению СССР в отсутствии почитания памяти погибших евреев, то тем, кто находится сейчас у власти в СССР, это и ясно, и понятно, а потому, особых памятников евреям там и не воздвигают.

Требования же, чтобы они были воздвигнуты, которые предъявляет не один только С. Шварц, вы-

зывает только обратную реакцию во всём СССР.

А реакция эта легко может вылиться в требование точного подсчёта, **во что обошлось всему населению СССР тридцатилетнее пребывание евреев на положении правящего класса**. И вряд ли он будет выгоден для евреев.

Если евреи подсчитывают и пересчитывают евреев, погибших от немцев, то, весьма возможно, **когда-нибудь и русский народ займётся подсчётами**.

Память о миллионах, погибших от искусственно созданного голода, когда на Украине всем заправлял **Каганович**, и о миллионах, погибших в концлагерях под управлением **Френкеля**, не исчезнет в памяти народной.

И, учитывая обстановку и народные настроения, можно с уверенностью сказать, что возвращение еврейской этнической группы на положение правящего класса в России или в СССР, поскольку это название ещё задержится, невозможно.

Настроения же эти, к концу войны, были таковы, что легко могли закончиться взрывом, при котором не уцелело бы и правительство.

Только своевременно принятыми мерами — постепенным, без всякого шума и печатания в газетах, отстранением евреев с руководящих постов, — этот взрыв был предотвращён.

Вспышки народного негодования, выливавшиеся в погромы, были характерны для настроений в первые послевоенные годы и далеко не единичны, хотя, в советской прессе, об этом и не печаталось.

Одну из таких вспышек, имевших место в Киеве, описывает «Социалистический Вестник»: один еврей убил одного украинца.

«Толпа бросилась к дому, в котором жил еврей, убивший украинца, выволокла на улицу его жену и ребёнка и тут же их убила; потом бросилась громить дальше, причём, возбуждение очень скоро приняло и резкий антисоветский характер³⁶».

Характерно, что автор статьи, редактор «Социалистического Вестника», **Абрамович**, написал не «антисемитский», а «антисоветский» характер, тем самым, подтверждая, что **в народе власть советскую отождествляли с властью еврейской**.

Все эти отдельные вспышки легко могли слиться в огромный бунт, при котором, не уцелела бы и сама советская власть, что правительство учитывало и принимало соответствующие меры, не желая и не рискуя раздражать население.

Так продолжался «спуск на тормозах» и тихая ликвидация первенствующего положения евреев в СССР в первые послевоенные годы.

Это не были «чистки» с широким осведомлением населения — делалось это тихо и без излишней огласки и какого бы то ни было публичного обсуждения.

Так шло до 1947 года — года создания независимого государства Израиль, к каковому вопросу еврей-граждане СССР проявили особый интерес и

выявили свои настроения, которые поставили под вопрос их лояльность, как советских граждан.

Послевоенный период

(1946-1966 гг.)

Если период довоенный и годы войны могли быть описаны с достаточной объективностью, хотя и не исчерпывающей, благодаря отсутствию возможности для исследования пользоваться многими источниками пока нам — современникам событий — недоступными, то с описанием периода послевоенного вопрос обстоит гораздо хуже, по ряду причин.

Первой и основной причиной является то обстоятельство, что все или почти все сведения и данные о положении еврейской этнической группы в СССР проходили через призму начавшейся холодной войны, от чего, разумеется, сведения эти оставляли желать много, в смысле их объективности.

В печати советской еврейского вопроса, во всём его объёме, старались не касаться, ограничиваясь только иногда, но далеко не всегда, косвенным указанием, что некоторые лица, совершившие неблагоприятные поступки или наносящие вред СССР — евреи.

Причём, делалось это именно «косвенно»: печатались полностью имена и отчества этих лиц, из чего читателю становилось ясно, что вопрос идёт именно о евреях.

Заграничная печать это расшифровывала, как натравливание масс на евреев и старательно регистрировала все эти случаи, подсчитывая, конечно, и процент обиженных властью евреев.

Свободный обмен мнений по этому вопросу на страницах печати, с целью установления истинного положения, был невозможен ни в Советском Союзе, ни за границей, в атмосфере ведущейся холодной войны, когда вопрос о «преследованиях» и «дискриминации» евреев в СССР стал одним из главных козырей в пропаганде против СССР, называемой «антикоммунистической», а, на самом деле, **гораздо больше антирусской**, чем антикоммунистической.

Учитывая такую обстановку, может быть, спокойнее и лучше было этого периода вообще не касаться и закончить свой очерк годом окончания войны.

Но, с другой стороны, именно в этот двадцатилетний послевоенный период в еврейском вопросе в СССР произошли такие изменения, что не упомянуть их, хотя бы и в краткой, сжатой форме невозможно.

Поэтому, попытаемся, в самых общих чертах, описать и события этого, послевоенного периода.

* * *

После войны настроение широких народных масс переменилось. Много они увидели за годы войны и терпеть безмолвно, как терпели раньше засилье евреев в своей стране, не были склонны, что не раз и не два выявлялось в годы войны, а, в осо-

³⁶ Подробно этот случай изложен во II части, стр.491

бенности, после её окончания.

Правительство учло эти настроения и, как сказано выше, постепенно на руководящих административных постах начало появляться всё больше и больше не-евреев, а представителей коренного населения страны: великороссов, украинцев, белорусов и национальных меньшинств, имеющих свою национальную территорию.

Такое же явление наблюдалось и среди полпредств и торгпредств СССР, которые, в довоенные годы, были переполнены евреями.

В эти годы — первые послевоенные — перед всей страной, а, руководителями её политики, в особенности, во всём своём объёме встал вопрос о фактически **«двойном подданстве»** евреев-граждан СССР, которые свои симпатии и лояльность делили между СССР и государством Израиль, за создание которого, с первых же дней, после окончания войны, велась во всём мире неустанная пропаганда, закончившаяся решением Объединённых Наций о создании суверенного еврейского государства Израиль (1947 год).

О психологии этого «двойного подданства», свойственного каждому еврею диаспоры, подробно изложено в исследовании проф. Соломона Лурье, напечатанному во II части настоящего труда (стр. 327).

Сущность заключается в том, что, при решении любых вопросов, еврей, независимо от страны его пребывания и гражданства-подданства, прежде всего, должен сам себе уяснить полезно или вредно еврейству в целом то или иное решение, мероприятие власти, политическая линия государства.

И поддерживать только то, что полезно еврейству в целом, независимо от того, совпадает ли это с интересами страны, в которой, в данное время, еврей живёт.

То, что так отчётливо сформулировал в своей книге, вышедшей в 1922 году в Петрограде, проф. Соломон Лурье, началось, достаточно отчётливо, ощущаться в СССР, направление политики которого перестало полностью совпадать с интересами и вожеланиями всего еврейства диаспоры, как это было в течение 30 лет до этого.

В самом СССР еврейская этническая группа стала постепенно терять своё привилегированное положение и уравниваться в правах и возможностях с остальным населением. Еврейством всей диаспоры это было воспринято, как **«дискриминация»**.

Пробуждение национального самосознания русского народа и, если не прекращение, то значительное сокращение охаивания его исторического прошлого — было воспринято еврейством, как возрождение, если не «антисемитизма» и «черносотенства», то, во всяком случае, «русского патриотизма» — явления, с точки зрения еврейства, нежелательного и опасного.

И мировое еврейство из сторонника СССР, в значительной своей части, перешло в лагерь его противников.

Стремление всего еврейства, в том числе и граждан СССР, всемерно поддержать требования о

создании государства Израиль, независимо от того, отвечают ли эти требования государственным интересам СССР, привело к внутреннему конфликту между евреями и не-евреями Советского Союза, поставивши, не без основания, вопрос об их лояльности по отношению к стране, где они, в течение тридцати лет, занимали привилегированное положение.

В критические месяцы войны, пропагандный аппарат СССР, находившийся почти полностью в руках евреев, для поднятия духа армии, на которую слабо действовали интернационалистические лозунги и призывы, обратился к прошлому России.

Были учреждены ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, а вскоре затем, в РККА введены звания — чины, как в довоенной армии России, а также и золотые погоны, столь ненавистные тем, кто создавал СССР.

Дух прошлого, с которым так старательно боролось и его искореняли из памяти народа в течение четверти века разные **Губельманы, Апфельбаумы, Сурицы** и их единомышленники, всячески охаивая это прошлое, был выпущен из бутылки и нашёл такой отклик у тех, кто грудью и кровью защищал свою родину — землю и наследие предков — что загнать его назад уже было невозможно.

Интернационально-космополитический туман рассеялся и на смену ему возродился, казалось уже мёртвый, патриотизм русского народа и всего населения СССР, осознавшего себя и свою силу, своё право самим управлять своей страной.

А из этого сознания, естественно, появился и вопрос: в чьих руках может находиться руководство всей культурной жизнью страны, точнее, может ли это руководство быть в руках одной этнической группы, с миропониманием и правосознанием, чуждыми духу того народа, от имени которого они выступают и культурной жизнью которого руководят.

Вопрос не теоретически-абстрактный, а вопрос самого бытия национальной культуры, её сущности, её проявления.

Вопрос этот — не новый. Он уже давно носился в воздухе, но не произносился вслух, а тем менее, обсуждался в печати, ибо это неизбежно было бы истолковано, как «антисемитизм», обвинение или даже подозрение в каком-то могло людям стоить общественной или литературно-публицистической карьеры.

И не только в воздухе СССР или дореволюционной России носился этот вопрос.

Существовал он и **беспокоил элиту многих народов**, но оставался произнесённым и невысказанным. Разве только в дневниках, где высказываются сокровенные мысли, некоторые, но далеко не все, решались коснуться этого «щекотливого вопроса» и оставить его во всей его глубине.

Марк Вишняк, бывш. Секретарь Всероссийского Учредительного Собрания, посвятивший себя, по прибытии в США, делу борьбы с антисемитизмом в мировом масштабе, по этому вопросу сделал интересное открытие, которое и было напечатано в 1944 году в Нью-Йорке в «Еврейском Мире» и получило самое широкое распространение среди всех,

интересующихся этим вопросом.

Вот, что читаем мы на страницах 95-97 сборника II «Еврейский Мир», Нью-Йорк, 1944 г.:

«И самый крайний радикализм не боится от антисемитизма, как и революция — в прошлом и будущем — отнюдь не гарантирует того, что дискриминация и диффамация меньшинств веры, расы, цвета кожи могут быть сметены окончательно и бесповоротно.

Можно привести множество свидетельств тому, как самые замечательные и передовые умы оказывались во власти антисемитизма. Ограничимся одной иллюстрацией из практики нового времени, достаточно известной.

Андре Жид, по всей справедливости, считался одним из корифеев французской изящной литературы XX века, одним из первых её светил. Иностранцы — возьмите недавно вышедшую биографию Жида, написанную Клаузом Манном, сыном Томаса Манна — называют Жида «наиболее выдающимся современным автором XX века», «моралистом с художественным гением», «чье бессмертие обеспечено».

Жид был известен крайним радикализмом во многих областях жизни; а политически он был связан со всем «крайним левым», что только было во Франции XX века. Одно время он сделался даже приверженцем и попутчиком большевизма. Он дружил с **Леоном Блюмом**, часто, с юношеских лет и до самой французской катастрофы, бывал у Блюма дома, был его конфиденнтом, одно время соредактором и т.д.

В начале 1940 года Жид опубликовал свой дневник за 40 лет — огромный том, свыше тысячи страниц. И здесь Жид оказывается не только личным ненавистником Блюма, но и **«культурным» антисемитом**.

Он отрицает за «пришлыми» во Франции литераторами-евреями право считаться французскими писателями. **Порто Риш**, Блюм и другие авторы, вошедшие во французскую литературу, критику, театр, не писавшие никогда на другом языке кроме французского — по мнению Жида — не французские писатели и не могут на то претендовать.

«Какое для меня значение, что литература моей страны обогатится, если это будет в ущерб её значению. Лучше исчезнуть, когда у француза не оказалось бы больше сил, чем предоставить неучу играть роль француза вместо него, его именем»³⁷.

«Надо помнить, кем был Жид для Франции и её литературы — что он был властителем дум и душ двух поколений французов, чтобы по достоинству оценить трагическую показательность этого «случая». Это — индивидуальный случай, но не банальный»...

Так пишет Марк Вишняк, который, в той же книге, на следующей странице (98) пишет следующие слова: «О СССР и убежденнейшие его противники не скажут, что там культивируется антисемитизм правительством».

Тогда, надо полагать, блудное око Вишняка ещё не обнаружило того начала уравнивания евреев в правах, которое теперь называют «антисемитизмом»...

А, через несколько строк, в той же книге и на той же странице, М. Вишняк пишет:

«Боязливые и двоедушные — евреи и не-евреи — рекомендуют обантисемитизме не говорить из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам расы и цвета кожи только способствуют усилению и распространению самой диффамации и дискриминации».

Сам же Вишняк не только говорит, но и пишет, выступает, организывает борьбу с антисемитизмом в мировом масштабе, каковую, по его мнению, надо вести «начиная с осведомления об очагах инфекции и кончая её прямым предупреждением и пресечением»...

Выступая на общем собрании еврейских федераций в Кливленде в январе 1943 года и отвергая наличие даже намёка на «антисемитизм» правительства СССР, Вишняк вряд ли мог предполагать, что, всего через три года, этим самым правительством СССР будет одобрено и поддержано выступление Жданова, поставившего проблему «безродных космополитов» и поведшего борьбу против их засилья в культурной жизни страны.

Додумался ли Жданов до этого сам или ему помог в этом М. Вишняк широким оповещением о сокровенных мыслях Андре Жида, записанных им в дневнике, конечно, установить нельзя. Да это и не важно, и не имеет значения.

Важно другое: то, как это было встречено русскими деятелями культуры в СССР, и что это было начало новой политики правительства в СССР в еврейском вопросе, направленной к уравниванию, фактическому, а не только на словах, евреев с остальным населением, каковое уравнивание неизбежно вело к потере евреями того привилегированного положения, которое они имели в СССР почти 30 лет.

Неудивительно, что этот новый курс политики правительства был воспринят всем еврейством диаспоры, как «антисемитский», и это отвратило его неизменно благосклонное отношение ко всему происходящему в СССР на путь активной поддержки сил и течений, враждебных не только системе и социальному порядку СССР, но и тех, кто ставил своей целью ликвидацию, путём расчленения, единого государства, называвшегося раньше Россия и, в годы власти еврейской этнической группы, переименованного в СССР.

И именно в этой перемене политики правительства СССР, надо полагать, надлежит искать причину особых симпатий еврейства диаспоры, проявляемым разного рода сепаратистским группам отдельных народностей СССР, чего в годы предвоенные не замечалось.

Совсем по-иному был воспринят новый курс в еврейском вопросе теми деятелями культуры, которые были не-евреи.

Об этом не писалось в газетах, не дискутировалось на собраниях и митингах, но определённо

³⁷ Запись от 24 января 1914 года, стр. 397.

ощущалось, что этот новый курс вызывает одобрение и даёт надежду русским фактически уравниваться в правах и возможностях с евреями, имевшими до этого монополию в области культуры СССР вообще, а пропаганды, особенно.

Как известно, выступление Жданова и поддержка его правительством не повлекли за собой немедленное отстранение евреев от литературной и пропагандной деятельности.

Очень много — даже непропорционально много — евреев осталось на своих постах в литературе, искусстве, критике и пропаганде и никто их не смещал и не отстранял. **Эренбург, Заславский, Вера Инбер, Пастернак, Маршак** и множество других остались на литературном Олимпе.

Немало евреев и сейчас, в 1967 году, состоит в числе членов Союза Писателей СССР, как например, **Никулин, Каверин, Козаков** и много других. И говорить о полном отстранении евреев от участия в культурной жизни СССР, конечно, нельзя.

Но, что они потеряли прежнее монопольное положение и ведущую роль — это несомненно. Вот это-то обстоятельство их и раздражает.

Характерны и заслуживают особого внимания слова Жданова, положившие начало признанию того, что культура должна быть национальной по самому своему существу, и, что она уходит своими корнями в далёкое прошлое народа.

«Безродные космополиты», — сказал Жданов, коммунист, последователь идей III интернационала. И никто, кроме заграничного еврейства, против этих слов не запротестовал...

Не есть ли это доказательство осознания народом всей ценности и глубины своей национальной культуры?

И, в то же время — невысказанный протест, что, от имени народа, выступают и говорят те, кому эта народная культура чужда, непонятна и враждебна?...

То, что Андре Жид записал в своём дневнике ещё до первой мировой войны — то самое, только другими словами, высказал Жданов, после окончания второй мировой войны.

«Культура есть наследие отцов и дедов, которое надлежит передать потомкам». — Так поучают духовные вожди и элита каждого народа.

В СССР тридцать лет это наследие отцов и дедов было под запретом и, если о нём и упоминалось, то всё прошлое изображалось в самых чёрных красках.

И, когда были произнесены слова «безродные космополиты» народ их воспринял, как признание самой властью, что лояльность тех, кто от его имени тридцать лет говорил и выступал, взята под сомнение.

А это, как раз, соответствовало тому, что думал народ, национальное чувство, патриотизм которого, после победоносной войны и всего на ней виденного и пережитого, был обострён.

Сталин, который был хорошо осведомлён об этих настроениях, учёл это обстоятельство и всячески подчёркивал жертвы и заслуги во время войны

именно «русского» народа, нигде не вспоминая ни народ еврейский, ни его жертвы и заслуги, в наличии которых население страны сомневалось.

Всё население страны ещё хорошо помнило свои многомиллионные жертвы коллективизации, голода и лагерей, среди которых евреев оно не замечало.

Причём, *жертвы эти* были не результат бесчеловечного отношения врага, вторгшегося в страну, а **были вызваны правящим классом**, каковой народотождествлял с еврейской этнической группой.

В такой психологической обстановке в кругах «Еврейского Антифашистского Комитета» и среди евреев вообще, возникла мысль превратить весь Крым, опустевший в результате войны, в еврейскую национальную область или республику.

Результатом было, так называемое, «Крымское дело», которое повлекло за собой роспуск «Еврейского Антифашистского Комитета» и репрессии по отношению к ряду советских вельмож-евреев, в том числе и **Соломону Лозовскому** (Дриздо), возглавителю этого комитета.

Население страны об этом плане не знало ничего и нигде он на страницах печати и на собраниях, насколько известно, не обсуждался. Но ЦК партии сразу же пресёк всё в самом корне, ибо он отдавал себе отчёт в том, к чему это может повести.

Подробности «Крымского дела» ещё ждут своего объективного исследователя, ибо, для исторического исследования ещё не пришли сроки.

Много в этом «деле» ещё тёмного и неизвестного. Но самый факт молниеносной реакции правительства СССР на этот план указывают, какое ему придавалось значение.

Превращение всего Крыма, с его природными богатствами, гаванями и морской крепостью Севастополем в еврейскую национальную область или даже республику, по мнению правительства СССР, было бы «военным риском» для Советского Союза, с чем солидаризировался и **Хрущёв** во время своего выступления в августе 1956 года, о чём пишет **Р. Абрамович** в «Социалистическом Вестнике» (май 1957 г.), называя эту мысль «чудовишной».

Насколько она «чудовишна» судить трудно... Но, если представить себе реально, во что бы вылилось осуществление «Крымского плана» — то не так уже невероятно и опасение «военного риска», высказанное Сталиным и повторенное Хрущёвым.

В атмосфере холодной войны, когда всё еврейство — на стороне противников СССР, как государства (а не только противников, существующего там социального порядка), — наличие «еврейского государства» в Крыму, быть может, действительно представляло собою «военный риск»...

И если этот военный риск (без всяких кавычек) был своевременно предусмотрен и предупреждён — с точки зрения государственной, трудно не одобрить то, что до создания этого государства не дошло.

Если Р. Абрамович и его единомышленники это и не одобряют — зато, всё население России-

СССР держится противоположного мнения, в чём не может быть никакого сомнения.

Вряд ли можно сомневаться и в том, что всё население СССР не особенно бы огорчилось, если бы, все до одного, представители еврейской этнической группы навсегда покинули страну. По этому вопросу никогда никакого голосования не было.

Кроме того, не следует упускать из вида и то обстоятельство, что в то время, когда создавался план о создании еврейской национальной республики в Крыму, уже существовала Конституция СССР, согласно которой, Союзные и Автономные республики имеют право «вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться с ними дипломатическими и консульскими представителями»... «иметь свои республиканские военные формирования».

А, «за каждой Союзной Республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (Статьи 18, 18-а и 18-б).

И, если бы план создания еврейской республики в Крыму осуществился, какая гарантия, что, при помощи и поддержке всего еврейства диаспоры, Крым не превратился бы в суверенное государство, притом, неизвестно, дружественное СССР или враждебное.

И, как бы к этому отнеслось всё остальное население двухсотмиллионного СССР?

Надо полагать, что всё вышеизложенное было учтено и принято во внимание, когда сразу же в корне была пресечена попытка фактического отделения от всего государства того Крыма, за обладание которым пролито столько русской крови.

* * *

Государство Израиль и проблема двойного подданства.

Вскоре, после безболезненной (если не считать казни нескольких человек) ликвидации «Крымской Республики», произошло ещё одно событие в жизни еврейской этнической группы в СССР, которое поставило под сомнение лояльность всех евреев СССР по отношению к государству.

В первые два послевоенные года (1945-1947) во всём стане победителей во второй мировой войне шла усиленная и напряжённая пропаганда за создание в Палестине, большинство жителей которой составляли арабы, отдельного суверенного государства «Израиль».

С тем, что евреи на территории, намеченной для создания еврейского государства, численно представляли

только меньшинство, не посчитались и, без всякого голосования и плебисцита, часть Палестины была отдана евреям, которые, в начале 1948 года, провозгласили создание государства «Израиль».

Еврейская этническая группа в СССР была всецело на стороне тех сионистов, которые во всём мире вели пропаганду за создание «Израиля», основываясь на том, что это — «Земля Обетованная»,

«обещанная евреям на Сионе»³⁸.

Не протестовало и правительство СССР против создания, таким путём, нового государства. Представитель СССР в Объединённых Нациях голосовал, как за создание этого государства, так и за принятие его в число членов Организации Объединённых Наций.

Из каких соображений и побуждений СССР занял такую позицию, нам — современникам — судить трудно, ибо многое ещё находится в архивах, недоступных исследователям.

Можно только поставить, для разрешения в будущем, два вопроса: совместимо ли с принципами демократии, положенными в основу ООН, создание государства таким, очевидно, недемократическим способом?

И второй вопрос: как мог стоящий на позициях атеизма СССР признать мистическо-религиозное обоснование «права» евреев на Палестину?

На оба вопроса, до сих пор, никто вразумительного и убедительного ответа не дал и не пытался дать. Политические деятели всего мира предпочитают отмалчиваться и этих вопросов вообще не затрагивать.

Объяснить позицию СССР в этом вопросе «давлением общественного мнения» или давлением еврейской этнической группы в СССР вряд ли возможно.

Общественное мнение или, точнее сказавши, невысказанные (за отсутствием свободы слова) настроения всего населения СССР были не на стороне сионистов; влияние на внешнюю политику евреев резко и быстро падало и правительство меньше всего с ним считалось.

Существует одно объяснение этой непонятной позиции СССР в этом вопросе. Насколько оно точно, сказать трудно. Сущность же этого объяснения следующая:

позиция правительства СССР в израильском вопросе — есть результат далеко идущего плана внести «замешательство» в ближневосточные дела, при котором СССР, при любых комбинациях, был бы в выигрыше.

В случае, если бы в Израиле победили элементы прокоммунистические — он бы автоматически стал проводником политики СССР на Ближнем Востоке, бывшим цитателю еще мощных тогда колониальных империй Англии и Франции.

В случае занятия Израилем позиций прозападных (что и случилось) для СССР появлялось сильнейшее пропагандное средство для включения всего арабского мира в свою орбиту обещанием помощи против Израиля. Таким образом, стомиллионная арабская масса отрывалась от влияния Запада...

Может быть, всё сказанное — досужие размышления журналистов и комментаторов, но всё же, они заслуживают внимания будущих исследователей.

³⁸ Слова израильского премьера Бен Гуриона в ноябре 1956 года, во время «Суэцкого кризиса».

Кроме приведённых выше объяснений существует и ещё одно: желание правительства СССР проверить лояльность своих граждан евреев, на основании их реакции на признание Израиля.

Это, последнее, и случилось уже в 1948 году, через несколько месяцев после провозглашения суверенного государства Израиль и принятия его в ООН.

В октябре 1948 года в Москву прибыла **Гольда Мейерсон**, назначенная послом Израиля в СССР.

Более чем полумиллионная масса евреев, проживавших тогда в Москве, когда посол Израиля, по прибытии, отправилась в синагогу, восторженно её приветствовала, и сразу же многие тысячи москвичей-евреев подали заявления о желании переселиться в Израиль.

Сталин и правительство сделали отсюда выводы. Непосредственно за манифестациями евреев, в связи с приездом Гольды Мейерсон, последовал целый ряд ограничительных распоряжений правительства, касающихся «национально-персональной» культурной деятельности еврейской этнической группы, рассеянной по всей стране.

Была закрыта еврейская газета «Дер Эмес» в Москве, еврейские театры, запрещено преподавание на «идиш» в Москве...

Немалому количеству активных деятелей еврейской национальной культуры пришлось, в принудительном порядке, покинуть Москву, а кое-кто и был арестован.

Все же, москвичи, подавшие заявления о желании покинуть СССР и переселиться в Израиль, были сосланы в отдалённые области СССР.

«Правительство ощутило неблагонадёжность евреев», — так пишет москвич Давид Бург, выехавший в 1956 году из СССР и напечатавший на немецком языке в журнале «Антикоммунист» (№ 12, 1957 г.) большую статью «Еврейский вопрос в Советском Союзе»³⁹.

Это ощущение «неблагонадёжности евреев» соответствовало таковому же ощущению и всего населения страны, которое на евреев, в основном, смотрело, как на элемент «пришлый, чужой и чуждый».

Однако, надо признать, что никаких массовых увольнений с работы или других репрессивных мер по отношению к евреям, только потому, что они — евреи, не предпринималось.

Они сидели на своих местах — не плохих и не последних — и их не увольняли и не лишали возможности работать. Но, прежнего к ним доверия не стало.

Прежние позиции всесильного правящего класса были потрясены, а возможности выдвижения на руководящие роли во всех областях жизни были значительно сокращены и затруднены.

В особенности это коснулось тех должностей и профессий, в которых нужна была стопроцентная уверенность в лояльности: дипломатия, внешняя

политика, дело обороны страны.

Хотя слово «еврей» нигде и не писалось и не произносилось, но всё население СССР, а евреи — прежде всего, отчётливо почувствовали новый курс правительства в еврейском вопросе.

Население этот новый курс встретило полным одобрением (хотя и молчаливым, ибо в СССР правительство ни одобрения, ни неодобрения не терпит).

Всё же еврейство, как СССР, так и заграничное, усмотрело в этом новом курсе «дискриминацию и преследования» евреев в СССР и всё остриё своего негодования и возмущения направило, прежде всего, на диктатора — Сталина.

Конечно, немало было евреев, граждан СССР, отдававших себе отчёт в том, что усомниться в «благонадёжности» евреев, в случае конфликта с Израилем или его покровителями и союзниками, основания есть, и немалые.

Но страх быть обвинёнными, что они выступают «против еврейства», нарушают тысячелетнюю традицию расово-религиозной солидарности евреев, заставлял их молчать. Даже твердокаменных сторонников коммунистической теории и сталинской тактики и практики.

Во всей же стране, среди рассеянных по всем её просторам евреев росло недовольство новым курсом в еврейском вопросе, главным виновником которого считали Сталина, который, без шума и большой огласки, неуклонно проводил свою линию.

А во всём мире настроения еврейской этнической группы в СССР вызывали и питали враждебное отношение не только к Сталину и его режиму, но ко всему русскому народу, считая его виновным в «преследовании» евреев.

Так продолжалось до второй половины 1952 года, когда было выдвинуто обвинение группе врачей в попытке, путём неправильного лечения, отравить самого Сталина.

А врачи-то, наиболее приближённые к кремлёвским верхам, были, в большинстве, евреи. Как и почему случилось, что именно евреям была доверена забота о здоровье Сталина и его сотрудников — объяснять вряд ли нужно.

Они остались там с тех времён, когда евреи везде и всюду занимали ответственные должности. И их никто не смещал, даже после переломного 1948 года.

Выдвинутое против врачей обвинение и соответствующая кампания в советской печати населением, а в особенности, евреями, толковались пространительно — как сочувствие тем, кому предъявлялись обвинения.

Москва была полна слухов о предстоящих репрессиях по отношению ко всем евреям и о предстоящей их высылке на Дальний Восток.

«Начали паковать чемоданы, дешево распродавать обстановку и ложились спать с мыслями, что, вероятно, ночью будут арестованы»... — так описывает настроения московских евреев Давид Бург в своей, упомянутой выше, статье.

Настроение больше чем полумиллиона мос-

³⁹ Статья полностью приведена в части II, «Приложения», стр. 498-505.

ковских евреев, начиная с октября 1952 года и до смерти Сталина, было паническим.

Никто не сомневался, что так же, как, в начале войны, были выселены целые народы из Крыма, с Кавказа и Поволжья — будут выселены и евреи, не только из Москвы, но и из всех мест, где они живут.

Скоропостижная смерть Сталина всё изменила. «Заговор врачей» был объявлен фальшивкой. Среди евреев наступило успокоение.

Но о возвращении еврейской этнической группы в прежнее положение правящего класса уже нечего было и думать.

Политика правительства СССР в еврейском вопросе неуклонно шла к приведению в соответствие числа евреев интеллигентных профессий и на ответственных местах с их числом в стране и процентным отношением ко всему населению.

Политика эта проводилась не спеша, без шума и потрясений, вызывая одобрение всего населения СССР и возмущение и негодование его еврейского однопроцентного меньшинства, которое это квалифицировало, как дискриминацию и преследование.

Да и то, не всего еврейского меньшинства.

Немало есть в СССР и таких евреев, которые сознательно стали на путь совершенно добровольной ассимиляции, безусловной лояльности по отношению к СССР, полного не только вхождения и включения в русскую культуру и быт, но и растворения в нём, что значительно облегчалось отходом от иудейской религии, ревниво оберегающей чистоту расы, неразрывно связывая её с религией.

Смешанные браки, о которых с ужасом говорят раввины, значительно содействуют этому процессу. Содействует ему также и потеря еврейством своего разговорного языка — «идиш» и замена его языком русским: больше 80% евреев в СССР не умеют ни читать, ни писать на «идиш».

С еврейской этнической группой в СССР происходит то же самое, что произошло с евреями в Западной Европе в средние века: они забыли свой язык и в быту приняли, без всяких принуждений, язык немецкий — «идиш».

Тогда только наличие «гетто» помогло сохранить еврею свои племенные особенности и религию и предотвратить его полное растворение в немецком море. Сейчас нет ни «гетто», ни безусловного подчинения авторитету раввинов.

А потому, процесс ассимиляционный, несмотря на все протесты и наличие государства Израиль, идёт неуклонно. Не считаться с этим нельзя, а предотвратить его вряд ли возможно.

Этот неотвратимый и непредотвратимый процесс ассимиляционный, с одной стороны, и потеря евреями СССР привилегированного положения, с другой, порождают и питают антирусские настроения у всего еврейства диаспоры, а также и весьма значительной части (вероятно, подавляющего большинства) евреев СССР, не могущих так легко примириться с утерей своего привилегированного положения.

«Об этих антирусских настроениях, перепле-

тающихся с настроениями антисоветскими, говорит в своей статье Давид Бург (см. выше), о них же пишет и Юлий Марголин, обосновывая и оправдывая эти настроения.

В № 1604 от 15 ноября 1960 года, в издающейся в Париже на русском языке газете «Русская мысль», в своём «Тель-Авивском блокноте» Юлий Марголин пишет следующее:

«На особом положении под скипетром Никиты находится один единственный еврейский народ, осуждённый на потерю национальности и постепенную ликвидацию, в качестве исторической и культурной особи.

Конечно, Никита милостив и гуманен; он далёк от гитлеровского людоедства; речь идёт не о поголовном физическом истреблении, а об «евтанизии»: безболезненном, насколько возможно, удушении и духовном замирании целого народа, у которого отнято право располагать своей судьбой.

Отнято оно и у других народов советской империи. Но этим народам, по крайней мере, в ближайшие столетия, не угрожает опасность денационализации: русские останутся русскими, украинцы — украинцами, грузины — грузинами.

Только евреи «атомизированы» и подвергнуты «особому режиму». И, как следствие, те из них, кто приветствует национальное самоубийство, проявляют исключительное усердие... а другие этот режим ненавидят с силой беспримерной, ибо только в одной этой ненависти и может выразиться их национальное самоутверждение.

Я беру на себя смелость утверждать, что о глубине и качестве этой бездонной ненависти не имеют представления даже самые «непримиримые» из эмигрантов, мирно доживающие свои дни по разным углам Запада».

Признание Марголина, что евреи ненавидят режим, ими же, в своё время, созданный (о чём Марголин забывает), казалось бы, должно было породить и стремление этот режим свергнуть, как когда-то царский. Однако, об этом стремлении еврейства СССР Марголин не говорит...

Зато, об этом говорит, достаточно подробно и убедительно, Давид Бург, родившийся и выросший в Москве, где он получил и высшее образование, а после этого, эмигрировал в 1956 году.

Настроения еврейства СССР, вообще, а многотысячных евреев-москвичей, в особенности, Бург, конечно, знает гораздо лучше Марголина, а потому и пишет отчётливо о настроениях, стремлениях и опасениях евреев в СССР.

В своей статье (упомянутой выше) Бург употребляет слова «**антисоветский**» и «**антирусский**», как синонимы.

Конечно, это — не случайно, ибо евреи, недовольные новым курсом политики правительства в еврейском вопросе, сами переплетают эти два понятия, как это делают их единоплеменники вне СССР.

Вот, что пишет по этому вопросу Давид Бург (см. стр. 504, II часть).

«Дискриминация (он считает уравнивание дискриминацией) усиливает еврейский национализм и

стремление в Израиль. В то время, как поколение 30-х годов относилось с безразличием к вопросу о своей принадлежности к еврейству, подавляющее большинство нынешних молодых евреев настроены весьма националистически. Однако, этот национализм вовсе не обуславливается религией.

У большинства, особенно у молодых евреев, этот, возникший, в результате враждебной к евреям политики правительства, национализм совмещается с резко антисоветской установкой. Однако, это — не всегда так. Одним опасность антисемитизма «снизу» кажется большей, чем опасность антисемитизма «сверху».

Они рассуждают так: правительство хотя и давит на нас, но всё же, допускает нам существовать. Если же наступит революционная смена, то во время неизбежной анархии переходного периода мы будем попросту перебиты. Поэтому будем лучше держаться правительства, как бы плохо для нас оно не было. У людей этих установок антирусские настроения и стремления в Израиль особенно сильны»...

Приведённые выше высказывания двух авторов-евреев заслуживают особого внимания, как потому, что они новейшего датума (1957 и 1960 годы), так и потому, что оба автора много и часто пишут по «еврейскому вопросу» в периодической печати на русском языке и единодушны в своей оценке инастроений еврейства в СССР, и отношения всего населения к своим согражданам — евреям.

При этом, оба автора старательно замалчивают подлинную причину, вызвавшую эти настроения и пространно говорят об «ограничениях» и о «дискриминации», когда, на самом деле, как видно из их собственного изложения, вопрос идёт только об уравнивании в правах и возможностях не-еврейского населения с евреями, которые 30 лет занимали привилегированное положение в СССР.

О том же времени, когда фактически проводилась дискриминация по отношению к коренному населению, когда однопроцентное еврейское меньшинство давало 80, а то и 90 процентов дипломатов и советских вельмож — об этом ни Марголин, ни Бург не пишут...

Хотя, им, как евреям, и следовало бы об этом написать и попытаться объяснить и, если можно, оправдать ту «обратную пропорциональность» евреев на руководящих постах в стране, в которой они появились всего меньше, чем полтора столетия назад и составляли всего один с небольшим процент населения.

О настроениях евреев в СССР говорят оба автора. Марголин, который в СССР на свободе не жил и мог общаться только со своими единоплеменниками-евреями, попавшими в концлагеря после 1939 года (преимущественно из Польши), говорит о «бездонной ненависти» их к режиму. О настроениях же остального населения, не-евреев, к евреям Марголин не пишет.

Зато, об этом недвусмысленно говорит Давид Бург словами: «Если наступит революционная смена, то, во время неизбежной анархии переходного периода, мы будем попросту перебиты».

Сказано достаточно ясно. А настроения населения СССР Бург, надо полагать, хорошо знает, хотя, с его утверждением, что все евреи в СССР будут перебиты, вряд ли можно согласиться. Но, что, в случае безвластия, будет немало антиеврейских эксцессов — в этом вряд ли можно сомневаться.

Отсутствие сколько-нибудь достоверных данных о настроениях населения СССР по отношению к евреям не позволяет нам ни подтверждать мрачные прогнозы Бурга, ни их опровергать. А потому, приходится ограничиться только приведением этих высказываний в нашем кратком изложении 20-летнего послевоенного периода.

Сообщая о «бездонной ненависти» евреям к режиму, Марголин обходит молчанием вопрос об отношении не только евреев, но и всего населения СССР, как к режиму, так и к евреям.

Но, вопроса о том, идёт ли эта ненависть евреев к режиму до желания свергнуть ненавистный режим или только ограничивается ненавистью, без возможности её проявить — Марголин не касается, как не касается и вопроса, распространяется ли эта ненависть и на весь русский народ.

Бург говорит о другом — об отношении не только русского народа, но и всего населения СССР не к режиму, а к евреям и сообщает, что евреи, независимо от своего отрицательного отношения к режиму, опасаются его свержения и режим поддерживают.

О неприязненных отношениях к евреям, как правительства СССР, так и всего населения, много и часто пишется в печати всего мира, причём, как правило, правительство отождествляется почему-то именно с русским народом (великороссами), не распространяя это на другие народы страны, хотя бы на украинцев, имеющих давние и старые счёты с еврейством.

А нередко, сообщая о проявлении антиеврейских настроений населения, заграничная еврейская печать все инциденты и эксцессы на этой почве объясняет инициативой правительства, замалчивая вопрос о настроениях самого населения по отношению к евреям.

Так, например, в журнале «Социалистический Вестник» (орган еврейского «Бунда» и «Российских» меньшевиков), выходящем на русском языке, в номере за декабрь 1959 года (стр. 241) напечатана следующая летучка:

«Войдя в магазины, лавочки второго Иерусалима (Малаховки) вы всюду видите их сальные и надменные рожи, которые презрительно смотрят на русского. И где это? На нашей русской земле иудейский род вознёсся так высоко, хает русский народ «дурачём» и «ваньками», а мы всё терпим... Но, до каких пор это будет?»

Мы спасли их от немцев, которые более рассудительны насчёт этой нации, приютили их. А они так быстро обнаглели, что русский народ не понимает, «кто же на чьей земле». Народ ропщет (теоретически), но не далеко и до практики. Если прямо говорить, большевики зря поторопились приравнять эту нацию.

Её можно опустить в низы, а она вылезет, как

пырей, засорять чистую добрую душу русского народа. Так оно и случилось. Не тот сейчас наш народ. От евреев он заразился бюрократизмом, жадностью, выгодой, негостеприимством. Нет той открытой сердечной русской души, которая теперь существует лишь в деревне».

Подписана эта летучка так: «Б.Ж.С.Р. и за О.Р.Н.», что расшифровывает «Социалистический Вестник» так: «Бей жидов, спасай Россию!» и «за Освобождение Русского Народа».

Летучка эта распространялась в Малаховке — пригородной местности под Москвой, где раньше евреям селиться не разрешалось, а теперь там много евреев и даже есть две синагоги.

Редактор «Социалистического Вестника» Р. Абрамович полностью напечатал эту летучку в своём журнале, добавивши от себя, что, по его мнению, она сфабрикована самим правительством СССР, во главе которого тогда стоял Н. Хрущёв.

Насколько точно утверждение Абрамовича — неизвестно. Никаких, хотя бы косвенных данных в подтверждение этого Абрамович не приводит.

По мнению же бывших советских граждан, не-евреев, находящихся ныне в эмиграции, содержание летучки (не касаясь её стиля), в основном, соответствует мнению о евреях и их роли в СССР всего населения страны.

В условиях советской цензуры мнение это не может быть высказываемо публично, но, что оно существует — в этом вряд ли можно сомневаться.

А высказывание Бурга об угрозе уничтожения всех евреев не правительством, а населением подтверждает наличие соответствующих настроений у всего населения.

Характерно в этой летучке и ещё одно: отсутствие каких-либо указаний на религиозно-расовые причины отрицательного отношения к евреям, т.е., на то, что и есть «антисемитизм».

Причины приводятся совсем другие — чисто материального характера: недовольство и возмущение привилегированным положением еврейской этнической группы, захватом ею всех лучших положений в стране и пренебрежительно-презрительным отношением этого нового правящего класса к коренному населению страны.

Бездоказательное же утверждение «Социалистического Вестника», что летучки сфабрикованы самим правительством принимать всерьёз не приходится.

В своё время евреи твердили, а за ними повторяла и вся мировая печать, что погромы в дореволюционной России — результат приказов правительства.

После революции, когда все архивы полиции стали доступны евреям, пришедшим к власти, ни одного такого или подобного приказа не было обнаружено.

Бездоказательные утверждения или обвинения, или же, выражения «общеизвестно» или «как известно» не делает чести тем, кто к ним прибегает, не будучи в состоянии фактами и документами подтвердить свои обвинения.

Напомним здесь один случай, хорошо известный «обвинителям» России и её правительства в организации еврейских погромов.

После самого большого, по числу жертв, погрома в Одессе в 1905 году (см. стр. 108 настоящей книги) еврейская партия «Поалей-Цион» командировала в Одессу своего представителя, который, после всестороннего изучения всех обстоятельств дела написал: «Я ездил в Одессу именно затем, чтобы найти чисто провокаторский погром, но — увы! — не обрёл его».

* * *

На этом заканчивается описание последнего 20-летнего периода (послевоенного), каковое, как указано выше, не претендует на то, что в нём документально и всесторонне освещены все события этого периода.

Причина — отсутствие нужных данных и возможности проверки мнений и высказываний разных лиц. Много ещё подлежит проверке в будущем, что, надеюсь, и будет сделано теми, кто займётся этим вопросом.

Заканчивается и весь очерк «Евреи в России и в СССР», который, как показывает самое название, ограничен и временем и территорией: во времени ограничен только теми, сравнительно короткими периодами, когда еврейская этническая группа жила на русской земле; территория — только территория Государства Российского, переименованного ныне в СССР.

Вопросов, связанных с пребыванием евреев вне этой территории и их взаимоотношений с теми народами, среди которых они жили или живут, пребывая в рассеянии, мы не касаемся, ибо это выходит за рамки намеченного труда.

* * *

В заключение, мы имеем возможность привести статистические данные, дающие ясное представление о степени участия евреев — граждан СССР в культурной жизни страны, в которой они составляют 1,1% населения.

По данным переписи 1959 года, население СССР было **208 828 000**. Из них евреев было **2 268 000**, что составляет 1,1%.

Процент евреев в отдельных интеллигентных профессиях — следующий:

- **врачи — 14,7 %;**
- **научные работники — 11%;**
- **юристы — 10,4 %;**
- **писатели и журналисты - 8,5%;**
- **работники искусства (артисты, художники) — 7 %.**

Зная все эти данные, точность которых никем не оспаривается, можно только удивляться утверждениям о «дискриминации» и «преследовании» евреев в СССР, о чём так много и так часто говорится и пишется на всех языках мира.

На вопрос о преследованиях иудейской религии в СССР, государстве, где всякая религия провозглашена «опиумом для народа» и с ней ведётся

борьба, можно утверждать, что иудейская религия находится в лучшем положении, чем все остальные.

Как уже упомянуто в предыдущем изложении, даже выпечкой мацы занимался в предвоенные годы Московский Горсовет, в то время, как куличи и пасхи не только не приготавливал горсовет, но это было запрещено делать всем булочным, кондитерским и пекарням, каковые в СССР находятся в руках государства.

Евреи в Москве имеют отдельные еврейские кладбища, что не разрешается ни одному вероисповеданию, кроме иудейского.

А в дни больших еврейских праздников в Москве невозбранно, даже под охраной милиции, происходят многотысячные иудейские религиозные манифестации, сопровождающиеся песнями и плясками.

Две самые распространённые американские газеты: «Дэйли Ньюс» от 18 октября 1965 года и «Нью-Йорк Таймс» от 19 октября того же года, сообщают подробности этих торжеств.

«Дэйли Ньюс» пишет о «полумиллионе московских евреев, певших и плясавших на улицах, прилегающих к синагоге» и сообщает, что манифестация эта длилась от 6 часов вечера до полуночи.

«Нью-Йорк Таймс» пишет об этом подробнее, но говорит не о «полумиллионе», а о «десятках тысяч молодых и старых евреев», которые приняли участие в этих торжествах, причём, целый блок улиц, прилегающих к синагоге, был закрыт для движения.

Поющие и пляшущие евреи заполнили Архиповский переулок, на котором находится большой госпиталь, и милиция не препятствовала им петь и плясать до полуночи.

Приведённый выше факт, в достоверности которого нет никаких оснований сомневаться, без всяких слов, свидетельствует насколько в Москве «притесняется» иудейская религия.

И, в то же время, в Москве немыслимы крест-

ные ходы с десятками тысяч участников, да ещё под охраной милиции.

Зная всё вышеизложенное, трудно согласиться со всеми теми, которые, во всех газетах мира, пишут о религиозных преследованиях евреев в СССР, забывая, при этом, что все другие вероисповедания в СССР, в вопросе свободного исполнения своих религиозных праздников и обычаев, стеснены неизмеримо больше, чем евреи.

* * *

Беспристрастная история, располагая строго проверенными данными, которые нам, современникам, ещё недоступны, не сможет не признать, что ни в одной стране, ни у одного народа за всё своё двухтысячелетнее пребывание в рассеянии, евреи не имели таких возможностей и не достигали такого положения, как в России-СССР, особенно в тридцатилетний период от 1917 до 1947 года, когда они фактически были правящим классом страны.

И если они это положение не удержали и потеряли его безвозвратно — не русский народ и не всё население двухсотмиллионного государства несут за это вину.

Искать её надлежит в особенностях самого еврейского народа, который отрицательное к себе отношение (именовавшееся раньше «юдофобия», а теперь называемое «антисемитизм»), приносил с собой, как утверждают и многие евреи, начиная со **Спинозы** и кончая профессором **Соломоном Лурье**, автором исследования об антисемитизме в древнем мире, который, в 1922 году, высказал это мнение.

Но вопрос этот, во-первых, спорный, а, во-вторых, выходит за рамки настоящего очерка, а потому, нашему рассмотрению не подлежит.

Задача настоящего труда ограниченная — сказать правду в жизни и положении евреев только и исключительно за время их пребывания на территории России и СССР. Насколько это выполнено — решит читатель.

Часть 2

Приложение 1. В.Н. Татищев.

«История Российская». Том 11. Изд. Академии Наук СССР. Москва-Ленинград 1963. (Годы: 6621 = 1113).

«Великий Князь Владимир Мономах, Сын Всеволода 1, сего имени 11-ой» (Глава 13-ая, стр. 129).

«...Киевляне же, не хотя иметь Святославичев, возмущились и разграбили дома тех, которые о Святославичах старались: Первое дом Путаты тысяцкого, потом жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многие обиды в торговых делах христианом вред чинили.

Множество же их, собрався к их синагоге, огорожая, оборонялись, елико могли прося времени до прихода Владимира. Вельможи же киевские

видя такое великое смятение и большего опоясаясь, едва уговоря народ, послали второе ко Владимиру, прося, чтобы немедля пришел и народ мятусчейся успокоил объявляя, если не ускорит пришествием, то «опасно, чтобы невестку твою великую княгиню, бояр, церкви и монастыри не разграбили, и ежели то учинится, то никто кроме тебя, ответа пред Богом дать не должен».

Владимир, слышав сие, вельми ужасаясь и вскоре послал о всем возвестить Святославичам, сам пошел в Киев, и когда приблизился в неделю апреля 20, встретил его за градом народ многочисленный, потом бояре тоже у врат града; митрополит Никифор со епископы и причтом церковным приняли его с честью и радостью великою и проводили до дому княжеского.

Тако прият Владимир престол со удовольствием всего народа, мятеж же преста. Однако ж просили его всенародно, о управе на жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многих прельстили в их закон и поселились домами между христианы, чего прежде не бывало, зачто хотели всех побить и дома их разграбить.

Владимир же отвечал им: «Понеже их всюду и в разных княжениях вошло и населилось много и мне не пристойно без совета князей, паче же против правости, что они допущены прежними князи, ныне, на убивство и грабление их позволить, где могут многие невинные погибнуть. Для того немедленно созову князей на совет».

И вскоре послал всех звать ко Киеву. Когда же князи съехались на совет у Выдобыча, по долгом разсуждении установили закон таков: — Ныне из всея Руския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать; — и если тайно войдут, — вольно их грабить и убивать». — И послали по всем градам о том грамоты, по которым везде их немедленно выслали, но многих по градам и на путях своевольные побили и разграбили. С сего времени жидов в Руси нет, и когда который приедет, народ грабит и убивает...» (Источник: «Летопись Нестора»).

Приложение 2. Правящий класс СССР перед 2-й мировой войной 1936-1939 гг.

Секретариат Центрального Комитета ВКП(б):

- И.В. Сталин (Джугашвили)
- * Л.М. Каганович

Организационное Бюро Центрального Комитета ВКП(б):

- И.В. Сталин
- * Я.Б. Гамарник
- Н.И. Ежов
- * М.М. Каганович
- Н.М. Шверник

Центральный Комитет ВКП(б)

- В.А. Балицкий
- А.М. Шверник
- * К.Я. Бауман
- Р.И. Эйхе
- И.М. Варейкис
- * Г.Г. Ягода
- * Я.Б. Гамарник
- * И.Э. Якир
- Н.И. Ежов
- * Я.А. Яковлев (Эпштейн)
- И. А. Зеленский
- * Ф.П. Грядинский
- И.С. Уншлихт

- * Г.Н. Камикский
- ? А.С. Булин
- * Битнер
- * М.И. Калманович
- * Г. Канер
- * Д.С. Бейка
- * Л. Кришман
- * Цифринович
- * А. К. Лепа
- * Трахтер
- * С.А. Лозовский (Дридзо)
- * И.Д. Кабаков (Розенфельд)
- Б.П. Позерн
- * Л.М. Каганович
- * Т.Д. Дерибас
- * М.М. Каганович
- В.В. Осинский
- * В.Г. Кнорин
- К.К. Стриевский
- * М.М. Литвинов (Финкельштейн)
- Н.Н. Попов
- * С.Шварц
- С.С. Лобов
- * Е.И. Вегер
- * И.Е. Любимов (Козлевский)
- * Л.З. Мехлис
- Д.З. Мануильский
- А.И. Угаров
- И.П. Носов
- Г.И. Благонравов
- Ю.Л. Пятаков
- * А.П. Розенгольц
- * И.А. Пятницкий (О.А. Блюмберг)
- * А.П. Серебровский
- * А.М. Штейнгант
- * М.О. Разумов (Сагович)
- * И.П. Павлуновский
- * М.Л. Рухимович
- * Г.Я. Сокольников (Бриллиант)
- К.В. Рындин
- И.В. Сталин
- * Г.И. Бройдо
- * М.М. Хатаевич
- * В.И. Полонский
- * М.С. Чудов (Асков)
- * Г.Д. Вейнберг

Примечание: Из этого списка И.В. Сталин (Джугашвили) и Л.М. Каганович являются членами Политического Бюро Центрального Комитета ВКП(б).

Евреи *; не-евреи -; не выяснено ?

Примечание. Возможные неточности объяс-

нены на стр. 451 во II части книги.

Центральная Ревизионная Комиссия при Центральном Комитете ВКП(б):

- М.Ф. Владимирский
* Е.С. Коган
* И.С. Шелехес
* Я.А. Попок
? В.В. Адоратский
* П.М. Певзник
* Я.С. Агранов (Сорензон)
? С.Ф. Реденс
* Л.Н. Аронштам
? Н.М. Янсон
* Я.Г. Сойфер

Комиссия Советского Контроля при Совете Народных Комиссаров СОЮЗА ССР:

* З.М. Беленький
* Ю.М. Гладштейн
* Н.М. Анцелович
* Л.Е. Гольдич
* А.И. Гайстер
* М.А. Дейч
* И.С. Землячка
- Н.И. Ильин
- И.М. Москвин
* А.И. Карлик
* Б.А. Ройзенман
* Р.Я. Киссис
* Я.Я. Бауэр (Байер)
* К.П. Сомс
* Л.П. Богат
? С.Я. Манфред
* Э.И. Вейнбаум
* Г. Меламед
* Р.С. Венгерова
* А.Н. Гусев (Фридкин)
* М.И. Геммерверт
* А.Р. Розит
* Я.И. Гиндин
* В.Г. Фейгин
* К.В. Гей

Комиссия Партийного Контроля при Центральном Комитете ВКП(б):

* Л.М. Каганович
* Р.Е. Давидсон
- Н.И. Ежов
* Б.А. Двинский
* Е. Ярославский (Губельман)
* А.А. Левин
* Ж.И. Меерзон

* Л.А. Папарде
* Н.Н. Рабичев (Зайденшнер)
* А.Н. Петровский (Биркман)
* Р.Г. Рубенов
* М.И. Рубинштейн
? Д.А. Булатов
* В.П. Ставский
* И.М. Беккер
- М.Л. Сорокин
- Н.С. Березин
* М.М. Темкин
? С.К. Брикке
* А.А. Френкель
* Е.Б. Генкин (Розенталь)
* С.Т. Хавкин
* В.Ф. Шарангович
* М.Л. Грановский
* Э.И. Юревич
* В.Я. Гросман
* А.И. Яковлев (Эпштейн)

Комиссариат тяжелой промышленности:

Комиссар:

- С.К. Орджоникидзе

Его заместители:

* А.И. Гуревич
* М.М. Каганович
- А.П. Серебровский
- Г.Л. Пятаков
- А.М. Питерский
* М.Л. Рухимович
- А.В. Винтер

Члены коллегии:

* Бирман
* Штерн
* В. Гроссман
* Я.Б. Шумяцкий
* Я. Гугель
* П.И. Андраюнас
* Ерман
* С. Гинзбург
* Израилович
* А.А. Соколенко
* Фигатнер
* А.И. Дубровицкий
* Штейн

Комиссариат легкой промышленности:

Комиссар:

* И.Е. Любимов (Козлевский)

Его заместители:

* А.М. Фушман

- * А.Б. Генкин (Розенталь)
- * В.А. Левин
- * Шварцман
- * М.А. Дейч
- * Маргулис

Комиссариат лесной промышленности:

Комиссар:

- С.С. Лобов

Его заместители:

- * Гринштейн
- * А.К. Альберт
- * Казацкий
- * К.Я. Розенталь
- * А.Г. Резин
- М.А. Советников
- * И.А. Владек

Комиссариат зерновых и животноводческих советских хозяйств:

Комиссар:

- * М.И. Калманович

Его заместители:

- К.П. Соме
- * Г.Л. Островский
- * М.Г. Герчиков
- * Т.А. Юркин (Вейнберг)
- * В.Л. Паверман
- * Л.А. Грушевский
- * А.Л. Львов

Комиссариат земледелия:

Комиссар:

- М.А. Чернов

Его заместители:

- * А.А. Левин
- * Подгаец
- * И.И. Рейнгольд

Члены коллегии:

- * Каган
- * С.Б. Урицкий
- * Л. Шток
- * Л.Л. Паперный

Комиссариат финансов:

Комиссар:

- Г.Ф. Гринько

Его заместители:

- * Р.Я. Левин
 - * Е.Б. Генкин (Розенталь)
 - * Я.А. Теумин
- Члены коллегии:
- * Малаховский

- * Нейфельд

- * Тамаркин

- * Л. Шанин

- А.А. Рекис

- * А.Я. Хацкевич

- * И.В. Блинк

Хранитель ценностей и заведующий отделом внешней торговли:

- * О.И. Каган

Председатель Центрального комитета финансовых и банковских служащих:

- * Д. Заславский

Государственный Банк:

Председатель правления:

- * Л.Е. Мариазин

Заместитель:

- * Г.М. Аркус

Комиссариат внешней торговли:

Комиссар:

- * А.П. Розенгольд

Его заместители:

- * И.Я. Вейцер
- * М.И. Фрумкин

- А.В. Озерский

Члены коллегии:

- * Б.С. Беленький
- ? С.А. Месинг
- * С.Г. Брон
- * Б.И. Плавник
- М.Г. Вронский
- * Ф.Я. Рабинович
- * Ш.М. Двойлацкий
- Н.Н. Ромм
- Л.Х. Фридрихзон
- * Я.А. Соколин
- * М.Г. Гуревич
- * М.Л. Сорокин
- * Я.Д. Янсон
- * А.М. Тамарин
- * М.А. Каттель
- * С.Б. Жуковский
- Ф.Ф. Килевец
- * И.И. Флиор
- * А.А. Кисин
- * И.М. Кацнельсон
- * Б.И. Краевский

Комиссариат снабжения:

Комиссар:

- А.И. Микоян

Его заместители:

- * С.Я. Гроссман
- * М.Н. Беленький
- * М.Ф. Левитан
- * Я.К. Яглом
- * М.Н. Бельский

Члены коллегии:

- * Б. Гибер
- * П.Я. Розенталь
- * Гольман
- * А.Р. Розит
- * Г.И. Дукор
- * Н.Г. Гуревич
- * Инденбаум
- ? А.Н. Клязет
- * С. Гинзбург
- * Л.С. Николаевский

Центральный союз потребительских обществ:

Преседатель:

- И.А. Зеленский

Замы председателя Центросоюза потреби-
тельских обществ:

- * Б.Л. Кричевский
- * М.С. Эпштейн
- * А.С. Кишак

Председатель Всесоюзного кооперативного
Банка:

- * М.Вуль

Главный арбитраж:

Главный арбитр:

- * Ф.И. Гооцкеин

Заместитель:

- ? И.К. Гамбург

Арбитры:

- * А.И. Вайнштейн
- * А.Р. Шнейдер

Прокуратура:

Прокурор:

- И.А. Акулов

Заместители:

- * Леплевский
- * Сигал

- А.Я. Вышинский

Его помощники:

- * А.А. Сольц
- * Ширвинт

Комиссариат Иностранных Дел:

Комиссар:

- * М.М. Литвинов (Финкельштейн)

Секретарь Наркома

- П.П. Отличин

Секретари

- * Б.И. Шмох-Бронская

- * М.С. Морштинер

- * С.В. Эпштейн

- * В.И. Дымент

Его заместители:

- Н.Н. Крестинский

- * Г.Я. Сокольников-Бриллиант

- * Л.М. Карахан

Протокольный отдел:

Заведующий:

- * Я.А. Ротштейн

Секретарь

- * Б.Г. Бурштейн

Политический архив:

Заведующий:

- ? И.С. Якубович

Отдел дипломатических курьеров:

Заведующий:

- * Ф.К. Грикман

1-й западный отдел (Прибалтика, Польша и Скандинавия):

Заведующий:

- * Л.Э. Березов

Его помощники:

- * Л.Я. Гайдис

- * С.М. Мирный

Референт по Польше:

- * Е.Л. Кониц

2-й западный отдел (Центральная Европа и Балканы):

Заведующий:

- * Д.Г. Штерн

Референт по Германии, Швейцарии и Голлан-
дии:

- * В.Л. Левин

Помощник:

- Ф.В. Линде

Референт по Чехословакии и Балканским
странам:

- * М.С. Шапиро

Референт по Австрии и Венгрии:

- * М.И. Россовский

Референт:

- * С.П. Кантер

3-й западный отдел (Англо-Романские страны):

Заведующий:

* Е.В. Рубинин

Референт по Америке:

* С.Л. Столяр

Помощник:

* Х.С. Веиноерг

Референт по Англии:

- К.Я. Лебянс

1-й восточный отдел (страны Ближнего Востока):

Заведующий:

* В.М. Цукерман

Заведующий прессой:

* Е.Л. Гальперин

2-й восточный отдел (страны Дальнего Востока):

Заведующий:

? Б.И. Козловский

Референт по Японии:

* Е. Г. Айзенштадт

Референт по Китаю:

* М.С. Смирнов-Бреговский

Юридический отдел:

Заведующий:

- А.В. Сабанин

Юристконсульты:

* В.Г. Блюменфельд

* В.О. Браун

Помощник:

* М.А. Плоткин

Референты:

* И.С. Дуван

* Н.Е. Ривлина

* А.Б. Рафаловская

Экономическая часть:

Заведующий:

* Б.Д. Розенблюм

Помощник:

* Р.М. Флигельбаум

Консульский отдел:

Заведующий:

* А.В. Заславский

Референты:

* А.А. Поляк

- В.Н. Кривицкая

* В.Н. Серебрянный

* Е.А. Шмулевич

Отдел печати и информации

Заведующий:

* К.А. Уманский

Его помощники:

* Я.Б. Подольский

* С.С. Бельский

* Б.М. Миронов

Управление делами и отдел кадров:

Заведующий:

- Я.М. Мартинзон

Помощник:

* Л.А. Гашкель

Делегаты комиссариата при Союзных Республиках:

При РСФСР:

* А.А. Розе

* Г.И. Меламед

* Г.И. Вайнштейн

При Закавказской Федер. СР:

* Я.С. Ильинский

* Е.М. Неймарк

* А.Г. Иткин

При Украинской ССР:

* Г.Б. Гельюновский

* А.М. Петровский (Шварцман)

При Узбекской ССР:

* Я.А. Эйхорн

? Г.А. Апресов

При Туркменской ССР:

* С.Л. Борисов

* Б.Б. Шаргородский

При Белорусской ССР:

* И.А. Карташев

При Таджикской ССР:

* И.С. Вейцберг

Представительства комиссариата за границей:

Франция:

Посол:

- В.П. Потемкин

Торговый представитель;

* Ш.М. Двойлацкий

Советники:

* М.И. Розенберг

* Е.В. Гиршфельд

Военный атташе:

* С.И. Венцов(Кранц)

Германия:

Посол:

* Я.З. Суриц
 Вице-консул:
 * Л.С. Каплан
 Торговый представитель: ...
 Его заместители:
 ? Д.В. Канделаки
 * Л.Х. Фридрихзон
 * А.С. Файнштейн
 * М.Я. Волынский
 Секретарь:
 * А.В. Гиршфельд
 Атташе:
 * Л.А. Шнитман
 Военный атташе:
 * Б.М. Гордон

Англия:

Посол:
 * И.М. Майский (Ляховецкий)
 Атташе:
 * А.Ф. Волчков (Беркман)
 Советник:
 * С.Б. Каган
 Торговый представитель:
 * А.В. Озерский (Фридман)

Италия:

Посол:
 * Б.Е. Штейн
 Секретарь:
 * Л.Б. Гельфанд
 Консул:
 * П.М. Днепров (Гольдштейн)
 Торговый представитель:
 * Б.С. Беленький
 Советник:
 * П.С. Фридгут
 Помощник:
 * Б.П. Шапиро

Польша:

Посол:
 - Я.Х. Давтян
 Торговый представитель:
 * А.М. Тамрин
 Советник:
 * Б.Г. Подольский

Турция:

Посол:
 * Л. М. Карахан
 Торговый представитель:
 - С.И. Акивис
 Советник:
 * Х.А. Залкинд

Америка:

Посол:
 - А.А. Трояновский
 Секретари:
 ? А.Ф. Нейман
 * Г.И. Гохман
 Советник:
 * Б.Е. Свирский
 Атташе:
 ? Э.К. Липко
 * Г.М. Григорьев

Австрия:

Полномочный представитель:
 * А.М. Петровский
 Секретарь:
 - П.К. Некунде
 Замполпред:
 * Лорена
 Зав. консульской частью:
 * Г.Е. Шейнии

Греция:

Полномочный представитель:
 * М.В. Кобецкий
 Секретарь:
 * Г.Я. Бежанов
 Торговый представитель:
 * Н.С. Ангарский
 Помощник:
 - В.А. Адамсон

Япония:

Посол:
 * К.К. Юренев (Гакфман)
 Секретари:
 * А.Б. Асков
 ? Б.А. Гинце
 Советник:
 * Н.Я. Райвид

Латвия:

Полномочный представитель:
 * С.И. Бродовский (Брайтман)
 Секретарь:
 * И.М. Морштин

Литва:

Полномочный представитель:
 * М.А. Карский (Бекман)
 Торговый представитель:
 * А.М. Самарин (Маркович)
 Секретарь:
 * С.М. Кофман

Монголия:

Полномочный представитель:

- С.Е. Чуцкаев

Торговый представитель:

* А.И. Биркенхоф

Советник:

* И.Я. Златкин

Секретарь:

* Я.Г. Горский

Норвегия:

Полномочный представитель:

? И.С. Якубович

Торговый представитель:

* П.И. Кушнер

Румыния:

Полномочный представитель:

* М.С. Островский

Швеция:

Полномочный представитель:

- А.М. Коллонтай

Уругвай:

Полномочный представитель:

* А. Е. Минкин

Секретарь:

- А.А. Острин

Финляндия:

Полномочный представитель:

- Э.А. Асмус

Торговый представитель:

* Л.Л. Непомнящий

Комиссия Государственного Плана:

Председатель:

- В.И. Межлаук

Его заместители:

- И.С. Уншлихт

* А.И. Гайстер

- Э.И. Кюринг

Члены комиссии:

* С.С. Диканский

* Б.Л. Маркус

* С.Б. Карп

* Е.З. Гальденберг

* Г.Б. Лауэр

* Мандельсон

* М.И. Рубинштейн

* С.Л. Гольдберг

* С.Губерман

* Н.Е. Волынский

* Хвесин

**Всероссийский Центральный Исполнительный
Комитет (ВЦИК)**

Секретарь Калинина:

* Мягкий

Секретариат Президиума:

Заведующий:

- М.Ф. Вербицкий

Его заместители:

* З.С. Островский

* А.А. Симановский

Генеральный Секретариат:

Заведующий:

* И. Яштайн

Протокольная группа:

Заведующий:

* Рэш

Отдел кадров:

Заведующий:

* А.В. Шотман

Заместитель:

* Г.С. Гуревич

Комиссия по делам амнистий:

Председатель:

* А.С. Муник

Секретарь:

* С.П. Милисин

Комитет по землеустройству евреев:

Председатель:

* С. Диманштейн

Агроном-Инженер;

* А.Р. Тенкин

Заместитель:

* Б.И. Троцкий

Управ. делами:

* Ф.М. Коган

**Комиссия муниципализации и демунципализации
строений:**

Председатель:

* А.В. Шотман

Секретарь:

- М.И. Машинцева

Издательский отдел:

Заведующий:

* Максимовский

Бюро переписки:

Заведующий:

? М.В. Оттенберг

Совет культурного строительства:

Заведующий:

? Д.М. Народицкий

Финансовый отдел:

Главный бухгалтер:

* Мант

Комиссия Фонда «Имени Ленина»

Председатель:

* А.А. Симановский

Комиссариат Внутренних Дел (ОГПУ)

Комиссар:

* Г.Г. Ягода (Гершель Ягода)

Заместитель нач. ГУЛаг:

* С.Г. Раппопорт

Помощник:

* Я.С. Агранов (Сорензон)

Начальник Беломорских лагерей:

* Л.И. Коган

Начальник Главного Управления Милиции:

* Л.Н. Бельский

Начальник Беломорско-Балтийского лагеря:

* С.Г. Фирин

Начальник Главного Управления лагерей и поселений:

* М.Д. Берман

Начальник Главного Управления тюрем:

* Апетер

Уполномоченные ОГПУ:

Северо-Кавказский край -

* Фридберг

Дальневосточного края -

* Т.Д. Дерибас

Средней Азии -

* Пилер

Казахстана -

* Золин

Таджикистана -

- Солоницын

Смоленской области -

? Нельке

Узбекистана -

? Круковский

Западной области -

* Блат

Азербайджана -

? Пурнис

Московской области -

? Реденс

Сталинского края -

* Раппопорт

Ленинградской области -

* Заковский

Винницкой области -

* Соколинский

Оренбургской области -

* Райский

Харьковской области -

? Карлсон

Киевской области -

- В.А. Балицкий

Видные работники ОГПУ-НКВД:

* М.А. Трилиссер

* С.Г. Гиндин

* Л.А. Залип

* М.Д. Берман

* Л.Н. Мейер

* В.Я. Зайдман

* З.Б. Кацнельсон

* Д.Я. Зайдман

* Ф.М. Курмин

* Я. Ф. Вольфзон

* Л.Д. Вуль

* Я.М. Дымент

- А.И. Рыбкин

* Г.Я. Абрампольский

- Г.В. Гродисс

* И.Г. Вейциан

? А.Р. Формайстер

* М.М. Вейцман

* С.А. Розенберг

* Б.В. Гинзбург

* А.Г. Минкин

* В.С. Баумгарт

? Г.П. Кладовский

? Е.Г. Иогансон

* Ф.М. Кац

* Е.А. Водарский

* А.Л. Шапиро

* А.А. Абрамович

* Л.И. Шпигельман

* А.М. Вайнштейн

* М.Л. Патер

* Л.М. Кудрик

* Н.А. Фрснкель

* М.И. Лебель

* А.Р. Дорфман

* И.В. Путилик

? Ф.И. Сотников

* К.А. Гольдштейн

* И.И. Иванов

* М.Ф. Госкин
- И.Ф. Юсис
* М.С. Курин
- Э.И. Сенкевич
* М.С. Иезуитов

Политические Управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии:

Начальник:
* Я.Б. Гамарник
Его помощники:
* Озол
* А.С. Булин
Инспекторы:
* Берлин
* Раскин
* Райхман
* Политман
* И. Гринберг
* А. Кацнельсон
Начальники секторов:
* Россет
- Рудзит
* Ф.Л. Блументаль
* Рейзин
Начальники Политических Управлений:
Дальневосточной армии -
* Л.Н. Аронштам
Волжской авиации -
* А. В. Вельтнер
Украинского военного округа -
* Амелин
Балтийского флота -
* Рабинович
Дальневосточного флота -
? Булышкин
Приволжского военного округа -
* Мезис
Черноморского флота -
* Гугин
Северо-Кавказского военного округа -
* Н.Н. Генц
Закавказской авиации -
* Шифрес

Центральный совет союза воинствующих безбожников

Председатель:
* Е. Ярославский (Губельман)
Заместитель:
? А. Лукачевский

Отдел подготовки кадров:

Заведующий:
? Д. Михневич

Отдел агитмассовой и антирелигиозной работы:

Заведующий:
* М.. Кефала

Отдел антирелигиозной учебы в школах:

Заведующий:
* М. Искинский

Отдел антирелигиозной литературы:

Заведующий:
* М.Яковлев (Эпштейн)

Отдел интернационального воспитания:

Заведующий:
* И. Инцеров

Отдел антирелигиозной работы в армии:

Заведующий:
* Г. Струков (Блох)

Научно-исследовательский отдел:

Заведующий:
* Л. Лукачевский

Музей борьбы против религии:

Заведующий:
* Ю. Коган

Наиболее активные руководители Союза:

* Г. Эйльдерман
* М.М. Шейнман
* Ф. Сайфи
* В. Дорфман
* А. Минкин
* Ю. М. Вермель
* С. Митин
* М. Альтшулер
* Ральцевич
* К. Берковский
* В. Козлинский
* М. Персин
* А. Ранович
* С. Вольфзон
* А. Козлевский
* Д.И. Зильберберг
* Ю. Ганф
* И. Гринберг
* Клинич
* А. Шлитер

КУЛЬТПРОСВЕТ:

Начальник Главного Управления Кинопромышленности:

* Б.З. Шумяцкий

Научный работник:

* Я.Г. Тагер

Работники:

* Л.З. Трауберг

* Г.Я. Рошель

* В.С. Иосилевич

* М. Кауфман

* Л.Г. Кацнельсон

* М.П. Шнейдерман

* Я.Н. Блех

* А.П. Штеренберг

* С.М. Эйзенштейн

* А.Г. Гринберг

ПЕЧАТЬ:

Редакторы:

«Тихоокеанской Звезды» -

* И. Шацкий

«Экономической Жизни» -

* Вайсберг

«Водного Транспорта» -

* Е. Цехер

«Правды» -

* М. Савельев

«Красной Звезды» -

* М.М. Ланда

«За Индустриализацию» -

* Таль

«Комсомольской Правды» -

* В.М. Бубекен

«Крестьянской Газеты» -

* С.Б. Урицкий

«Бакинского Рабочего» -

* Н.К. Белый

«Огонька» -

* М. Кольцов (Гинзбург)

«Рабочего Пути» -

* С Шейдлин

«Комсомольска Украина» -

* М. Минаин

«Рабочего» -

* Л. Хейфец

Просвещение:

подавляющее число красной профессуры, учителей и даже ректоров высших учебных заведений Союза ССР носят еврейские фамилии. Список их мы не помещаем, ввиду его громоздкости.

Специальные коммунистические университеты, школы и т.п., как правило, переполнены евреями — преподавателями и воспитателями. Например, Коммунистический Университет Национальных Меньшинств Запада, откуда также выходят опытные пропагандисты и для за границы, возглавляется ректором **Фрумкиным**, а ректором Коммунистического Университета Трудящихся Востока состоит **И.Г. Райтер**.

Здравоохранение:

Комиссар:

* В. Каминский

Начальник лечебно-санитарного Управления

Кремля: ...

Заместитель:

* Я. Левинсон

Главный врач больницы Кремля:

* М. Кроль

Заместитель:

* Б.Коген

Врач:

* Л.Левин

Сводка

Центральный Комитет ВКП(б)

Евреи — 61.

Не-евреи — 17.

Не выясн. — 7.

Совет Народных Комиссаров

Евреи — 115.

Не-евреи — 18.

Не выясн. — 3.

Центр. Союз. Потребит. Обществ

Евреи — 7.

Не-евреи — 1.

Не выясн. — 1.

Прокуратура

Евреи — 4.

Не-евреи — 2.

Не выясн. — 0.

Комиссариаты: Иностр. Дел и Внешней Торговли

Евреи — 106.

Не-евреи — 17.

Не выясн. — 8.

Комиссия Государ. Плана

Евреи — 12.

Не-евреи — 3.

Не выясн. — 0.

Всерос. Центральн. Исполнит. Ком. (ВЦИК)

Евреи — 17.

Не-евреи — 3.

Не выясн. — 2.

Комиссариат Внутренних Дел (ОГПУ)

Евреи — 53.

Не-евреи — 6.

Не выясн. — 8.

Полит. Управление Р.К.К.А.

Евреи — 20.

Не-евреи — 1.

Не выясн. — 1.

Культ. Просвет. и Союз Воинствующих Безбожников

Евреи — 40.

Не-евреи — 0.

Не выясн. — 1.

Печать: редакторы газет

Евреи — 12.

Не-евреи — 0.

Не выясн. — 0.

Послесловие

Извечный конфликт между коренным населением разных стран и государств, и еврейской этнической группой, попадавшей на территории разных государств и разных народов на протяжении всей истории человечества, общеизвестен.

Раньше, до половины 19 столетия, его называли «юдофобией», а теперь — «антисемитизмом», препятствовавшим и препятствующим мирному и плодотворному сожительству евреев с не-евреями.

Конфликт этот особенно отчётливо проявлялся в странах и государствах со значительным количеством евреев — его граждан или «подданных».

Россия имела, в своих границах, в начале XX века, больше 6 миллионов евреев, по своему мироощущению, миропониманию и правосознанию чужих и чуждых коренному населению, живущих замкнутой группой, не желающей ассимилироваться с окружающим населением, несмотря на все возможности, предоставлявшиеся для этого правительством России, как это указано в настоящем очерке.

Эти самоизоляционные тенденции евреев и особенности их «духовного облика» и породили тот конфликт, всю вину за который, не без успеха, пытаются возложить на русский народ и все его правительства и режимы, обвиняя его в «антисемитизме».

Насколько обоснованы эти обвинения, в достаточной степени выяснено в очерке.

Но это — не препятствует распространять по всему миру клевету об угнетении и преследовании евреев, как в России, так и в СССР, что вызывает резко отрицательное отношение всего мира к русскому народу и порождает и питает антирусские настроения в международных отношениях.

Клевета приносит свои плоды. Ей верят, не требуя никаких доказательств, не трудясь проверить, насколько справедливы и обоснованы эти обвинения, осуждают и уже осудили весь русский народ, а с ним и всё население — все племена и народы России — в «угнетении и преследовании» евреев.

Выслушать обвиняемого не потрудились.

Как же реагировал на это без суда осуждённый?

Русский народ, всё население России-СССР, представляемый, в настоящее время, партией и правительством СССР, а также «Зарубежная Русь», с её многочисленными национально-патриотическими и церковными организациями и лидерами?...

Никак! Молчанием...

Ни для кого не секрет и причины этого молчания, в ответ на клевету.

СССР не углубляет этот вопрос, ибо углубление неизбежно привело бы и к оглашению роли еврейской этнической группы, как в создании каркаса советской власти, ликвидации культурной элиты дореволюционной России, заключении позорного Брест-Литовского мира, организации концлагерей и красного террора, так и доминирующем положении евреев во всех областях жизни страны в течение 35 лет.

Не углубляет и вообще не затрагивает этот вопрос и общероссийская эмиграция, из боязни быть обвинённой в «антисемитизме», чего эмигранты боятся пуще огня.

В результате, клевета, не встречая никакого противодействия, ширится и крепнет...

Молчание же тех, кому бы надлежало выступить с опровержением этой клеветы, даёт основание всем врагам многоплеменной России объяснять это молчание сознанием своей вины и подтверждением справедливости обвинения...

Нарушить это молчание, «вложить персты в раны» и правдиво осветить тот «щекотливый вопрос» о положении и роли евреев в России и в СССР, которой систематически и упорно извращается и искажается одними и робко, угодливо, замалчивается другими — дерзаю я, в настоящем очерке.

Как сын великого, триединого русского народа, украинец-малоросс по происхождению, представитель того поколения, которому суждено было быть свидетелем и участником событий, переворотов и возмущений последнего полустолетия, считаю своим долгом перед будущим сказать ту правду, которая изложена в этой книге.

Твёрдо верю, что придёт время, когда беспристрастные исследователи, свободные от страха быть обвинёнными в «антисемитизме», смогут дать более полное и подробное описание жизни еврейской этнической группы в России и в СССР и её влияния на все стороны жизни великой державы, созданной русским народом.

И тогда, надеюсь, им пригодится и мой скромный, далеко не полный и исчерпывающий очерк.

* * *

В заключение, приношу мою благодарность всем тем несколькимстам российских эмигрантов,

которые откликнулись на мою статью «Навет на наш народ», напечатанную в 1964 году в нескольких эмигрантских органах печати, прислали мне ряд ценных советов, указаний, документов и данных, и поддержали меня морально и материально.

* * *

В предвидении возможности второго издания

этой книги, которая, благодаря отсутствию средств, печатается в ограниченном числе экземпляров, а также и возможности её перевода (полного или сокращённого) на иностранные языки, обращаюсь с просьбой к читателям прислать мне свои мнения о содержании и изложении книги, а также, пожелания, что бы следовало в возможном втором издании дополнить, изменить, выпустить или уточнить.

Андрей Дикий

Мой адрес

— летний — от мая до ноября:

Andrey Iv. Diky, 14 Springer St. Richmond, Maine, 04357.

— зимний — от ноября до мая:

Andrey Iv. Diky, 518 W. 111 St. Ap. 2. New York, N.Y. 10025.

Первое издание осуществлено в Нью-Йорке в 1967 году.

(c) 1967 by Andrey Iv. Diky, 14 Springer St. Richmond, Maine, USA.

«[Советник](#)» — путеводитель по хорошим книгам.